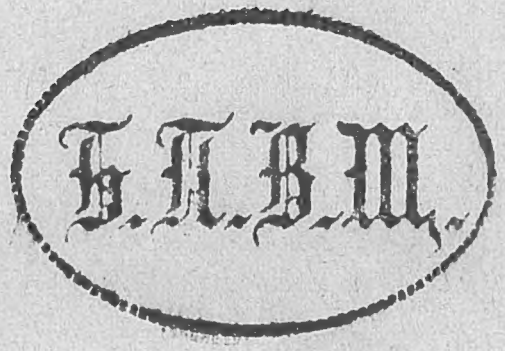
74 4/67

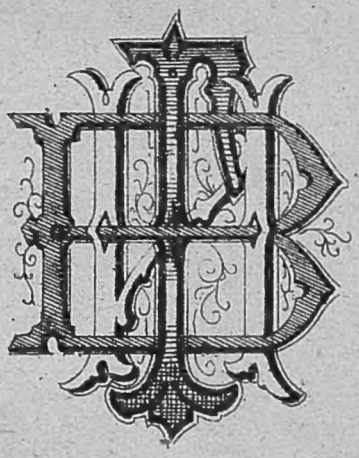
6596

7 4 6
67



ВОСПОМИНАНІЯ

графини Шуазель-Гуфье.



С. Петербургъ.
Типографія В. И. Граціанскаго.
Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, № 46.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
№ 306186
193 г.

ВОСПОМИНАНІЯ

объ

ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I

и

ИМПЕРАТОРѢ НАПОЛЕОНѢ I

графини Шуазель-Гуфье.

С.-Петербургъ.
Типографія В. И. Граціанскаго,
Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, № 46.

Предисловіе.

Сочинительница настоящихъ Записокъ—по происхожденію полька, графиня Тизенгаузъ; она была въ замужествѣ за камергеромъ русскаго двора графомъ Антоніемъ-Людовикомъ Шуазель-Гуфье, сыномъ извѣстнаго французскаго дипломата и путешественника, который будучи французскимъ посломъ въ Константинополѣ, въ началѣ революціи эмигрировалъ въ Россію, и принятый въ русскую службу, былъ директоромъ императорской Публичной библіотеки. Его невѣста, оставившая по себѣ эти записки, скончалась въ половинѣ 1860 годовъ.

Воспоминанія ея объ Александрѣ I и Наполеонѣ I были изданы дважды: въ первый разъ—въ1829 г., и во второй въ 1862 году, съ значительными измѣненіями. Съ этого послѣдняго изданія и сдѣланъ нашъ переводъ.

Соотвѣтственно своему происхожденію составительница Записокъ смотритъ на изображаемую ею эпоху и людей съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ и сочувствій. Императоръ Александръ какъ извѣстно вообще пользовался большимъ расположеніемъ польской аристократіи; въ свою очередь онъ и самъ очень благоволилъ къ ней.

Такъ и въ Запискахъ графини Шуазель-Гуфье личность этого государя очерчена самыми привлекательными красками; мало того: сочинительница Записокъ

не затруднилась приписать ему явное предпочтеніе поляковъ другимъ своимъ подданнымъ. Намъ нечего распространяться о томъ, на сколько исторически вѣрно такое представленіе, равно какъ нечего говорить о пристрастіи автора Записокъ ко всему польскому: достаточно только указать на это обстоятельство чтобы поставить русскаго читателя на самостоятельную точку зрѣнія.

Если мы взглянемъ на записки графини Шуазель-Гуфье независимо отъ ея политическихъ и національныхъ сужденій и пристрастій, то нельзя не признать несомнѣннаго интереса въ фактической сторонѣ ея разсказа: въ немъ не мало живыхъ чертъ, которыя удачно характеризуютъ, какъ личность императора Александра, такъ и положеніе польской аристократіи, поставившей себя подъ перекрестнымъ огнемъ двухъ великихъ, на смерть сразившихся противниковъ.

I.

Война 1812 года.—Суровость континентальной системы, возложенной на Россію.— Пріѣздъ императора Александра въ Вильну. — Отъѣздъ автора записокъ въ Товяны. — Проѣздъ Александра и посѣщеніе имъ Товянъ.—Портретъ Александра I.—Великая княгиня Елизавета Баденская.

Наступилъ для міра 1812 годъ; для французовъ онъ былъ сперва блестящимъ, лучезарнымъ, а къ исходу своему сталъ подобенъ кровавой рѣкѣ, траурному покрывалу, снѣжной могилѣ. Континентальная система, произвольно навязанная Наполеономъ Россіи, сдѣлалась ей въ тягость и внушала серьезныя безпокойства императору Александру. Со всѣхъ концовъ имперіи, среди дѣйствительнаго и мнимаго богатства, раздавался голосъ нищеты, такъ какъ прекратился всякій отпускъ за границу, всѣ порты были заперты, и ощутился недостатокъ въ необходимѣйшемъ народномъ для Россіи продуктѣ — въ соли. Можно было обойдтись безъ сахара, вина, но не безъ соли и сельдей, которыя составляютъ ежедневную пищу въ теченіе продолжительныхъ русскихъ постовъ, а ихъ то и нельзя было достать, или же продавали ихъ по баснословно дорогой цѣнѣ, недоступной для бѣднаго народа. Англійскій кабинетъ тайно работалъ надъ возбужденіемъ всеобщаго неудовольствія. Императоръ Александръ видѣлъ мечъ повѣшенный надъ его главою на англійской веревкѣ. Слѣдуетъ ли ему принести свою

судьбу въ жертву произволу Наполеона? Необходимо было безотлагательно принять какое-либо рѣшеніе.

Весною 1812 года въ Вильнѣ было получено извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ государя и о томъ, что онъ пробудетъ тамъ неопредѣленное время. Квартиру, которую занималъ мой отецъ въ домѣ своего племянника графа Паца, была нанята для великаго князя Константина Павловича; отецъ же перешелъ на другую, менѣе обширную, но въ томъ же домѣ,и разсудилъ, не смотря на дурную погоду, скверныя дороги и всевозможныя упрашиванія, которыя дѣлались ему по этому поводу, что будетъ приличнѣе, если онъ отправитъ меня за двадцать верстъ отъ Вильны къ графинѣ Морикони, вдовѣ генерала Морикони, очень достойной особѣ. Она, равно какъ и ея братья графы Шадурскіе, была воспитана однимъ французскимъ аббатомъ, и говорила и писала на этомъ языкѣ, какъ умная француженка. Съ дѣтства разлученная съ моею матерью, я любила называть г-жу Морикони моею второю матерью, ибо ея набожностію и умнымъ рѣчамъ я обязана была моимъ религіознымъ чувствомъ, которое составляетъ поддержку и утѣшеніе всей моей жизни. Обѣ ея дочери, мои близкія подруги, были вполнѣ достойны своей матери. И потому я нисколько не была огорчена, что принуждена была оставить Вильну и отправиться на время поста въ деревню. Празднованіе пасхи сопровождается въ Польшѣ приготовленіемъ болѣе или менѣе роскошнаго стола, состоящаго изъ разныхъ сортовъ холоднаго мяса, дичи (у моего отца всегда готовилась ветчина, кабанья голова, лосина, бобровые хвосты) и всевозможныхъ пироговъ и сластей; повара проводятъ по крайней мѣрѣ недѣлю за изготовленіемъ этихъ свячоныхъ

явствъ, которыя дѣйствительно освящаются приходскимъ священникомъ въ полномъ облаченіи.

Графъ Морикони, котораго отличали отъ покойнаго генерала Морикони по его настоящему званію notaire de la couronne (эту должность я не умѣю опредѣлить по французски) и по женѣ, урожденной княгини Радзивиллъ, пригласилъ насъ въ Товяны, мѣстечко, сдѣлавшееся знаменитымъ послѣ посѣщеній императора Александра. Графъ находился тогда уже въ состояніи немощи и паралиэаціи. Я жила уже вторую недѣлю въ Товянахъ, какъ однажды утромъ, прежде чѣмъ я встала, названная мать пришла ко мнѣ проститься; она оставляла меня со своею дочерью Доротеею, а сама возвращалась домой; она объявила мнѣ, что государь проѣдетъ черезъ Товяны, по дорогѣ въВилкомиръ, въ главную армію. Въ ночь пріѣхалъ курьеръ съ приказаніемъ имѣть на-готовѣ сорокъ лошадей для перемѣны его величеству.

День прошелъ оживленно въ суетѣ, неразлучной съ проѣздомъ государя:курьеры, генералы, адъютанты, какъ молнія ежечасно слѣдовали одинъ за другимъ.Объявлено было, что государь прибудетъ на слѣдующій день, но прибытіе назначалось то къ завтраку, то къ обѣду, то къ ночи, наконецъ, что остановки никакой не послѣдуетъ, будетъ только смѣна лошадей, чего въ особенности и желали хозяева дома,такъ какъ одинъ съ трудомъ могъ говорить по причинѣ болѣзни, а другой просто не блисталъ даромъ краснорѣчія. Однако нужно было все приготовить для должнаго пріема. Самое мѣстечкоТовяны прекрасно;господскій домъ выстроенъ здѣсь въ итальянскомъ вкусѣ, главная часть зданія украшена галлереей съ колоннами и двумя павильонами, соеди-

ненными между собою переходами; посрединѣ находятся тщательно отдѣланные сады, перерѣзанные водою, рощами съ бесѣдками, гротами, бельведерами; время года не позволяло ничѣмъ этимъ пользоваться.

Не смотря на то, что былъ уже конецъ апрѣля, весна очень запоздала своимъ появленіемъ: не было признака травки, листика! Суматоха, хлопоты и чистка дома, которыя понадобились для того, чтобы превратить нѣкоторыя комнаты въ покои его величества; множество горничныхъ, которыхъ графиня Морикони держала по старинному княжескому обычаю Радзивилловъ, и которыя не знали куда имъ дѣться среди облаковъ пыли, мебели, выносимыхъ кроватей,—все это очень забавляло меня и моихъ двухъ пріятельницъ Доротею Морикони и Марію Грабовскую, которая впослѣдствіи сдѣлалась княгинею Радзивиллъ. То были безконечные взрывы хохоту отъ малѣйшей бездѣлицы. Блаженные годы! Затѣмъ нужно было заняться и туалетами; но забавнѣе всего было то, что моя главная горничная, весьма опечаленная моимъ отъѣздомъ изъ Вильны, отпустила со мною лишь самое необходимое изъ вещей, и это приводило здѣшнюю ирислугу, которая меня очень любила, въ отчаяніе и удивленіе относительно моей безпечности. Всѣ онѣ помогали моей маленькой Викторіи въ украшеніи моего простенькаго бѣлаго перкалеваго платья, которое было отдѣлано à la Mathilde кисейными вышивками. Въ мои густыя каштановыя косы, положенныя короной надъ лбомъ, прикололи свѣжіе цвѣты. Прибавьте къ этому мои девятнадцать лѣтъ—вотъ и весь мой нарядъ! Мои пріятельницы были также одѣты въ бѣлое, но въ кисею, газъ и т. п., и туалеты ихъ были изготовлены въ Варшавѣ.

Правду сказать (такъ какъ все это происходило много лѣтъ тому назадъ, да и моихъ милыхъ друзей нѣтъ уже на свѣтѣ), онѣ болѣе нуждались въ разныхъ украшеніяхъ, чѣмъ я.

Въ назначенный часъ мы всѣ собрались въ залу поболтать съ моимъ зятемъ графомъ Гюнтеромъ и съ моимъ младшимъ братомъ, который только что пріѣхалъ изъ Вильны и передавалъ намъ любопытныя подробности о соперничествѣ нѣкоторыхъ дамъ, о сборщицахъ Общества Благотворительности, которому государь пожаловалъ 8000 франковъ, о бывшемъ въ Вильнѣ балѣ, какъ вдругъ дано было знать о пріѣздѣ государя. Наши Виленскіе господа мгновенно изчезли,—они были не въ мундирахъ и вовсе не представительны. Мы кое-какъ прикололи наши букеты и увидали въ окна государя, подъѣзжавшаго, не смотря на дурную погоду, въ открытой коляскѣ и окруженнаго военными верхомъ. Старый графъ, въ мальтійскомъ мундирѣ и съ лентой Бѣлаго Орла черезъ плечо, встрѣтилъ государя на подъѣздѣ въ моментъ его выхода изъ экипажа вмѣстѣ съ оберъ-гофмаршаломъ гр. Толстымъ. Государь тотчасъ же освѣдомился о недугѣ графа и съ очаровательною любезностью поддержалъ его. Мы всѣ уже стояли въ сѣняхъ. Государь, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, сталъ извиняться передъ дамами, что онъ въ сюртукѣ. Онъ подалъ графинѣ руку, и не смотря на почтительное ея сопротивленіе, поцѣловалъ ея руку, а графа заставилъ сѣсть; затѣмъ началось наше представленіе.

Такъ какъ государь говорилъ о Вильнѣ и о тамошнемъ балѣ, то мы отвѣчали, что Вильна не можетъ соперничать съ Петербургомъ.

— А вы знаете Петербургъ? спросилъ государь.

На отрицательный отвѣтъ нашъ онъ сказалъ:

— Такъ я всѣхъ васъ приглашаю пріѣхать, и надѣюсь, что онъ оправдаетъ ваше выгодное о немъ мнѣніе.

Это приглашеніе, обращенное къ дѣвицамъ, заставило насъ улыбнуться.

Государь сдѣлалъ графинѣ нѣсколько лестныхъ замѣчаній на счетъ ея дворца, садовъ, на которые онъ смотрѣлъ изъ окна, и безпрестанно повторялъ, что ему совѣстно быть въ такомъ костюмѣ среди дамъ прелестно одѣтыхъ.

Государь совершенно отказался отъ обѣда, но выкушалъ чашку чая, затѣмъ благосклонно раскланялся со всѣмъ обществомъ, приказавъ графу Морикони не трогаться съ мѣста, а его супругѣ не провожать его, и отправился въ Вилькоміръ.

По отъѣздѣ государя прибыли князь Волконскій и англичанинъ докторъ Виллье, которые въ сравненіи съ государемъ оказались вовсе не любезными господами; я лично нашла, если смѣю такъ сказать, что государь уже слишкомъ былъ любезенъ, но такого рода недостатокъ рѣдокъ въ коронованной особѣ. Мнѣ даже казалось, что онъ не внушаетъ къ себѣ должнаго почтенія, и что очень было легко выказать ему неуваженіе, до того забывалось, съ кѣмъ говоришь. Наконецъ, сказать правду, я никогда не могла представить себѣ государя въ простомъ сюртукѣ. Такъ, въ первый государевъ пріѣздъ въ Вильну, я спросила мать и сестру какъ онѣ видѣли государя, въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ? и на ихъ отвѣтъ воскликнула:—только-то!

Императору Александру въ 1812 году было 35 лѣтъ отъ

роду, но онъ казался моложе этихъ лѣтъ: онъ имѣлъ прелестную наружность, открытую, ласковую, умную; отличительной чертой его характера была мягкость и доброта. Во взглядѣ его сквозила тончайшая усмѣшка; но бѣлокурые волосы не много посвѣтлѣли, станъ пополнѣлъ, въ особенности отъ этого несчастнаго сюртука; однимъ словомъ,онъ уже не былъ тѣмъ греческимъ богомъ, какъ называли его проживавшіе въ Петербургѣ французскіе эмигранты во время брака его съ прекрасною принцессою Луизою Баденскою.

Графы Шуазель-Гуфье, отецъ и сынъ,иногда встрѣчали въ садахъ Царскаго Села царственнаго жениха, прекраснаго юношу (которому было только 16 лѣтъ). Изящный, ловкій, писаный красавецъ, великій князь Александръ останавливался на минуту привѣтствовать ихъ, и затѣмъ движеніемъ руки, полнымъ граціи и юношеской непорочности, указывалъ имъ на дворецъ, куда онъ каждое утро отправлялся повидаться со своею невѣстою, въ полномъ смыслѣ германской Психеей, съ голубыми глазами, роскошными волосами и съ таліей Ундины, которой онъ глубоко былъ увлеченъ, и которая отдала ему все свое сердце.

На свадебномъ балу молодой графъ Шуазель удостоился чести танцовать первую кадриль съ великою княгинею Елизаветою Алексѣевною, а великій князь обращался къ нему съ разспросами, полными любознательности по поводу его, не совсѣмъ обычной для того времени, поѣздки въ Грецію и Египетъ.

II.

Второе посѣщеніе Товянъ императоромъ. — Его привѣтливость.—Графъ Толстой.—Онъ предлагаетъ государю переночевать въ домѣ графини Морикони.—Отъѣздъ государя въ Вильну.

Между отъѣздомъ и возвращеніемъ государя у насъ въ Товянахъ побывали генералъ Армфельдъ, родомъ шведъ, и графъ Чернышевъ, великій пожиратель женскихъ сердецъ, который показался мнѣ весьма самонадѣяннымъ, притворнымъ франтомъ, и слѣдовательно, очень пошлымъ. Онъ разсказывалъ о своихъ полу-дипломатическихъ поѣздкахъ въ Парижъ и о томъ, какъ покорилъ себѣ тамъ чуть не всѣ женскія сердца. Онъ славился какъ вальсеръ, и мнѣ приходилось въ Закретѣ много танцовать съ нимъ, но я никогда не испытывала того головокруженія, которое овладѣвало парижанками, даже герцогиней Абрантесъ, о чемъ она и упоминаетъ въ своихъ запискахъ,—оттого должно быть, что я лучше ихъ танцовала. Одно только нравилось мнѣ въ Чернышевѣ,—то что онъ называлъ государя плѣнительнымъ, прозваніе какъ онъ объяснялъ, данное государю общею молвой. Между тѣмъ какъ въ ожиданіи пріѣзда государя, стали по случаю сумерекъ освѣщать покои, я увидѣла въ окно толпу крестьянъ и крестьянокъ, возвращавшихся съ полей: простота, спокойствіе этого добраго люда, съ ихъ набожнымъ, тихимъ вечернимъ пѣніемъ, представляли разительный контрастъ съ туалетами и волненіемъ, которые царствовали у насъ въ домѣ.

Государь прибылъ; мы побѣжали встрѣчать его на крыльцо. Онъ вышелъ изъ коляски, сбросилъ съ себя шинель и предсталъ передъ нами въ полной формѣ, со всѣми орденами и при шарфѣ. Государь сдѣлалъ свой туалетъ въ одной изъ фермъ, принадлежащихъ къ Товянамъ; послѣ фермерша разсказывала намъ, какъ у ней разболѣлась голова отъ спиртнаго запаха лавандовой воды, распространившагося по всей ея комнатѣ; а графиня ради шутки давала намъ нюхать свою руку, на которой остался запахъ амбры, и увѣряла насъ, къ немалой нашей забавѣ, что не будетъ мыть ее изъ страха, чтобъ запахъ не испортился.

Государь бросилъ взглядъ на толпу, которая на этотъ разъ собралась внизу, увѣренная, что ея усердіе будетъ пріятно ему. Государь, который никогда ничего не забывалъ, спросилъ графиню, прошелъ ли ея насморкъ, выразилъ боязнь, что она въ прошедшій разъ изъ-за него простудилась, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ генеральшѣ Морикони (отнынѣ я буду такъ называть вдову генерала Морикони, рожденную графиню Шадурскую, въ отличіе отъ другой графини Морикони, рожденной княжны Радзивиллъ, супруги больнаго m-r le notaire) затѣмъ съ обычною своею любезностью приблизился къ намъ и освѣдомился о нашемъ здоровьѣ. На этотъ разъ, такъ какъ государь былъ не въ сюртукѣ, онъ показался мнѣ истиннымъ красавцемъ и вполнѣ величественнымъ.

Его величество сказалъ графинѣ, что онъ, какъ только могъ, торопился поспѣть къ обѣденному часу, но опоздалъ изъ-за дурной дороги. Тогда графиня, подстрекаемая всѣми нами, рѣшилась просить государя принять ночлегъ въ Товянахъ. Онъ отвѣчалъ, что никогда бы не желалъ быть

настолько намъ въ тягость, но графъ Толстой, узнавъ, что его зять князь Любомірскій въ родствѣ съ графинею Морикони, присоединился къ ея просьбѣ и сказалъ: — «государь, вамъ слѣдуетъ согласиться, такъ какъ я въ качествѣ родственника отъ своего имени приглашаю гостей».

Государь, казалось, удивился этимъ словамъ; но когда ему разъяснили въ чемъ дѣло, воскликнулъ: «и такъ, mes dames, я въ вашемъ распоряженіи, только съ условіемъ, чтобы никого для меня не безпокоить».

Но все было заранѣе обдумано и условлено со свитою государя, изъ которой главный камердинеръ не переставалъ повторять, что государю будетъ здѣсь слишкомъ хорошо, и на что я не могла удержаться отъ смѣха въ его присутствіи. Всѣ усѣлись; государь говорилъ о какомъ-то лѣкарствѣ отъ кашля, а графъ Толстой предлагалъ графинѣ противъ кашля лепешки изъ грудной травы, и государь подсмѣивался надъ его медицинскими знаніями.

—Какъ, государь, вѣдь я же давалъ ихъ вашей матушкѣ, и государыня ихъ находитъ очень полезными.

Графъ съ дѣтства былъ весьма близокъ къ государю; онъ разсказывалъ мнѣ, что во время уроковъ танцевъ онъ всегда танцовалъ съ государемъ за даму. Генеральша Морикони отлично умѣла поддерживать бесѣду съ государемъ и я не могла не засвидѣтельствовать ей мое удовольствіе взглядомъ. Государь сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ по поводу ея агрономическихъ познаній. Что касается графини, то она сказала намъ такъ: — «я не много говорила съ государемъ, но онъ понялъ мой взглядъ».

Потомъ говорили о музыкѣ, и когда государь узналъ, что Доротея поетъ, то изъявилъ желаніе послушать ее.

Когда она усѣлась за фортепіано, еле дыша отъ страха, государь сказалъ: «я умоляю васъ забыть о государѣ»—и самъ всталъ перевертывать страницы.

Послѣ того какъ Доротея пропѣла маленькую русскую пѣсню, и за тѣмъ Ombra adorata, наступилъ мой черед; но я упорно отказалась, не желая, чтобы меня слушали подъ аккомпанементъ дурнаго фортепіано; къ тому же я и не пѣла почти. Государь сѣтовалъ, что императрица Екатерина не позволяла ему изучать музыку, считая это занятіе потерею времени. Затѣмъ государь сообщилъ намъ, что въ Петербургѣ во время поста всѣ театры закрываются, а взамѣнъ ихъ бываютъ каждый вечеръ концерты, и прибавилъ: — «наши церковные уставы строже вашихъ».

Затѣмъ разговоръ завязался о знаніи языковъ, и государь утверждалъ, что польки многими изъ нихъ владѣютъ, и что тоже самое можно сказать безъ всякаго пристрастія о русскихъ женщинахъ, которымъ дается во всѣхъ отношеніяхъ самое тщательное образованіе. Что касается самого государя, онъ увѣрялъ, что любитъ польскій языкъ и понимаетъ его. Я прибавила, что по слухамъ, его высочество великій князь Константинъ и говоритъ, и пишетъ по польски отлично.

— Да, братъ кичится знаніемъ польскаго языка, но я никогда не видалъ его польскихъ писаній, а говоритъ онъ по польски,—прибавилъ государь съ улыбкой,—очень неправильно.

Приближался вечеръ; государь поднялся, чтобъ удалиться къ себѣ, говоря, что вѣрно и намъ всѣмъ хочется отдохнуть. Едва было девять часовъ; я поспѣшила сказать:

— Ваше величество, вы вѣрно насъ совсѣмъ считаете за деревенскихъ жителей.

Эти слова заставили государя засмѣяться и,обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Нисколько, но я думаю, что въ деревнѣ самое благоразумное—ложиться рано спать.

Графъ Толстой подошелъ сказать государю нѣсколько словъ на ухо. Дѣло шло объ ужинѣ. Государь спросилъ графиню, имѣетъ ли она обыкновеніе ужинать, и та отвѣчала, что до такой степени усвоила себѣ эту привычку, что не можетъ заснуть безъ ужина.

— Отлично, и хотя самъ я не имѣю этой привычки, однако не желаю отступать отъ правилъ дома и убѣдительно прошу не безпокоиться лично для меня.

Государь освѣдомился у генеральши Морикони, не проводитъ ли она зимы въ городѣ; она отвѣчала, что прежде дѣйствительно жила зимою въ Вильнѣ, но что настоящія обстоятельства заставили каждаго сократить свои расходы.

— Да, сказалъ государь, а послѣдствій еще болѣе нужно опасаться.

— Вотъ почему я и завидую моей семьѣ, имѣвшей счастіе поселиться въ глубинѣ Бѣлоруссіи, отвѣчала генеральша Морикони.

— Разумѣется, такъ какъ это будетъ далеко отъ границы, но я еще надѣюсь, что все устроится какъ слѣдуетъ.

— Дай Богъ!

— Я проѣзжалъ чрезъ имѣніе графа Шадурскаго,—онъ вамъ родня?

— Это братъ мой.

— Не правда-ли, вѣдь это его предпріятіе работъ по прорытію большаго канала?

— Да, его, государь.

— Я вполнѣ остался доволенъ пріемомъ, который онъ оказалъ моимъ войскамъ.

Конечно, государю не было извѣстно, что сынъ графа Шадурскаго, прекрасный молодой человѣкъ, долженъ былъ вступить въ бракъ съ дочерью графа Толстаго, которая, какъ и ея мать, была втайнѣ католическаго вѣроисповѣданія. Обѣ онѣ вставали каждый день очень рано, отправлялись въ монастырь іезуитовъ слушать обѣдню и возвращались приготовлять утренній чай графу, который воображалъ, что видитъ ихъ только что одѣвшимися послѣ сна.

Ужинъ былъ поданъ. Государь предложилъ руку хозяйкѣ дома, и всѣ направились въ обширную столовую, великолѣпно освѣщенную, со столомъ, убраннымъ цвѣтами, и проч., и проч. Государь ни подъ какимъ видомъ не желалъ занять почетное мѣсто и съ чарующею живостію началъ все перемѣщать, говоря:

— Позвольте мнѣ быть простымъ смертнымъ, я только тогда и счастливъ.

— Для вашего величества это кажется отдыхомъ, сказала генеральша Морикони.

Доротея весьма вѣрно замѣтила князю Волконскому, который сидѣлъ между ею и мною, что то мѣсто и будетъ почетно, куда сядетъ государь.

Государь былъ обожаемъ всѣми, кто его окружалъ, и всѣ восхищались, когда слышали похвалы своему авгу-

стѣйшему повелителю. Говоря о веснѣ съ графомъ Толстымъ, я сказала, что нынѣшнимъ годомъ она запоздала, что удивительно, такъ какъ присутствіе государя должно бы кажется принести намъ прекрасные дни. И эта глупость привела въ восторгъ милаго князя.

Когда подали первое блюдо государю, онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ его подали двумъ сидящимъ возлѣ него дамамъ, которыя, полагая, что государь совсѣмъ отказался, начали его брать, и когда взяли, государь велѣлъ его подать себѣ. Затѣмъ онъ занялся угощеніемъ своихъ сосѣдокъ, наливая имъ венгерскаго, которое называлъ попольски staro wino, и говоря, что они четверо, то-есть, его величество, князь Волконскій, графъ Толстой и Виллье ужинаютъ очень усердно.

— Вотъ это исправный ѣдокъ; онъ точно не обѣдалъ, сказалъ государь, указывая на князя Волконскаго.

На это князь довольно мрачнымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Его величество считаетъ человѣка пообѣдавшимъ, если онъ съѣлъ въ 11 часовъ утра кусочекъ курицы и одно яйцо.

А графъ Толстой прибавилъ:—да, государь никогда не приказываетъ брать съ собою провизію, и когда изволитъ проголодаться, то я обязанъ заходить во всѣ дома и спрашивать что-нибудь изъ пищи. А теперь—извольте посмотрѣть, самъ говоритъ, что никогда не ужинаетъ, а между тѣмъ кушаетъ за четверыхъ.

Такъ какъ мы всѣ поражались памятью государя, который отлично помнилъ всѣ названія и мѣстности, чрезъ которыя проѣзжалъ, а также всѣ лица и фамиліи людей, которыхъ видѣлъ, то онъ сказалъ:

— Мнѣ особенно нужно обладать памятью — за графа Толстаго и за себя. Когда онъ мнѣ о комъ-нибудь говоритъ, то вѣчно такъ: вѣдь вы помните, государь, это такой-то, и затѣмъ я же остаюсь виноватъ, если чего не вспомню.

Въ самомъ дѣлѣ, когда я разспрашивала графа о его путешествіи, онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ образомъ:

— Я совсѣмъ забылъ объ этомъ, но сейчасъ спрошу у его величества.

Графъ разсказывалъ мнѣ также, какъ государь, однажды прогуливаясь на Веркахъ, великолѣпномъ мѣстопребываніи бывшаго Виленскаго епископа, князя Масальскаго, которое расположено на покрытой соснами горѣ, надъ рѣкою Виліею, въ восьми километрахъ отъ Вильно, — сказалъ ему:

— Какъ бы было хорошо пріобрѣсти Верки и пріѣзжать сюда мѣсяца на два каждую весну.

— Дѣйствительно, ваше величество, эта мѣстность такъ прекрасна, что вполнѣ заслуживаетъ быть царскимъ мѣстопребываніемъ.

И за тѣмъ графъ черезъ весь столъ обратился къ государю со словами:

— А что, государь, вы очень недовольны, что предпочли остаться здѣсь, а не ѣхать въ противный Вилкоміръ?

— Ни чуть! Я давно не проводилъ такого прелестнаго вечера!

И въ самомъ дѣлѣ, нужно было имѣть очень много доброты, чтобы провести такимъ образомъ нѣсколько часовъ подъ рядъ въ разговорѣ съ женщинами о сущемъ вздорѣ. По возвращеніи въ залу, государь подошелъ ко мнѣ и освѣдомился не вызывался ли оберъ-гофмаршалъ быть и мо-

Гос. Б-ка
№
193 г.

имъ докторомъ, такъ какъ онъ такъ много говорилъ со мною за ужиномъ. Я отвѣчала:

— Напротивъ, государь, я слишкомъ испытывала терпѣніе, и въ особенности, память графа.

— На чемъ же именно?

— По поводу его путешествія, и постоянно замѣчала его промахи.

— О, то было бы чудо, если бы кто нибудь съумѣлъ заставить гофмаршала помнить хоть что либо.

Всѣ присутствовавшіе поговорили еще нѣкоторое время стоя, потомъ государь, отведя графиню въ сторону, сказалъ ей:

— Сударыня, у меня есть просьба къ вамъ; такъ какъ я исполнялъ все, что вамъ было угодно, то надѣюсь, что и вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, не будете безпокоить себя завтра слишкомъ раннимъ вставаніемъ.

Графиня напрасно настаивала. Государь раскланялся со всѣми дамами и остановился у дверей бильярдной залы, гдѣ графъ Толстой указалъ ему приготовленные для него покои. Мы остались съ кавалерами и просили у нихъ позволенія ослушаться государя, но они не осмѣлились согласиться, и мы послали ихъ исходатайствовать намъ это позволеніе. Государь лично пришелъ, приводя намъ тысячу причинъ отказа, и говоря, что совѣсть будетъ его мучить, если у графини увеличится насморкъ. На это она отвѣчала, что гораздо хуже заболѣетъ отъ тревоги, что не исполнила своего долга; я объявила, что мы всѣ рѣшились подвергнуться опасности неповиновенія; Доротея сказала, что мы всѣ будемъ въ сборѣ прежде, чѣмъ вилькомирскія войска. Мы всѣ говорили разомъ: кавалеры наши намъ покровитель-

ствовали. Государь смотрѣлъ на насъ своимъ неподражаемымъ взглядомъ, улыбался, показывалъ видъ самаго милаго нетерпѣнія, уходилъ, опять возвращался, и судя по живости и изяществу всѣхъ его движеній, это маленькое происшествіе видимо доставляло ему удовольствіе; наконецъ, видя, что ему не преодолѣть нашего упорства, онъ простился съ нами, къ каждой изъ насъ подошелъ къ рукѣ, пожимая ее на англійскій манеръ съ улыбкой и взглядомъ, которые придавали такъ много тонкости всей очаровательной его наружности. Кромѣ того, государь былъ на столько добръ, что еще разъ вышелъ изъ своей комнаты для почтеннаго престарѣлаго графа Морикони, котораго поцѣловалъ въ обѣ щеки, и запретилъ ему вставать поутру.

Тогда мы всѣ удалились, съ весьма малымъ желаніемъ уснуть. Доротея и я бросились на постель совершенно одѣтыя и провели ночь въ разговорахъ о несравненной снисходительности нашего привѣтливаго монарха. Я приказала моему лакею будить меня въ четыре часа, и онъ изъ страха запоздать, всю ночь не спалъ въ обществѣ государева лакея и портнаго, который былъ, родомъ какъ и онъ, изъ нѣмцевъ, и который всю ночь занимался приготовленіемъ и выутюживаніемъ государева мундира; онъ уже 14 лѣтъ находился въ услуженіи у государя, обожалъ его и былъ неистощимъ въ исчисленіяхъ его доброты.

Въ четыре часа, всѣ одѣтыя, мы пошли въ залу. Намъ сказали, что его величество уже всталъ и просилъ дозволить ему напиться своего собственнаго чая; то былъ настоящій китайскій чай изъ Кяхты въ 25 р. фунтъ. Мнѣ это достовѣрно извѣстно потому, что я сама пила этотъ чай въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, когда я пользовалась го-

степріимствомъ государя въ его загородныхъ петербургскихъ мѣстопребываніяхъ, за годъ до его кончины.

Пиша эти записки, грустно мнѣ думать, что всѣ, о комъ я въ нихъ упоминаю, уже болѣе не существуютъ, и уцѣлѣла только я одна!

Пока мы стояли въ ожиданіи его величества, намъ разсказали между прочимъ, что государь всегда спитъ не иначе какъ на сафьяномъ тюфячкѣ и подушкѣ набитыхъ сѣномъ; что однажды онъ отставилъ своего лакея за то, что тотъ не разбудилъ его въ назначенный очень ранній часъ; за то другіе съ тѣхъ поръ были неумолимы съ государемъ и не давали ему лишняго сна даже на четверть часа.

У всѣхъ у насъ глаза прикованы были къ зальной двери; наконецъ она растворилась, и государь появился. Видъ его былъ величавый. Мы всѣ стояли въ кружокъ. Его величество милостиво и съ большимъ достоинствомъ приблизился къ графинѣ и сказалъ:

— Сударыня, я позволю себѣ сдѣлать вамъ замѣчаніе; вы приняли меня не какъ стариннаго знакомаго, вы изъза-меня побезпокоили себя, я знаю даже, что вы перебрались въ другое мѣсто, а я бы этого не потерпѣлъ»—и множество подобныхъ любезныхъ словъ сказалъ государь, на что милая графиня могла только отвѣчать глубокими поклонами, отрывочными фразами, между тѣмъ какъ многое можно было бы сказать, и что мнѣ такъ и хотѣлось ей подсказать. Всѣ усѣлись; государь спросилъ, съ котораго часа всѣ поднялись. Ему отвѣтили, что съ двухъ, такъ какъ было шесть часовъ. Генеральша Морикони объяснила, что впечатлѣніе вечера разсѣяло всякій сонъ. Государь обратился къ намъ:

— Какъ вы провели ночь?

Мы отвѣчали: въ разговорахъ, изъ боязни встать поздно.

Государь, склоняя голову, сдѣлалъ маленькую ему свойственную ужимку, которая очень ему шла. Впрочемъ, въ обращеніи его съ разными лицами, у него всегда замѣчались разные оттѣнки: такъ, съ лицами извѣстнаго чина онъ обращался съ большимъ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пріятностію; съ приближенными своими съ ласкою почти дружескою; къ пожилымъ женщинамъ относился съ уваженіемъ; къ молодымъ—съ большою учтивостію, весьма тонко, почти кокетливо и съ тѣмъ взоромъ, который какъбы улыбался и въ то же время глубоко пронизывалъ.

Когда доложили, что все было готово къ отъѣзду, мы, не смотря на запрещеніе государя, послѣдовали за нимъ на подъѣздъ. Государь вскочилъ въ коляску, въ которой долженъ былъ раздвинуть цѣлую груду вещей, чтобъ очистить себѣ мѣсто. Оберъ-гофмаршалъ спѣшилъ надѣть свое дорожное платье, но нечаянно засунулъ руку въ подкладку рукава и не могъ ее оттуда высвободить; по этому случаю мы чуть было не разсмѣялись въ присутствіи его величества, который продолжалъ намъ кланяться до поворота дороги.

III.

Посѣщеніе государемъ сельской церкви. — Случаи изъ его жизни.

Спустя часъ времени по отъѣздѣ государя, мы пошли гулять къ нашей церкви и встрѣтились тамъ съ почтеннымъ нашимъ священникомъ, который былъ еще совер-

шенно растроганъ милостью государя и принялся разсказывать намъ, какъ онъ съ крестомъ въ рукѣ привѣтствовалъ государя на дорогѣ, какъ государь, увидя его, тотчасъ вышелъ изъ экипажа, взялъ изъ его рукъ крестъ и приложился къ нему; какъ онъ хотѣлъ поцѣловать руку у государя, и какъ государь отдернулъ свою и поцѣловалъ его руку.

Государь уважалъ наше священство; любилъ наши сельскіе храмы, неоднократно посѣщалъ ихъ; онъ отдыхалъ въ нихъ душою, забывалъ на время мірскія тревоги и дѣла, заботы, сопряженныя съ властію,—всѣ эти тернія вѣнца. Кажется и слѣдующій случай относится къ настоящему путешествію государя: однажды, отдѣлившись отъ своей свиты, онъ вошелъ въ уединенно стоявшую маленькую церковь, въ которой въ то время отправлялъ службу молодой викарій; — замѣтя какого-то молодаго военнаго, молившагося съ полнымъ благоговѣніемъ, викарій рѣшился поднести къ нему дискосъ и самого его поцѣловать въ лобъ, уже немного обнаженный отъ волосъ и очень надушенный; военный, въ свою очередь, поцѣловалъ ему руку. Только впослѣдствіи викарій узналъ, что то былъ самъ государь. Выходя по окончаніи службы изъ церкви, государь увидѣлъ какъ какая-то престарѣлая женщина готовилась влѣзать въ свой скромный, плохой рыдванъ. Государь спросилъ ее, куда она ѣдетъ?

— Въ Вилкоміръ.

— Я также туда ѣду; не удобно ли вамъ сѣсть ко мнѣ въ экипажъ, тогда вы пріѣдете скорѣе.

Добрая старушка не заставила себя дважды просить, весело влѣзла въ коляску и помѣстилась рядомъ съ государя-

ремъ. Завязался разговоръ о дѣлахъ старушки, которая жаловалась, что у нея давно тянется процессъ стоющій ей очень дорого, и никто не можетъ помочь ей ускорить движеніе ея дѣла.

— Отчего же вы не подадите просьбу Виленскому генералъ-губернатору?

— Конечно, онъ человѣкъ честный, да у него секретарь ни одного дѣла не сдѣлаетъ даромъ, а я не въ состояніи дать ему взятку.

— Такъ позвольте мнѣ вашу просьбу, я берусь устроить дѣло, сказалъ государь.

— Да она со мною въ моемъ мѣшкѣ, отвѣчала старушка, глядя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на молодаго незнакомца, такъ увѣренно говорившаго объ успѣхѣ своего ходатайства.

— Давайте, давайте, повторилъ государь, я беру все на себя.

И онъ положилъ прошеніе въ карманъ.

И какъ все на свѣтѣ имѣетъ конецъ, такъ и онѣ окончили свой путь и въѣхали въ Вилкоміръ.

Каково же было изумленіе бѣдной женщины, когда она увидала, что ихъ встрѣтили съ почетомъ генералы и адъютанты въ блестящихъ мундирахъ, и когда въ лицахъ этихъ особъ она замѣтила удивленіе при видѣ ея подлѣ государя. Конечно, пересудамъ и злословію тутъ не было мѣста. Къ довершенію благополучія старушки, государь возвратилъ своей спутницѣ ея прошеніе съ собственною помѣтой, и нужно полагать, что на этотъ разъ бѣдная женщина выиграла свой процессъ. Императоръ Александръ I очень любилъ такого рода нечаянныя встрѣчи, и посѣ-

щенія incognito; и дѣлалъ все это даже помимо Толстаго, своего неизмѣннаго спутника.

Однажды государь отправился пѣшкомъ на станціонный дворъ, вошелъ одинъ въ домъ смотрителя и засталъ, что тамъ все прибрано, и какая-то молодая дѣвушка играетъ на фортепіано; государь попросилъ ее продолжать игру, а затѣмъ очень учтиво просилъ дать ему чашку чаю. Дѣвушка однако оказалась болѣе хороша собою, чѣмъ гостепріимна; она отвѣтила отказомъ, ссылаясь на то, что все приготовленое въ домѣ ожидаетъ съ минуты на минуту прибытія государя. И государь, чтобы скрыть свое инкогнито, долженъ былъ ждать появленія своей свиты. Можно себѣ вообразить смущеніе молодой дѣвушки, когда она узнала въ чемъ дѣло.

Другой разъ случилось, что одинъ помѣщикъ, большой весельчакъ и добрѣйшій человѣкъ, сталъ угощать государя пивомъ, принявъ его за простаго гвардейскаго офицера, да еще не скрылъ отъ незнакомца, что онъ ему очень понравился.

— Ахъ зачѣмъ ваши товарищи не походятъ на васъ, говорилъ помѣщикъ; всѣ они какіе-то холодные, надменные, взыскательные.

И онъ болталъ, болталъ—сколько силъ хватало. Наконецъ, государь сталъ прощаться съ этимъ добрякомъ, который вздумалъ при этомъ освѣдомиться о его имени. Его величество, улыбаясь сказалъ: «меня зовутъ — честный человѣкъ».

Въ восторгѣ отъ этой шутки, помѣщикъ беретъ государя за голову, цѣлуетъ его нѣжно въ обѣ щеки и говоритъ:

— Такъ желаю вамъ, дорогой мой честный человѣкъ, хорошаго пути, Богъ съ вами!

Въ эту минуту послышался стукъ каретъ, лошадей, всей царской свиты, которая спѣшила въ домъ, отыскивая его величество. Въ испугѣ несчастный помѣщикъ смотритъ и не смѣетъ вѣрить своимъ глазамъ. Наконецъ, бросается на колѣни и молитъ о прощеніи.

— Да за что-же, сказалъ ему государь, за то, что вы же мнѣ оказали самый радушный и искренній пріемъ?

Возвратясь домой съ прогулки, мы застали у себя полковника Грабовскаго, который, оставя свой полкъ на дорогѣ въ Вильну, сдѣлалъ объѣздъ въ 14 верстъ для свиданія съ двоюродною своею сестрою. Несчастный! Онъ говорилъ о своихъ дурныхъ предчувствіяхъ, что не миновать ему пули въ эту войну! Мы его бранили, зачѣмъ онъ вѣритъ въ предчувствіе, а между тѣмъ — оно сбылось: если не ошибаюсь, пуля сразила его подъ стѣнами Смоленска. Грабовскій былъ весьма заинтересованъ нашими разсказами о проѣздѣ его величества; онъ всегда принималъ участіе во всемъ, что касалось двора, и сообщилъ намъ, что у государя есть обыкновеніе почти не говорить ничего о людяхъ, которые ему болѣе другихъ нравятся, и затѣмъ спросилъ меня, много-ли государь разговаривалъ со мною. Догадываясь о чемъ онъ думалъ, я смѣясь отвѣчала: — столько-же, сколько и со всѣми нами. — На дѣлѣ-же я менѣе всѣхъ была отличена государемъ, такъ какъ нарочно держала себя въ сторонѣ и старалась занимать приближенныхъ государя, на которыхъ остальные хозяева уже слишкомъ мало обращали вниманія; впрочемъ это было въ порядкѣ вещей: присутствіе государя сосредоточивало на себѣ всеобщее вниманіе...

Никто и не помышлялъ о возможности понравиться, или блеснуть умомъ.

Грабовскій передалъ намъ нѣсколько прелестныхъ чертъ о чуткой природѣ государя. Въ моментъ своего отбытія изъ Петербурга его величество обратился съ воззваніемъ къ войскамъ, и когда солдаты въ отвѣтъ закричали, что готовы за него пролить свою кровь, государь отъ волненія не могъ окончить рѣчи и залился слезами. Другой разъ случилось на маневрахъ, что цѣлый баталіонъ переправлялся черезъ рѣку на паромѣ, и вдругъ паромъ сталъ погружаться въ воду и изчезъ подъ нею. Государь тотчасъ же хотѣлъ броситься за нимъ; къ счастію его успѣли удержать, но тѣмъ не менѣе онъ до тѣхъ поръ не покидалъ своего мѣста, пока всѣ солдаты не были спасены.

Вскорѣ по возвращеніи государя въ Вильну, насъ увѣдомили оттуда,что онъ пожаловалъ всѣхъ трехъ насъ во фрейлины къ государынямъ императрицамъ, и за обѣдомъ милостиво вручилъ моему отцу пакетъ, съ тремя фрейлинскими брилліантовыми шифрами,прибавивъ, что этимъ онъ платитъ за гостепріимство въ Товянахъ.

Эта новость повергла насъ всѣхъ трехъ скорѣе въ безпокойство, чѣмъ въ радость: въ особенности добрая, прелестная Марія, ни сколько не тщеславная и не самолюбивая, плакала, равно какъ и ея тетка, отъ одной мысли, что, быть можетъ, имъ придется вслѣдствіе этого разстаться.

Въ одно прекрасное утро пріѣхалъ изъ Вильны мой отецъ: я выбѣжала къ нему на встрѣчу, и первыми его словами было замѣчаніе, что я порядкомъ загорѣла. Бѣдный отецъ придавалъ большое значеніе наружнымъ преи-

муществамъ, и если я не сдѣлалась пустой, суетной и кокеткой, то лишь благодаря тому, что мнѣ не передавалось все лестное сказанное обо мнѣ. Отецъ самъ занимался моимъ туалетомъ, и тѣмъ ужасно меня утомлялъ: такъ, передъ каждымъ моимъ выѣздомъ на балъ или вечеръ, я обязана была сперва показывать отцу мои наряды, и они рѣдко не вызывали его замѣчаній, а я во время этой выставки находилась въ весьма непріятномъ положеніи. Затѣмъ, наканунѣ бала мнѣ предписывалось спать долѣе обыкновеннаго, между тѣмъ какъ я, напротивъ, никогда не бывъ соней, возмущалась этимъ родительскимъ повелѣніемъ; тогда начиналось брюжжаніе... Наконецъ, онъ не прочь былъ навѣсить на четырнадцатилѣтняго ребенка бриллианты; но я больше любила розу.

IV.

Назначеніе автора фрейлиной русскаго двора.—Ея возвращеніе въ Вильну. — Посѣщеніе православной часовни. — Посѣщеніе автора императоромъ.

Отецъ везъ меня въ Вильну, куда должно было съѣхаться и остановиться у насъ все семейство Морикони. Мы пріѣхали въ одну изъ субботъ, вечеромъ, въ каретѣ, въ которой отецъ опустилъ всѣ оконныя сторы, чтобы меня никто не могъ видѣть, утверждая, что мною весьма заинтересована вся свита его величества; на слѣдующее утро я должна была, въ качествѣ фрейлины, присутствовать въ православной церкви. Всѣхъ насъ вновь пожалованныхъ фрейлинъ было пять: Морикони, Грабовская, Віельгорская, Гедройцъ и я, и шесть камеръ-юнкеровъ. Отецъ заранѣе

приготовилъ мнѣ очень хорошее яблочнаго цвѣта тафтяное платье, покрытое чернымъ шантилли; не знаю, было ли оно на самомъ дѣлѣ такъ хорошо, но за то оно было во вкусѣ отца, а только этого мнѣ и было нужно. Я еще надѣла гирлянду живыхъ ландышей, и, будучи выдрессирована на столько, что никогда не заставляла отца ждать себя, была совсѣмъ готова, когда онъ пришелъ за мною.

— Поѣдемъ, сказала я ему.

— А ты ничего не забыла, спросилъ онъ меня улыбаясь.

— Рѣшительно ничего.

— А твой шифръ?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!

Не только горничныя, но и я забыла о немъ. Насъ, фрейлинъ, пріѣхало еще только три, и насъ поставили у входныхъ дверей императорскихъ покоевъ, откуда государь не замедлилъ выдти.

Божественная литургія началась еще болѣе божественнымъ пѣніемъ. Изъ Петербурга была вызвана часть придворныхъ пѣвчихъ, и эти чудесные голоса безъ аккомпанемента непріятныхъ струнныхъ инструментовъ и органа сливались въ дивную гармонію, отъ которой я пришла въ восторгъ. По обрядамъ греческой церкви, во время богослуженія всѣ стояли; священническое облаченіе гораздо красивѣе и болѣе подходитъ къ первобытной церкви, нежели у насъ: фіолетоваго цвѣта, развѣвающіяся ризы, золотые кресты на высокихъ митрахъ, длинныя бороды и волнующіеся по плечамъ волосы гораздо болѣе имѣютъ апостольскій видъ, чѣмъ наши черныя сутаны, оканчивающіяся крысьимъ хвостикомъ, бритые подбородки, короткіе волосы и смазные башмаки.

Отецъ мой былъ приглашенъ къ царскому столу. За обѣдомъ оберъ-гофмаршалъ сказалъ ему:

— Ваша дочь будетъ вечеромъ дома? Государь намѣренъ посѣтить ее и даже написалъ о томъ государынѣ, но не освѣдомился,можетъ ли застать графиню.

Тогда, чтобы предупредить меня о высокомъ посѣщеніи и удержать меня дома,отецъ написалъ мнѣ нѣсколько словъ карандашомъ на конфектной бумажкѣ. А я какъ нарочно собиралась ѣхать кататься съ моею теткою графинею Коссаковскою.

Государь прибылъ около семи часовъ. Къ счастію,отецъ замѣтилъ во время прибытіе государя и встрѣтилъ его величество въ низу лѣстницы, а я на верху ея.

Государь замѣтилъ, что мы слишкомъ церемонимся, что онъ пришелъ засвидѣтельствовать мнѣ свое глубокое почтеніе, просилъ меня сѣсть на диванъ, самъ взялъ стулъ и поставилъ шляпу на полъ. Я заявила государю, что на то его воля, и я не осмѣлюсь болѣе ослушаться, какъ то позволила себѣ въ Товянахъ. Тогда государь началъ разсказывать отцу все, что происходило въ Товянахъ, даже повторяя мои слова. И такъ какъ отецъ слушалъ его стоя, то государь быстро вскочилъ и сказалъ ему:

— Графъ, если вы не сядите, то и я буду стоять.

Государь бесѣдовалъ съ нами болѣе часа о разныхъ предметахъ; я старалась отвѣчать ему какъ умѣла. Онъ спросилъ меня, не сбираюсь ли я въ Петербургъ. Я молча опустила глаза.

— Да развѣ это невозможно? спросилъ онъ со своимъ привлекательнымъ видомъ.

— Это будетъ для меня праздникомъ, государь.

Такимъ отвѣтомъ онъ остался, повидимому, доволенъ.

— Не теперь, конечно, сказалъ государь; теперь время тревожное; но я надѣюсь, что современемъ вы пріѣдете, и мы постараемся васъ принять какъ можно лучше и занять васъ самымъ пріятнымъ образомъ.

И все это было сказано очаровательно-мягко. Говорили о красотахъ Петербурга.

— Мы вамъ все это покажемъ, когда вы къ намъ пріѣдете, сказалъ его величество.

И какое выраженіе доброты было у государя въ просьбахъ, когда онъ могъ приказывать. Затѣмъ онъ перевелъ разговоръ на политику; говорилъ, что его намѣренія миролюбивыя, что онъ принесъ много жертвъ для сохраненія мира, и рѣшилъ твердо не начинать враждебныя дѣйствія, желая отъ всего сердца лишь счастія своему народу, который и безъ того много страдаетъ отъ настоящихъ обстоятельствъ. На это отецъ отвѣчалъ, что всѣ подданные государя скорбятъ, что теперешнія бѣдствія не позволяютъ имъ выказать все ихъ усердіе, и что всѣмъ хорошо извѣстно желаніе его величества быть настоящимъ отцемъ своего народа.

Государь выразилъ, что постарается оправдать всеобщее къ нему расположеніе; потомъ сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлался гражданиномъ города Вильны, такъ какъ купилъ Закретъ у генерала Бенингсена. А когда я выразила его величеству мысль, что лучше было бы пріобрѣсти Верки, къ которому я питала особенную любовь, государь отвѣчалъ:

— Это слишкомъ было дорого для меня—и, повернув-

шись къ отцу, прибавилъ: — а вотъ графу такъ слѣдуетъ купить Верки.

— Но, государь, у меня дѣти.

— Именно поэтому то и слѣдуетъ, вы бы отдали его вашей дочери, которая была бы тамъ хозяйкой, и это было бы отлично.

Затѣмъ, съ обычною своею учтивостію, государь попрощался со мною и поцѣловалъ мнѣ руку, извиняясь, что заставилъ поскучать и злоупотребилъ моимъ терпѣніемъ. На это я бы могла сказать только, что онъ самъ слишкомъ злоупотребляетъ словами. Государь не дозволилъ мнѣ себя проводить, но я умоляла его позволить мнѣ хотя еще одну секунду насладиться его присутствіемъ, и пошла провожать его до лѣстницы; отецъ помогъ государю сѣсть въ дрожки. Цѣлая толпа народу собралась у дверей.

Моя тетка пріѣзжала къ намъ, но узнавъ о посѣщеніи государя, вернулась домой. Отецъ полетѣлъ къ ней, и съ восторгомъ сказалъ, что она въ качествѣ доброй тетки должна радоваться, что я съумѣла такъ хорошо поддерживать разговоръ съ государемъ, ибо извѣстно, какъ трудно бываетъ сказать монарху что-либо лестное и къ случаю.

И всѣ, кто слышалъ его разсказъ, выразились такъ:

— Такъ что же! развѣ вы не знаете своей дочери?

Дѣло въ томъ, что отецъ видѣлъ во мнѣ только довольно миленькаго, добраго ребенка. Оракуломъ семьи была моя сестра, которая была несравненно старше меня; я же въ нѣкоторыхъ случаяхъ была чистой Сандрильоной. Часто, бывало, когда играли въ jeux de société — въ секретари, въ вопросы и отвѣты и т. п., отецъ, обходя кругомъ весь столъ, похлопывалъ меня тихонько по головѣ и приговари-

валъ: «а ты кочешокъ, пустая головка, что ты тамъ написала»? Но затѣмъ отецъ всегда одобрялъ мои отвѣты, конечно,не подозрѣвая того,—такъ какъ онѣ читались громко и безъ упоминанія имени писавшаго.

И этому повороту отца къ выгодному мнѣнію обо мнѣ я исключительно обязана императору Александру.

V.

Пріѣздъ графа Нарбонна въ Вильну. — Посѣщеніе Закрета государемъ.

Въ Вильнѣ прошелъ слухъ о пріѣздѣ графа Нарбонна, присланнаго въ качествѣ дипломатическаго посредника отъ Наполеона къ императору Александру. То былъ человѣкъ свѣтскій, пріятнаго ума, блестящій, но непостоянный, опозоренный различными неблаговидными поступками и тою ролью, которую онъ разъигрывалъ, совершенно необладающій ловкостію, ни увѣренностію въ себѣ, ни трезвостью сужденій, которые впрочемъ никогда и не встрѣчаются въ людяхъ ложно поставленныхъ;поэтому графъНарбоннъ мало былъ способенъ выполнить дипломатическое порученіе. Онъ въ молодости началъ службу свою придворнымъ кавалеромъ при сестрахъ Людовика XVI, которыя осыпали его милостями и не разъ спасали его отъ гибели, ибо онъ, будучи по рожденію бѣденъ,имѣлъ большую наклонность къ расточительности. Въ эпоху революціи Нарбоннъ выказалъ себя весьма неблагодарнымъ въ отношеніи покровительницъ. Увлеченный г-жею Сталь и еще нѣкоторыми лицами, онъ усвоилъ себѣ революціонныя убѣжденія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитанія по свѣту, онъ вернулся въ отечество

въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ принялъ бразды правленія. Послѣ многихъ попытокъ и ходатайствъ, графъ Нарбоннъ получилъ отъ Наполеона сперва мѣсто посланника въ Мюнхенѣ, а потомъ званіе генералъ-адъютанта. Для посылки къ Александру Наполеонъ выбралъ Нарбонна быть можетъ оттого, что въ средѣ его воинственнаго двора Нарбоннъ былъ единственнымъ представителемъ прежнихъ обычаевъ, рѣчь котораго могла быть выслушана просвѣщеннымъ и утонченнымъ Александромъ.

Но не смотря на изящную легкость своей рѣчи, Нарбоннъ на аудіенціи у государя не съумѣлъ сказать ничего въ пользу своего владыки. Государь самъ съ такою ясностію выраженія, съ такимъ благороднымъ краснорѣчіемъ изложилъ умѣренность своего образа дѣйствій, свои неудовольствія, невозможность, въ которой онъ находился, согласовать дѣлаемыя ему предложенія съ достоинствомъ своего сана, съ интересами своего государства и съ желаніемъ избѣжать кровопролитія, что пораженный, смущенный Нарбоннъ ничего не могъ возразить въ свою очередь. Выходя послѣ аудіенціи, онъ замѣтилъ одному изъ своихъ друзей: — «государь въ своей сферѣ былъ такъ хорошъ, всѣ его разсужденія имѣютъ такую силу и такъ логичны, что я могъ отвѣчать ему лишь нѣсколькими обыкновенными придворными фразами».

Графъ Кочубей и графъ Нессельроде пріѣхали къ Нарбонну съ прощальнымъ визитомъ, послѣ чего Нарбоннъ понялъ, что ему нельзя далѣе откладывать своей отъѣздъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ курьеровъ государя извѣстилъ его, что къ шести часамъ вечера были заказаны для него почтовыя лошади. Глубокое уваженіе Нарбонна къ импера-

тору Александру и удивленіе, внушенное ему выдержанностію и силою русской арміи, были единственнымъ слѣдствіемъ его посылки въ Россію.

Объ этой аудіенціи не было никакихъ свѣдѣній, и ничто не могло разсѣять тотъ густой туманъ, въ который закуталась вся дипломатія. Государь съ обычною своею любезностію принялъ графа Нарбонна, пригласилъ его обѣдать, и графъ кому-то изъ находившихся тутъ сказалъ:

— Хорошо бы государю уступить намъ своего повара, а то у насъ нѣтъ такого въ Парижѣ.

А дѣло въ томъ, что изъ царскихъ оранжерей присланы были съ курьерами всѣ ранніе плоды, изъ которыхъ наготовили мороженное, желе и проч.

Благородному графу намекнули, чтобы онъ не откладывалъ болѣе своего отъѣзда изъ Вильны, и онъ выпросилъ себѣ позволеніе только повидаться съ г. Шуазелемъ. Государь приказалъ ему вручить табакерку со своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, и всякаго рода изысканныхъ припасовъ для дороги.

Я отправилась повидаться съ г-же Бенигсенъ, въ Закретъ, который отецъ мой называлъ Маленькимъ Версалемъ и гдѣ строилась та знаменитая зала, что обрушилась нѣсколько дней спустя. Всѣ эти приготовленія къ празднику не внушали мнѣ ни малѣйшей радости; я даже чувствовала нѣкоторую грусть. Я очень хорошо знала, чему приписать весь тотъ почетъ, который окружалъ меня —посѣщенію его величества. Видъ великолѣпныхъ деревьевъ, рѣки съ ея островками, холмовъ, лѣсовъ, теряющихся въ безпредѣльности горизонта среди красноватыхъ

паровъ заходящаго солнца,—все это внушало мнѣ сожалѣніе о невозможности быть въ деревнѣ и желаніе одной наслаждаться этимъ чуднымъ видомъ и не быть обязанной принимать участіе въ нелѣпыхъ разговорахъ, похожихъ на непрерывное жужжаніе жуковъ. Уединеніе, голубое небо, теплый воздухъ, цвѣты—другаго рая мнѣ не нужно!

Какъ только всѣ Товянскія дамы прибыли въ Вильну, государь поспѣшилъ посѣтить ихъ и очень живо разговаривалъ со всѣми болѣе часа когда подали чай, государь взялъ молочникъ со сливками и подалъ всѣмъ намъ; когда очередь дошла до меня, я сказала, что пью по-англійски. Государь замѣтилъ:

— Лучше бы по польски.

Эти слова повторены были полякамъ, находившимся въ свитѣ государя, и одинъ изъ нихъ—князь Константинъ Любомирскій, записалъ ихъ въ своей памятной книжкѣ. Несчастные поляки всѣхъ званій, когда касалось что либо ихъ отечества, хватались за соломенку и всѣ ихъ надежды были также легки. Его величество сказалъ, что мой отецъ такъ моложавъ, что его можно принять за старшаго брата своихъ сыновей, и прибавилъ:

—Но никакъ не за брата его дочери, — и просилъ меня передать отцу его поклонъ.

Въ день св. Троицы была торжественная служба въ придворной церкви. Государь выказалъ большую любезность графинѣ Морикони, предложивъ ей удалиться въ сосѣднюю съ церковью залу и тѣмъ освободивъ ее отъ необходимости стоять и трижды преклонять колѣна. По окончаніи службы, всѣмъ присутствующимъ поданы были букеты цвѣтовъ. Множество знатныхъ особъ, гражданскихъ

и военныхъ, подошли ко мнѣ представляться, и отецъ имѣлъ удовольствіе слышать много сказанныхъ мнѣ комплиментовъ. Генералъ Корфъ передалъ ему, что государь чрезвычайно хвалилъ меня и былъ отъ меня въ восторгѣ; отецъ безъ малѣйшаго смущенія и церемоній, сказалъ, что и онъ того же мнѣнія. Графъ Кочубей также нашелъ, что я udivitelna! Я не знаю, что это значитъ. Суета суетъ, и все суета! Вотъ размышленіе, которое тогда же пришло мнѣ въ голову, и которое я до сихъ поръ повторяю.

VI.

Приготовленія къ празднику въ Закретѣ.—Несчастное происшествіе.—Балъ.

Весь императорскій штатъ, флигель-адъютанты, генералы и проч., но никакъ не одна г-жа Бенигсенъ, какъ говоритъ г-жа д'Абрантесъ въ своихъ запискахъ,—пожелали устроить празднество въ честь его величества, и для этой цѣли государь соблаговолилъ пожаловать отъ себя триста имперіаловъ, сказавъ при этомъ:

— Если вы, господа, намѣрены устроить праздникъ, то постарайтесь, чтобы онъ вышелъ какъ слѣдуетъ, такъ какъ Виленскія дамы знаютъ въ этомъ толкъ.

Такъ-то дѣлались дѣла въ это незабвенное царствованіе. Каждый пріѣздъ государя встрѣчался съ радостью, любовью, съ восторгомъ,глубоко прочувствованнымъ, живо выраженнымъ и далеко не сопряженнымъ съ большими издержками, потому что государь не потерпѣлъ бы большихъ тратъ для него: онъ берегъ деньги своихъ подданныхъ, былъ счаст-

ливъ общею любовью и признателенъ за малѣйшее проявленіе привязанности къ нему.

Когда въ Вильнѣ былъ данъ балъ по случаю перваго пріѣзда государя въ этотъ городъ (передаю объ этомъ по преданію),—то расходы не пали на губернію, а были приняты на себя многими знатными и богатыми помѣщиками. Мой отецъ взялъ на себя убранство прекрасной думской залы, и исполнилъ все съ большимъ вкусомъ и малыми затратами, такъ какъ городскіе жители, предоставили въ его распоряженіе все, что только было у нихъ лучшаго по части зеркалъ, мебели, люстръ и т. п. Предводитель дворянства графъ Бржостовскій принялъ на себя освѣщеніе, князь Сапѣга—ужинъ; еще кто-то напитки и закуску, оркестръ, содержаніе прислуги; городъ долженъ былъ взять на себя только иллюминацію и транспаранты, не считая того, что каждый домъ на свой счетъ былъ освѣщенъ особо. Будучи въ то время совсѣмъ ребенкомъ, я, пока моя мать и сестра одѣвались къ балу, забавлялась тѣмъ, что дѣлала бумажные фонарики и изображала на нихъ вензеля императора, разумѣется, и не подозрѣвая тогда о возможности той дружбы, которою въ настоящее время почтилъ меня государь.

Господа адъютанты, найдя слишкомъ тѣснымъ помѣщеніе, которое предложила имъ г-жа Бенинсенъ на своей виллѣ въ Закретѣ, передѣланной изъ стариннаго монастыря іезуитовъ и состоявшей изъ прелестнаго зданія, съ садами, оранжереями, шпалерными деревьями, и прекрасной окрестности, задумали выстроить сквозную на колоннахъ галлерею на лужайкѣ, на которой находилась клумба съ цвѣтами, со всѣхъ сторонъ уставленная прекрасными апельсин-

ными деревьями, предназначая это мѣсто для дамъ. Планъ сооруженія былъ порученъ архитектору Шульцу, тому самому, которому герцогиня д'Абрантесъ вздумала по своей прихоти приписать преступный патріотическій подвигъ, и о которомъ отзывалась восторженно, видя въ немъ какого-то древняго героя. Я что-то не припомню подобнаго подвига изъ древней исторіи, если не считать того, что сдѣлалъ Самсонъ, поколебавъ колонны филистимлянскихъ палатъ. Но Самсонъ тѣмъ только погубилъ враговъ своей стороны; здѣсь же чрезъ паденіе стѣнъ Закретской залы изъ-за г. Шульца, этого мнимаго героя герцогини, должны были погибнуть вмѣстѣ съ государемъ многіе генералы и весь цвѣтъ Литовскаго дворянства, въ томъ числѣ и мы, грѣшныя, жертвы покушенія совершенно безполезнаго, такъ какъ въ живыхъ оставался шестнадцати-лѣтній великій князь Николай, и кромѣ него великій князь Константинъ Павловичъ, который въ то время еще не отказывался отъ престола. И такъ, слѣдуетъ возстановить факты во всей ихъ истинѣ. Г. Шульцъ былъ честнѣйшій человѣкъ, очень тихій, далеко не пылкій, но какъ архитекторъ, весьма не искусный,—чему доказательствъ и не требуется; только и слышно было, что такой-то сводъ провалился, такая-то стѣна обрушилась, и т. д. Мой отецъ, который былъ самъ большимъ знатокомъ въ строительномъ дѣлѣ, имѣя постоянно много построекъ по своимъ имѣніямъ, однажды пришелъ въ Закретъ посмотрѣть на работы и сказалъ архитектору:

— Господинъ Шульцъ, мнѣ кажется, что вы не довольно глубоко заставляете врывать устои колоннъ въ землю.

Дѣло шло о массивныхъ круглыхъ бревнахъ, украшен-

ныхъ листьями, съ капителями изъ каштановыхъ цвѣтовъ, — которыя должны были поддерживать легкуюи крышу.

—Да, вѣдь я соединю ихъ крышей,—возразилъ Шульцъ!

Дня два спустя мы узнаемъ, что галлерея обрушилась (къ счастію это случилось во время обѣда рабочихъ); она стоила пять тысячъ рублей. А несчастный Шульцъ бросился въ Вилію, мирно протекавшую недалеко оттуда (гдѣ нашли на берегу его шляпу), и не съ отчаянія, какъ утверждаетъ о томъ герцогиня д'Абрантесъ, что ему не удался его убійственный замыселъ,—а отъ мысли быть въ томъ заподозрѣннымъ; въ такомъ случаѣ онъ вдвойнѣ виновенъ, потерявъ довѣріе къ справедливости государя, который взглянулъ на происшедшее несчастіе какъ на простой случай.

Между тѣмъ празднество все-таки состоялось: Такъ какъ отецъ приказалъ мнѣ быть очень прекрасною, то я задумала себѣ сдѣлать хорошенькій туалетъ. Зная, что большая часть дамъ уберутъ себѣ платья цвѣтами, я, чтобъ отличиться отъ нихъ, заставила свою ключницу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была золотошвейка и портниха, сдѣлать мнѣ тунику изъ крепа и по рисунку, мною составленному, вышить на ней гирлянду изъ смородины, въ которой листья должны были быть изъ бѣлой синели, а кисти ягодъ изъ бургиньоновъ, и всю тунику убрать такою же гладкаго шелка бахрамою, какою было отдѣлано все бѣлое шелковое и затканное платье; къ этому сдѣланы были широкій изъ бусъ кушакъ, также обшитый бахрамою, что удлинняло немного короткія таліи, которыя носили въ 1812 году, и корсажъ на шнуровкѣ, при чемъ снурки кончались грушевидными бусами. Ожерелье изъ настоящаго жемчугу и повязка

съ гребнемъ изъ брилліантовъ должны были довершать весь уборъ. По необыкновенному случаю отецъ остался доволенъ моимъ нарядомъ.

Все общество собралось въ саду на помостѣ, оставшемся отъ галлереи, и гдѣ подъ померанцевыми, бывшими въ цвѣту деревьями, усѣлись дамы, а около нихъ размѣстились мужчины. Столъ для goûté былъ накрытъ посрединѣ. Вечеръ былъ очень хорошій, небо какъ будто нарочно слегка подернулось облаками, чтобы предохранить насъ отъ солнечныхъ лучей; масса пріѣхавшаго изъ города народу, бродившаго по всему саду и по берегу рѣки, представляла собою пріятное и разнообразное зрѣлище, между тѣмъ и мы, бальное общество со своими свѣжими дамскими нарядами и блестящими мундирами, въ свою очередь также служили предметомъ ихъ вниманія. Наконецъ въ восемь часовъ прибылъ государь. Онъ былъ очень хорошъ въ своемъ мундирѣ Семеновскаго полка, съ воротникомъ синяго цвѣта, еще болѣе выдававшимъ великолѣпіе цвѣта его лица, которому любая женщина могла бы позавидовать. Государь остановился на минутку у стола, чтобы разомъ все обозрѣть, заговорилъ съ моимъ отцомъ, котораго любилъ и отличалъ отъ всѣхъ, затѣмъ приблизился здороваться съ дамами, которыхъ обязалъ не вставать.

Всѣ принялись кушать; разговоры отличались большимъ оживленіемъ, и затѣмъ его величеству было предложено открыть балъ. Военная музыка, расположенная въ саду, заиграла полонезъ. Государь прежде всего пригласилъ г-жу Бенингсенъ, какъ хозяйку празднества, потомъ графиню Барклай-де-Толли, супругу военнаго министра, а потомъ меня; сперва одинъ или два раза былъ обойденъ помостъ,

и затѣмъ всѣ поднялись въ бальную залу, проходя корридорами и галлереями; полонезу не было конца, равно и сыпавшимся любезностямъ; и государь, какъ ни увѣрялъ меня, что никогда не говоритъ комплиментовъ, тутъ же сказалъ мнѣ, что я лучше всѣхъ и что я всѣхъ затмила собою. Бьюсь объ закладъ, что онъ тоже самое говорилъ и другимъ молодымъ особамъ, которыя — говоря безъ самоуниженія—были гораздо лучше меня, однимъ словомъ, также могли затмѣвать. И такъ какъ я сказала государю, что нужно быть очень тщеславною, чтобы думать такъ о себѣ,—то государь замѣтилъ мнѣ, что красота никакъ не есть мое главное украшеніе. Потомъ я танцовала съ шведскимъ посланникомъ такъ называемыйкадриль—танецъ, который, я полагаю, заимствованъ съ сѣвера, и въ который входили разныя фигуры, и затѣмъ туръ вальса при каждомъ ритурнелѣ. Французскій же контрдансъ танцовали въ мое время лишь послѣ многихъ репетицій, и я не знаю, отчего онъ не былъ исполненъ на этомъ балу. Такъ какъ по окончаніи кадрили сдѣлалось въ залѣ очень жарко, г-жа Бенингсенъ пригласила меня пройдти въ ея комнату, расположенную въ концѣ галлереи и оттуда мы стали смотрѣть, какъ зажигаютъ иллюминацію въ садахъ и на островкѣ, на которомъ уже накрывали маленькіе столы для ужина. Къ намъ присоединилась еще подруга г-жи Бенингсенъ въ необычайномъ туалетѣ. Г жа В., прослышавъ будто по мнѣнію государя, ничто такъ не идетъ женщинѣ, какъ бѣлое платье, облеклась въ перколевое съ длиннымъ шлейфомъ платье, обшитое золотою бахрамою, и такимъ образомъ вымела всѣ комнаты своимъ трэномъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ галлереѣ показался государь. Г-жа Бенингсенъ, улыбаясь, сказала мнѣ:

— Вѣдь это васъ преслѣдуетъ эта бабочка.

— Ну такъ уйдемте отсюда.

— Теперь ужь невозможно.

Его Величество подошелъ къ намъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, я, безъ всякой натяжки, отошла и, вставъ у консоли, начала перелистывать ноты; попалась мнѣ именно та кадриль, подъ которую мы только что танцовали, сочиненная очень хорошимъ музыкантомъ г-номъ Мерлини, котораго вся Вильна ужасно любила, такъ какъ онъ прекрасно сочинялъ и пѣлъ романсы, и во время постоянныхъ зимнихъ собраній у моего отца съ большимъ талантомъ игралъ на нашемъ домашнемъ театрѣ, при чемъ безвкусно облекался во всѣ богатые наряды временъ моихъ престарѣлыхъ родныхъ, и за это ремесло получалъ отъ отца подарки цѣною въ пятьдесятъ луидоровъ. По протекціи генерала Бенингсена, Мерлини былъ сразу пожалованъ въ маіоры, но до тѣхъ поръ только и нюхалъ пороху что на ученьи, да совершалъ походы лишь въ лагерь, гдѣ и нажилъ себѣ ревматизмъ. Именно въ ту минуту, какъ государь спросилъ меня, что я держу въ рукахъ, вошелъ Мерлини, и по своей близорукости, узналъ государя только тогда, когда его ееличество обратился къ нему и спросилъ:

— Вѣдь это вашего сочиненія кадриль?

Тогда государь, подавляя смѣхъ, отошелъ и уронилъ свой плюмажъ, а я выпустила изъ рукъ несчастную кадриль. Государь и Мерлини бросились ее подымать, и такъ какъ оба они были затянуты въ мундиры, то неизбѣжно должны были стукнуться головами; при всемъ нежеланіи смѣять-

ся, я не могла не улыбнуться, остальныя дамы также засмѣялись. Мерлини было не въ мочь, и онъ вышелъ, какъ и я, въ слѣдующую комнату.

— Зачѣмъ вы мнѣ не подали никакого знака,—воскликнулъ Мерлини!

— Да, это для чего же,—нужно было,—отвѣтила я.

Государь удалился, а мой отецъ пришелъ немного взволнованный, услышавъ отъ кое-какихъ черезъ-чуръ сердобольныхъ дамъ, что я чувствую себя нехорошо. Чтобъ уличить ихъ во лжи, я, возвратившись въ бальную залу, тотчасъ же стала въ рядъ длинной компаніи, приготовлявшейся танцовать англезъ,—танецъ, который въ то время много танцовали, и который былъ безконеченъ. Государь помѣстился противъ меня.

Танцовавшіе, чтобы не стоять спиною къ его величеству, раздвинулись на столько, что посрединѣ оставили пустое пространство. Я сдѣлала видъ, что ничего этого не замѣтила, и продолжала разговаривать съ близъ стоящими ко мнѣ дамами.

Послѣ государь сказалъ мнѣ, что если бы не было столько народу, онъ непремѣнно танцовалъ бы, но такъ какъ онъ уже давно оставилъ танцы, то ему было совѣстно опять ихъ возобновить, болѣе же всего ему хотѣлось протанцовать мазурку. Конечно, я не осмѣлилась замѣтить, что это танецъ слишкомъ живой для коронованной особы, и что болѣе удобно бы ему было пройдти въ контрдансѣ. Но что всего удивительнѣе, нѣсколько лѣтъ спустя—въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Вѣнѣ, когда тамъ былъ конгрессъ, государь снова сталъ принимать участіе въ танцахъ. Послѣ многихъ мазурокъ, вальсовъ и полонезовъ съ его величествомъ,

и въ отвѣтъ на его комплиментъ, что я хорошо и граціозно танцую, я сказала ему, что ему угодно сдѣлать меня слишкомъ гордою.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ—нельзя тщеславиться граціей, это природный даръ, и пріобрѣсти его нельзя.

— Тогда не для чего и учиться танцовать.

Прежде чѣмъ оставить балъ, государь спросилъ меня, остаюсь ли я теперь при отцѣ, и прибавилъ:

— На его мѣстѣ, я никогда не разстался бы съ вами.

Мнѣ не понятно, почему государь не взялъ съ собою ни моего отца, ни еще нѣкоторыхъ изъ литовцевъ, а отдалъ приказаніе всѣмъ имъ ѣхать въ Петербургъ.

Всѣ сошли ужинать; прелестную картину составляли чудный голубой сводъ, масса народу, иллюминація сада и пѣнистаго каскада, замокъ, освѣщенный изнутри, и тихое сіяніе моей любимицы луны, которую государь далеко не романически называлъ фонаремъ, хотя и находилъ, что она составляетъ лучшее во всей иллюминаціи. Погода стояла до того тихая, что свѣчи не гасли. Государь въ концѣ ужина уѣхалъ; да онъ и не садился за столъ, а все время съ видомъ полной веселости переходитъ отъ одной дамы къ другой. Я отъ того такъ выразилась, что государь удивительно умѣлъ выдержать свою роль, зная между тѣмъ, что пока въ Закрётѣ танцовали, въ двадцати верстахъ отъ него разыгрывалось другое гораздо болѣе величественное и торжественное зрѣлище: Наполеонъ переходилъ Нѣманъ съ 600.000 воиновъ, изъ которыхъ однако во Францію пришлось вернуться только 30.000! По возвращеніи своемъ въ Вильну и по отступленіи французовъ, императоръ Але-

ксандръ сознался въ этомъ и въ своемъ опасеніи, чтобъ это извѣстіе не нарушило бы празднества.

Послѣ ужина я опять танцовала, но передъ отъѣздомъ, въ то время какъ всѣ танцовали grèoque—родъ котильона, я отдыхала и разговаривала съ княземъ Зубовымъ, отъ котораго во время бала услышала привѣтствіе, совершенно противоположное тому, какое сдѣлалъ мнѣ отецъ, когда пріѣхалъ въ Товяны. Князь сказалъ мнѣ:

— Вы весной вѣрно не ѣздили верхомъ.

— Почему вы думаете, князь?

— По цвѣту вашего лица.

Всѣ эти господа превосходили одинъ другаго въ ухаживаніи, даже генералъ Уваровъ, сказалъ мнѣ, что, начиная съ государя и до послѣдняго его подданнаго, всѣ отдавали мнѣ должную справедливость. Курьезно было услышать такія слова отъ человѣка, который не отличался умомъ и коверкалъ французскій языкъ до такой степени, что на вопросъ императора Наполеона—не Уваровъ ли командуетъ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, вмѣсто «Oui, Sire», отвѣчалъ: «Je, Sire». За нимъ и осталось прозвище генерала Je, Sire.

VII.

Переходъ французовъ черезъ Нѣманъ.—Отъѣздъ императора Александра.—Въѣздъ Наполеона въ Вильну.—Завтракъ Неаполитанскаго короля Мюрата.—Печальныя предзнаменованія кампаніи.

На другой день послѣ бала отецъ мнѣ сказалъ:

Такъ какъ государь любитъ Верки, то я имѣю намѣреніе предложить его величеству дать тамъ сельскій празд-

никъ; въ Веркахъ прелестно весною, когда тамъ цвѣтетъ сирень и поютъ соловьи.

Я согласилась, но вслѣдъ затѣмъ пріѣхали къ намъ прощаться Товянскія дамы и привезли извѣстіе, что государь въ тотъ же день уѣзжаетъ, и что французская армія перешла Нѣманъ. Было отъ чего потерять голову.

Говорятъ, въ лагерѣ всѣ пришли въ смятеніе. И какъ только государь выѣхалъ, всѣхъ городскихъ лошадей (за исключеніемъ отцовскихъ) потребовали для русскихъ чиновниковъ, которые обратились въ бѣгство съ своими семьями, оружіемъ и пожитками. Улицы были запружены каретами, наполненными всевозможными вещами: постелями, люльками, клѣтками съ перепуганными и бьющимися птицами. Вся ночь прошла въ шумѣ отъ этого бѣгства, а на другой день какъ въ Венеціи, въ городѣ не слышно было стука колесъ. Но все было спокойно только съ виду; по городу же распространились всевозможные тревожные слухи, что всѣ предмѣстья будутъ сожжены, всѣхъ жителей перебьютъ, городъ будутъ оборонять, подъ самыми стѣнами дадутъ сраженіе, нужно прятаться въ погреба, въ горы. Старый эмигрантъ графъ Лотрекъ пришелъ мнѣ сказать: «видите вы этотъ большой колоколъ по ту сторону улицы, такъ знайте, онъ упадетъ на вашъ замокъ». А самъ онъ, съ бутылкою вина и съ колбасою, засѣлъ въ развалинахъ замковой башни на горѣ.

Всю ночь русскія войска проходили непрерывно черезъ городъ и, перейдя рѣку, сожгли деревянный мостъ. Французы вошли въ Вильну съ противоположной стороны. Полкъ князя Доминика Радзивилла прошелъ по нашей улицѣ—то были польскіе уланы въ своихъ прелестныхъ

мундирахъ съ значаами изъ польскихъ цвѣтовъ. Я стояла на балконѣ замка. Они съ улыбкой отдавали мнѣ честь. И въ первый разъ въ жизни я увидѣла поляковъ! Слезы восторга и радости полились изъ моихъ глазъ; я сознавала себя полькой! И эта минута была восхитительна, но какъ она была коротка!

Народъ веселился на улицахъ, на площадяхъ, крича виватъ и пускаясь къ рѣкѣ подбирать оружіе, которое русскіе, отступая, тамъ побросали. Муниципалит етъ съ распущенными знаменами вышелъ подносить императору Наполеону ключи отъ города.

Наполеонъ тотчасъ же отправился къ Зеленому мосту, чтобы распорядиться тушеніемъ пожара и вознагражденіемъ бѣдствій, причиненныхъ огнемъ. Онъ сѣлъ на бревно, приказалъ принести работникамъ пива и самъ выпилъ стаканъ, сказавъ по польски: Dobre piwa (славное пиво). И вотъ, въ ту же минуту явились люди, готовые идти за него въ огонь. Затѣмъ онъ сѣлъ на свою арабскую лошадь и взобрался на замковую гору, чтобъ оттуда обсудить положеніе Вильны, ея окрестностей и проч. Полагаю, что никогда до Наполеона, ни одна лошадь не взбиралась на эту гору, на которую довольно трудно вскарабкаться и пѣшеходу.

Король Неаполитанскій Мюратъ расположился въ обширныхъ палатахъ графа Паца, которыя мы должны были ему уступить, да еще снабдить его бѣльемъ и серебромъ. Моей ключницѣ надлежало приготовить постель для короля, и, не будучи предупреждена, она вошла въ спальню и нашла Мюрата, выходящаго изъ ванны, въ черезъ чуръ простомъ нарядѣ... Она громко закри-

чала и пустилась бѣжать съ простынями на головѣ... Такъ какъ король изнемогалъ отъ голоду, то отецъ приказалъ на скоро приготовить завтракъ, и едва его принесли, какъ онъ уже былъ уничтоженъ. Затѣмъ король заснулъ. Между тѣмъ начался грабежъ. Внѣ города и по деревнямъ совершались неслыханныя безчинства: церкви были ограблены, священные сосуды осквернены; даже кладбища не были пощажены, несчастныя женщины оскорблены! Самые прискорбные разсказы такъ и сыпались. И надо сказать правду, Наполеонъ выслушивалъ всѣ жалобы и щедро вознаграждалъ все, что только могло быть вознаграждено. Громовымъ голосомъ, отъ котораго чуть не поколебались стѣны замка, онъ вскричалъ въ присутствіи вождей своей арміи, которые стояли опустивъ головы и даже низко согнувъ спины отъ гнѣва гремящаго Юпитера:

— Господа, вы меня безчестите, вы меня губите.

А кто виноватъ? Зачѣмъ Наполеонъ въ своемъ дневномъ приказѣ объявилъ, «Россія увлечена судьбою. (Всегда судьба и судьба, и призывая ее вѣчно, онъ, наконецъ, возмутилъ ее противъ себя. Какая разница съ обращеніемъ Александра къ своей арміи: «Я буду съ вами, и Богъ будетъ противъ зачинщика». Такъ и сбылось, событія доказали это ясно:) идемъ впередъ, перейдемъ Нѣманъ, и внесемъ войну въ самыя владѣнія противника».

Французы, почитая себя въ непріятельской странѣ, стали и дѣйствовать сообразно тому. Они разстрѣливали грабителей, но тѣ отправлялись на казнь съ невѣроятнымъ равнодушіемъ, покуривая свои маленькія трубки. Имъ было все равно умереть раньше или позже. Полное отсутствіе

религіозныхъ правилъ. Наполеонъ полагалъ, что присутствіе священниковъ при войскахъ должно внушать солдатамъ страхъ смерти. А развѣ нынѣшніе французы стали менѣе храбры съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ III учредилъ полковыхъ и флотскихъ священниковъ! Господь, которому они возсылаютъ свои молитвы, благословляетъ ихъ дѣла и утѣшаетъ умирающихъ.

Три дня въ арміи не было хлѣба. Русскіе повсюду на пути французовъ сожгли хлѣбные запасы и мельницы. Императору Александру было предложено обратить Литву въ голую пустыню. Въ Вильнѣ солдатамъ выдавался хлѣбъ изъ столь дурной муки и такъ дурно испеченый, въ родѣ лепешекъ, что если бросить въ стѣну, то онъ прилѣплялся къ ней. Отецъ спросилъ одного изъ солдатъ императорской гвардіи, который стоялъ на караулѣ у дверей маршала Лефебра:

—Что, какъ поживаешь, товарищъ?

— Очень плохо, отвѣчалъ мрачнымъ и спокойнымъ голосомъ старый воинъ.

Бѣдные старые герои! Но то была только прелюдія къ ужасающей агоніи. Нищета, холодъ, смерть, снѣжный саванъ, ледяная могила, вотъ что ихъ ожидало въ Россіи.

Въ кавалеріи не было фуража и для прокормленія лошадей въ концѣ іюня снимали съ полей хлѣбъ! Несчастныя животныя мерли какъ мухи, и ихъ трупы бросали въ рѣку. Поваръ моего отца пересталъ подавать намъ рыбу и раковъ, вслѣдствіе ихъ дурнаго запаха. Уныніе овладѣло всѣми слоями общества.

Отецъ былъ озабоченъ; Наполеоновскій походъ казался ему затѣей неопытнаго молодого человѣка. Поляки, которые

никогда ни въ чемъ не сомнѣваются, говорили, что они пойдутъ за Наполеономъ хоть въ адъ...

Да, въ адъ, только ледяной!

Мнѣ было грустно отъ всего, что я слышала, и я изнемогала ото всего, что видѣла. Повсюду раздавалось бряцаніе оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей, всюду лежали на мостовой несчастные солдаты—португальцы, испанцы. Моему пораженному взору уже видѣлось въ туманѣ апокалипсическое воинство. Добро бы еще если бы въ насъ поддерживали надежду возвратить себѣ отечество. Но какая это была надежда!

VIII.

Рѣчь Наполеона къ польской депутаціи.—Обманутыя постоянство и вѣрность поляковъ.

На торжественной аудіенціи, данной Наполеономъ депутаціи въ Варшавѣ, онъ обратился къ ней по своему обыкновенію, въ выраженіяхъ двусмысленныхъ, которыми ничего съ точностію не опредѣлялось, ничего существеннаго не предвѣщалось.

«Въ Варшавѣ есть сеймъ для избранія короля». А гдѣ же королевство?—«Не разсчитывайте на Галицію. Я не могу вредить интересамъ моихъ двухъ союзниковъ — императора Австрійскаго и короля Прусскаго (а какъ они ему были вѣрны!). Чтобъ возстановить свою страну, поляки должны надѣяться только на самихъ себя. Въ исторіи Польши я вычиталъ, что въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ собранію Рѣчи Посполитой, поднятію всего дворянства на войну».

Разумѣется, Наполеону желательно было вызвать всеобщее движеніе безъ дарованія ему какой-бы то ни было гарантіи. Давно уже поляки приносили себя въ жертву честолюбію Наполеона и орошали своею кровью Германію, Италію, Санъ-Доминго, Испанію, всюду, гдѣ бывала явная опасность, гдѣ приходилось идти на штурмъ; вѣчно сражающіеся, вѣчно умирающіе за чужое дѣло, они до гроба преслѣдуютъ одну и ту же мысль, лелѣютъ одну и ту же надежду, которой никогда не суждено было осуществиться... Никогда! И все это могъ совершить Наполеонъ!

Да, если бы Наполеонъ былъ такимъ же великимъ политикомъ, какимъ онъ былъ великимъ полководцемъ и побѣдителемъ, то онъ сдѣлался бы всемірнымъ владыкою. Къ нему можно было отнести слова, сказанныя Аннибалу: «Ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою». Полумѣры всегда приносятъ гибель въ политикѣ. Наполеону слѣдовало выдержать свою роль завоевателя. Но вмѣсто того онъ, щадя непріятеля покореннаго силою и превосходствомъ его арміи и его неподражаемымъ геніемъ, пріобрѣлъ лишь невѣрныхъ союзниковъ, которые готовы въ одинъ несчастный день схватиться съ нимъ зубъ за зубъ, нося въ сердцѣ эту незалѣчимую кровавую рану оскорбленнаго честолюбія, которая никогда не прощается, въ политикѣ въ особенности. И развѣ не измѣнили ему австрійцы и пруссаки въ достопамятную кампанію 1812 года?

А такъ какъ Наполеонъ былъ побѣдитель великодушный и милосердый, то и разсчитывалъ только на одну благодарность. Какое заблужденіе! Въ выгодахъ своего могущества и славы Наполеону слѣдовало возсоздать Польшу изъ

обломковъ Пруссіи, а послѣднюю низвести до границъ марки Бранденбургской и Помераніи, границъ того времени, когда Пруссія была въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Рѣчи Постолитой и присягала въ вѣрности королю Vae victis.

Прошу въ томъ прощенія у господъ пруссаковъ, но я полька и такою родилась,—свойство, которое не можетъ быть отнято отъ меня, какъ нельзя меня лишить святости крещенія. Я смертельно зла на Пруссію, которая первая нанесла ударъ свободѣ, существованію моего отечества. Безъ сомнѣнія, слѣдовало Галицію обратно взять у Австріи, уменьшить эту державу, строго остерегаться входить съ нею въ какой бы то ни было союзъ; печальныя слѣдствія брака Наполеона съ Маріею-Луизою извѣстны. Да развѣ великому человѣку прилично поддаваться увлеченіямъ тщеславія? Къ тому же Наполеонъ такъ былъ окруженъ блескомъ своей славы, что могъ сообщить этотъ блескъ и той женщинѣ, которую онъ пожелалъ бы избрать себѣ въ супруги, все равно изъ какого бы она слоя ни вышла, лишь бы была изъ Франціи, а не выискивать себѣ жены по заплѣсневѣлымъ грамотамъ и подъ заржавленной короной Габсбургскаго дома. О, какъ нынѣшній Наполеонъ понялъ лучше того и политическія выгоды и свое собственное счастіе, избравъ въ супруги такую благородную и прелестную женщину!

Точно также Наполеону слѣдовало отнять у Россіи то изъ Польши, что ею не было завоевано, но пріобрѣтено по раздѣлу; императоръ же Александръ, для достиженія мира и свободы торговли, былъ готовъ на большія уступки. И Польшу слѣдовало возстановить въ болѣе широкихъ границахъ, въ такихъ, въ какихъ она никогда

и не была, соединивъ ее съ Саксоніей, въ которой царствующій домъ былъ единственный оставшійся Наполеону вѣрнымъ въ счастливые и горестные его дни. Тогда у него былъ бы неодолимый оплотъ отъ нашествій съ сѣвера, и никогда не удалось бы ни казакамъ, ни англичанамъ зажечь бивачныхъ огней изъ деревъ Булонскаго лѣса. Для этого имъ пришлось бы перейдти черезъ 20 милліоновъ поляковъ. И вмѣсто всего этого—что сдѣлалъ великій человѣкъ? Создалъ какое-то маленькое дрянное герцогство Варшавское, впослѣдствіи возведенное императоромъ Александромъ въ царство, но которому онъ все таки имѣлъ намѣреніе въ будущемъ назначить обширныя границы. Объ этомъ я поговорю потомъ. И опять таки это была только полумѣра. Создавая такое маленькое царство, императоръ Александръ дѣлалъ для него или слишкомъ много, или слишкомъ мало, давъ ему войско, конституцію, палаты, воеводства и проч. Этимъ онъ только заставлялъ Россію завидовать своей сестрѣ и не вполнѣ удовлетворялъ Польшу, которая въ этомъ зародышѣ царства видѣла только часть своего отечества.....

Но возвратимся къ печальному 1812-му году.

IX.

Представленіе Литовскаго дворянства Наполеону. — Собольи мѣха, приготовленныя для королевы Неаполитанской.—Голодъ въ Вильнѣ.

Нужно сказать, что императоръ Александръ поступилъ въ высшей степени дипломатично, пріѣхавъ прежде чѣмъ началась кампанія 1812 года, на довольно продолжитель-

ное пребываніе въ Литву. Онъ привлекъ своею добротою, милостію и привѣтливостію всѣ сердца. Находившіеся на службѣ поляки, какъ князья Любомірскіе, Браницкіе, графы Потоцкіе, Грабовскіе, говорили: «Онъ—наше отечество»! Съ другой стороны, какая выгода представлялась подставлять себя смерти, раззоряться, служа Наполеону? Сомнѣніе охлаждало рвеніе. Вотъ еслибы Наполеонъ, вмѣсто заключенія мира въ Тильзитѣ, пошелъ бы прямо на Литву, въ то время, когда русская армія была ослаблена, императоръ Александръ ничего еще не зналъ, когда всѣ головы были заняты созданіемъ Варшавскаго герцогства, всѣ сердца пылали любовью къ родинѣ,—тогда ему стоило бы только явиться для возбужденія, какъ онъ самъ говорилъ—для призыва дворянства на войну. Хотя я была очень молода въ то время, однако помню, какой восторгъ произвело въ Вильнѣ присутствіе французовъ, попавшихся въ какомъ-то сраженіи въ плѣнъ русскимъ. Уличные торговцы яблокъ и кренделей не хотѣли брать съ французовъ-солдатъ денегъ; кучера слѣзали съ козелъ. Въ обширномъ домѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, было помѣщено до 30 человѣкъ офицеровъ. Каждый день до самаго ихъ отъѣзда отецъ мой посылалъ имъ въ серебряной посудѣ завтракъ и обѣдъ á la française. Мой братъ получилъ позволеніе посѣщать заключенныхъ, и въ сумерки привелъ къ намъ одного изъ нихъ, г-на Жоера, инженернаго офицера, который весьма занимательно умѣлъ вести разговоръ и которому сестра моя вздумала предложить красненькую ленточку для его ордена почетнаго легіона, взамѣнъ его совершенно выцвѣтшей и изношенной ленты. Въ день, назначенный для отъѣзда плѣнныхъ, у

насъ въ домѣ была настоящая ярмарка изъ платья, бѣлья и всевозможныхъ вещей, присланныхъ отовсюду для французовъ, которые, какъ мнѣ кажется, разыграли всѣ вещи въ лотерею. Очень большой дворъ былъ наполненъ народомъ и широкими санями, предоставленными виленскими каретниками даромъ для плѣнныхъ, которые ихъ сами проводили на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Отецъ отправился прощаться съ офицерами, которые изъявляли ему свою благодарность, а онъ незамѣтно передалъ имъ довольно увѣсистый мѣшокъ съ деньгами. Отецъ имѣлъ благоразумную осторожность послать денегъ и въ русскій госпиталь. Но это не помѣшало губернатору, генералу Корсакову, впрочемъ человѣку весьма честному, сдѣлать выговоръ моему отцу за тотъ позоръ, который онъ затѣялъ у себя въ домѣ, и угрожать ему ссылкой въ Сибирь— только не въ кибиткѣ, а въ собственной его каретѣ. Отецъ, уже совершавшій такого роду поѣздку и прожившій цѣлый годъ въ Казани въ царствованіе императора Павла, все таки отвѣчалъ Корсакову:

— Генералъ, отправьте меня прямо въ Петербургъ. Государь не осудитъ меня за проявленіе милосердія къ заключеннымъ.

Тѣмъ все и кончилось.

Наполеонъ произнесъ въ собраніи Литовскаго дворянства слѣдующіе слова:

— Я полагалъ, что взятіе Вильны обойдется мнѣ въ 30,000 человѣкъ. Почему русскіе не пожелали дать сраженіе? Выгоды были на ихъ сторонѣ.

Кто-то изъ представлявшихся глупѣйшимъ образомъ отвѣчалъ:

— Ваше величество внушаете имъ страхъ.

Отецъ сказывалъ, какое множество невѣроятной безмыслицы пришлось Наполеону выслушать, когда онъ обходилъ всѣхъ стоявшихъ вокругъ него; при каждомъ такомъ обращеніи къ нему, Наполеонъ отходилъ, какъ бы ужаленный осой.

Мимо отца Наполеонъ прошелъ, не удостоивъ его ни словомъ; между тѣмъ отецъ имѣлъ въ высшей степени представительную наружность и удивительно какъ походилъ на покойнаго короля Станислава Понятовскаго, котораго онъ даже представлялъ при немъ самомъ и къ не малой его потѣхѣ, а Станиславъ, какъ извѣстно, старался копировать Людовика XV. Во всемъ собраніи только у одного отца была голубая лента Бѣлаго Орла.

Что касается Неаполитанскаго короля, то онъ былъ весьма любезенъ съ отцомъ. Я увидѣла его на дворѣ нашего дома въ его фантастической формѣ, съ желтыми сапогами и съ пѣтушьимъ, какъ называлъ маршалъ Ланнъ, султаномъ. Король прислалъ ко мнѣ своего адъютанта и толмача генерала Аксамитовскаго, съ просьбою выбрать для королевы, его супруги, отличную шубу, которую онъ обѣщалъ ей прислать изъ перваго русскаго города. Я послала отыскивать къ нѣсколькимъ мѣховщикамъ, и тѣ прислали меня спросить, для себя ли я требую мѣхъ? когда же я увѣдомила, что это для Мюрата, то никто изъ нихъ мнѣ не доставилъ соболей. Вотъ до какой степени изчезло народное довѣріе. Такой отвѣтъ было невозможно довести до свѣдѣнія короля, и я удовольствовалась тѣмъ, что послала ему сказать, что Вильна не считается пер-

вымъ городомъ Россіи, и что королю нужно ѣхать куда нибудь подалѣе, чтобъ запастись мѣхами.

Въ день отъѣзда Мюрата, пока нагружали вещами кареты, я увидѣла, что укладываютъ наши великолѣпные, крытыя зеленымъ дама, тюфяки; я въ ту же минуту послала свою ключницу вытребовать ихъ назадъ, что и было сдѣлано безъ затрудненія. Быть можетъ, Мюратъ, въ качествѣ короля Неаполитанскаго, и имѣлъ въ своей свитѣ нѣсколькихъ лаццарони. Генералъ Аксамитовскій вмѣстѣ съ генераломъ Белліаромъ пришли къ намъ благодарить за гостепріимство, и первый изъ нихъ сказалъ мнѣ, такъ какъ отецъ мой повредилъ себѣ во мнѣніи Наполеона, что его имени не значилось въ листѣ виленскихъ гражданъ, но что король приказалъ внести его въ списокъ и послать Наполеону; наконецъ, въ знакъ своего благоволѣнія, король повелѣлъ удержать для себя нашъ домъ и освободить его отъ другихъ военныхъ постоевъ. Эти господа просили меня сыграть имъ на фортепіано; я согласилась, а они разсказали о томъ королю, который замѣтилъ имъ, что они очень счастливы, и прибавилъ, что еслибъ онъ только зналъ, что можетъ послушать мою игру, то сталъ бы для этого хоть къ дверямъ. Ужъ подлинно, стоило бы такъ безпокоиться!

Между тѣмъ разыскивали повсюду моего отца. Аксамитовскій прибѣжалъ мнѣ сказать, что король въ нетерпѣніи и только ждетъ отца, чтобы сѣсть на лошадь. — «Чтобы не повредить вашему отцу, прибавилъ онъ, вамъ слѣдуетъ вмѣсто него явиться и получить приказанія отъ короля; ради Бога, идите!»

Нечего было колебаться. Я накинула себѣ на плечи кашемировую шаль, чтобы тѣмъ прикрыть свой весьма не-

брежный утренній нарядъ, какъ вдругъ приставленная ко мнѣ въ качествѣ компаньонки француженка Таффенъ, блѣдная какъ смерть, объявила, что она отказывается слѣдовать за мною, такъ какъ все это лишь предлогъ, чтобъ показать королю хорошенькую женщину. Аксамитовскому стоило не малыхъ усилій убѣдить ее идти вмѣстѣ со мною. Такъ какъ дождь лилъ ливмя, я указала на дверь, чрезъ которую было сообщеніе въ обѣ половины дома, но ни у привратника, и ни у кого другаго не нашлось отъ нея ключа; и я только выиграла этимъ время. Отецъ мой вернулся и побѣжалъ къ королю, который принялъ его весьма милостиво и отозвался ему весьма лестно обо мнѣ: будто слышалъ, что я соединяю талантъ съ красотою, и выразилъ желаніе меня видѣть; затѣмъ онъ отрядилъ одного изъ своихъ адъютантовъ, чтобы проводить отца къ графу Нарбонну. Но что вышло всего забавнѣе, такъ это то, что я находилась у оконъ, выходящихъ на улицу, а Мюратъ верхомъ на лошади въѣхалъ во дворъ и сталъ любезно раскланиваться съ моими горничными, которыя смотрѣли изъ дворовыхъ оконъ. Въ этотъ же самый день я видѣла проѣзжавшаго верхомъ знаменитаго Наполеона, который заставлялъ трепетать всю Европу. Его лицо, цвѣта пожелтѣвшаго мрамора, показалось мнѣ издали строгимъ, какъ у античныхъ бюстовъ и вообще такимъ, что трех-угольная шляпа и корона шли къ нему менѣе, чѣмъ лавровый вѣнокъ.

Голодъ въ Вильнѣ постоянно давалъ себя чувствовать. Однако моя тетка и ея другъ, красавица г-жа Баго, были приглашены на обѣдъ къ маршалу Лефебру; онъ предложилъ г-жѣ Баго руку своего сына, который имѣлъ мил-

ліонъ дохода въ годъ. Но вмѣсто этого брака, молодаго человѣка ожидала въ Вильнѣ смерть: во время отступленія онъ умеръ, какъ кажется, отъ тифа.

Мнѣ очень нездоровилось. Такъ какъ всѣхъ городскихъ булочниковъ обязали поставкой хлѣба въ войска, мы съ отцомъ принуждены были ѣсть ситный хлѣбъ, который пекли у насъ дома для людей. И счастливъ еще былъ тотъ, у кого онъ былъ? Многіе присылали къ намъ за такимъ хлѣбомъ.

X.

Представленіе дамъ императору.—Авторъ записокъ надѣваетъ свой фрейлинскій шифръ.—Сопротивленіе, выказанное многими лицами.—Г-жа Абрамовичъ, старинный другъ г-жи Валевской, представляетъ дамъ.—Служба въ капеллѣ.—Впечатлѣніе, произведенное Наполеономъ на автора.—Представленіе членовъ Академіи.—Слово, сказанное ректоромъ.—Наполеонъ даруетъ аудіенцію графу Шуазель-Гуфье.

Однажды ночью я была разбужена принесенною повѣсткой, которой приказывалось дамамъ явиться во дворецъ для представленія императору.

Мнѣ сильно не понравился этотъ пріемъ, напоминающій обычаи гауптвахты, и я рѣшила не ѣхать; но отецъ напомнилъ мнѣ, что мой поступокъ можетъ быть дурно истолкованъ, и что его и безъ того считаютъ уже приверженцемъ Россіи по тѣмъ знакамъ отличія, которые онъ и его семейство удостоились получить отъ императора Александра. Я согласилась только на томъ условіи, что надѣну фрейлинскій шифръ.

При полученіи этого знака я нисколько не была обрадована имъ, но мнѣ казалось безчестнымъ не надѣть его при

настоящихъ обстоятельствахъ, то есть вдругъ пренебречь этимъ знакомъ благоволенія императора Александра въ то время, когда онъ принужденъ былъ отступать предъ своимъ противникомъ. Отецъ сказалъ мнѣ:

— Нужно послать къ г-жѣ Гидройцъ узнать, надѣнетъ ли она свой шифръ?

— А мнѣ то что за дѣло?

Я и сама не знаю, откуда у меня взялась такая рѣшительность, когда я всегда была такъ покорна малѣйшему отцовскому желанію! Но эта рѣшительность, внушенная мнѣ свыше, послужила въ пользу всему моему семейству, и мнѣ самой снискала благосклонность императора Александра. О, если бы онъ могъ узнать это! говорила я сама себѣ, и тутъ же мнѣ казалось это невозможнымъ.

Я поѣхала за теткой и ея пріятельницей; бѣдная тетушка осталась безъ экипажа. Русскіе взяли у нея подъ видомъ безсрочнаго займа ея четырехъ прекрасныхъ лошадей. По дорогѣ мы заѣхали за г-жею Абрамовичъ, которую Наполеонъ назначилъ самъ для представленія ему дамъ. Г-жа Абрамовичъ была извѣстна императору въ Варшавѣ по дружбѣ ея съ г-жею Валевскою, для которой она сочиняла письма къ его величеству. Наполеонъ догадался о томъ и сказалъ Валевской:

— Пишите мнѣ что хотите, а третьяго человѣка мнѣ не нужно въ моихъ къ вамъ отношеніяхъ.

Всѣ эти дамы, за исключеніемъ г-жи Биго, которая глазами показала мнѣ свое одобреніе, выразили удивленіе, увидѣвъ на мнѣ шифръ, и хотѣли принудить меня снять его. Но я объявила имъ, что не сдѣлаю этого, пока не узнаю воли Наполеона.

— Онъ скажетъ вамъ какую нибудь непріятность; вы не знаете что это за человѣкъ.

— Я и сама ему отвѣчу.

— Не говорите, не говорите, перебила меня г-жа Абрамовичъ, здѣсь стѣны передаютъ ему все что говорится.

Мы пріѣхали во дворецъ и насъ провели въ залу, гдѣ были сдѣланы приготовленія для отправленія божественной службы; здѣсь находился и Виленскій епископъ. Дамы всѣ сидѣли. Дѣвица Гедройцъ издали показала мнѣ, что пріѣхала безъ шифра, а я ей показала свой шифръ.

Мой дядя, графъ Коссаковскій, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ты очень дурно поступила; я отступаюсь отъ тебя, ты мнѣ не племянница.

Я отвѣчала:—я знаю, что дѣлаю.

Наконецъ, для успокоенія дамъ, отецъ обратился къ графу Нарбонну и графу Тюреню, которые сказали ему:

— Какъ же, это очень милое придворное украшеніе, и не выражаетъ собою ничего оффиціальнаго.

И такъ, я должна была предстать предъ тѣмъ Наполеономъ, который носилъ весь свѣтъ въ своей головѣ, и который задыхался въ старой Европѣ.

Стоявшій у дверей камеръ-лакей возгласилъ: «Императоръ!» и я увидѣла маленькаго, толстаго и коротенькаго человѣка въ зеленомъ мундирѣ, вырѣзанномъ на груди, и въ бѣломъ жилетѣ, окруженнаго маршалами, — который влетѣлъ какъ ядро и занялъ мѣсто на креслѣ, передъ налоемъ. Послѣ службы онъ вышелъ съ такою же быстротою. Тогда

стали пропускать дамъ въ пріемную залу. Никто изъ насъ не хотѣлъ быть представленной первою.

Наконецъ, моя тетка выступила первая. Когда назвали ея фамилію, она добавила: «рожденная Потоцкая.»

Наполеонъ спросилъ:—котораго изъ Потоцкихъ вы дочь, вѣдь ихъ такъ много?

— Сестра Владиміра Потоцкаго.

То былъ герой рода Потоцкихъ. Въ своихъ родовыхъ помѣстіяхъ въ Подоліи онъ набралъ цѣлый полкъ людей, вооружилъ ихъ на свой счетъ и присоединилъ къ польской арміи, служившей тогда во Франціи. Глава этого богатаго рода, князь Доминикъ Радзивиллъ, поступилъ точно также какъ Потоцкій. Мой двоюродный братъ графъ Пацъ и еще нѣсколько богачей изъ литовцевъ много лѣтъ уже находились на французской службѣ, сражались противъ русскихъ, пользуясь своими доходами и не опасаясь, что ихъ имѣнія подвергнутся секвестру или конфискаціи. Такимъ образомъ мой двоюродный братъ собралъ милліонъ и помѣстилъ его на храненіе въ Америку. Вотъ какъ велись дѣла въ благодушное царствованіе императора Александра I, Александра Благословеннаго! По истинѣ, вспоминая былыя дѣянія, думаешь, что читаешь сказку изъ Тысячи и одной ночи.

Наконецъ, наступила моя очередь. Къ великому моему удивленію—смиренно сознаюсь въ томъ,—видъ этого по истинѣ обаятельнаго человѣка, не произвелъ на меня того впечатлѣнія, на которое я могла разсчитывать, судя по тому восторгу, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ внушалъ мнѣ Наполеонъ, когда въ немъ видѣли властителя судебъ Польши. Съ самаго нѣжнаго возраста я была боль-

шою патріоткой и мечтала быть для своей родины Іоанной д'Аркъ. То былъ любимый предметъ моихъ разговоровъ съ гувернанткой. Но съ тѣхъ поръ, какъ надежды поляковъ обратились въ мечту, моего дѣвичьяго молодаго воображенія Наполеонъ плѣнять не могъ. Вся эта слава, пріобрѣтенная цѣною человѣческой крови, удовлетвореніе своего воинственнаго честолюбія и преслѣдованіе неосуществимыхъ плановъ, породили во мнѣ отталкивающее къ нему чувство.

Устремивъ свой орлиный взоръ на мой шифръ, Наполеонъ спросилъ меня:

— Какой знакъ отличія надѣтъ на васъ?

— Фрейлинскій шифръ двора ихъ величествъ государынь императрицъ всей Россіи.

— Слѣдовательно, вы русская.

— Нѣтъ, я только имѣю фрейлинскій знакъ.

Затѣмъ Наполеонъ продолжалъ:

— У васъ братъ служитъ въ легкой кавалеріи?

— У меня, государь, два брата, которые еще нигдѣ не служатъ.

Онъ настаивалъ на этомъ и я не возражала ему. Быть можетъ онъ разумѣлъ моего двоюроднаго брата, графа Паца. Г-жѣ Огинской Наполеонъ предложилъ свой любимый вопросъ:—Есть ли у васъ толстыя и большія дѣти?—Затѣмъ, повернувшись въ нашу сторону, онъ сказалъ съ улыбкой:

— Императоръ Александръ очень любезный человѣкъ. Онъ васъ всѣхъ здѣсь расположилъ въ свою пользу. Настоящія ли вы польки?

Ему отвѣчали кто улыбкой, кто наклоненіемъ головы.

Наполеонъ выказывалъ большое расположеніе къ императору Александру, хотя и вторгся въ его государство.

При представленіи членовъ академіи(университета), Наполеонъ сказалъ ректору Снядецкому:

— Вы всѣ католики. А благоволитъ ли къ вамъ императоръ Александръ?

Ректоръ началъ восхвалять щедрость Александра и покровительство, которое онъ оказывалъ всѣмъ ученымъ, художественнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ.

— Да, сказалъ Наполеонъ, онъ добрый государь, онъ философъ на тронѣ.

Ему бы слѣдовало прибавить еще: и рыцарь изъ рыцарей!

Нужно замѣтить, что въ царствованіе Александра I и по его примѣру, вѣжливость была въ порядкѣ вещей и царила не только при дворѣ, но даже въ рядахъ низшихъ чиновниковъ.

Тѣмъ временемъ прибылъ для переговоровъ генералъ Балашевъ. Ни одно изъ предложеній, сдѣланныхъ императоромъ Александромъ Наполеону, не огласилось; только всѣмъ стало извѣстно, какъ Балашевъ, откланиваясь Наполеону, съ рѣдкою находчивостью отвѣтилъ ему на вопросъ послѣдняго: какою дорогою идти ему на Москву, или на Петербургъ:

— Государь, путей много, можно даже выбрать путь на Полтаву.

Перчатка была брошена, война рѣшена.

Графъ Нарбоннъ предложилъ графу Шуазелю испросить себѣ аудіенцію у Наполеона. — «Онъ васъ и безъ того потребуетъ къ себѣ, сказалъ Нарбоннъ, такъ лучше пойдите

къ нему сами.—Императоръ былъ весьма милостивъ съ Шуазелемъ; аудіенція прошла по обыкновенію въ хожденіи по залѣ и въ вопросахъ.

— Дѣйствительно ли императоръ Александръ желаетъ лично командовать своими войсками? Это очень не дурно для такого стараго солдата какъ я. Велика ли власть сената въ Россіи? Я желалъ бы избѣгнуть кровопролитія, но императоръ Александръ принуждаетъ меня къ тому не соблюденіемъ Тильзитскаго договора. Почему его армія удалилась такъ внезапно.

Шуазель отвѣчалъ:—Безъ сомнѣнія, она была поражена быстротою шествія вашего величества.

— Быстротою, о нѣтъ! Много времени было потеряно въ ожиданіи провіанта. Мясо подвигается вмѣстѣ съ войсками, а вотъ хлѣбъ такъ приходится отыскивать.

Затѣмъ онъ продолжалъ:—Васъ, можетъ быть, удивляетъ блестящая обстановка, меня сопровождающая; французамъ всегда нужна представительность. Я это говорилъ и моему тестю императору австрійскому, который выражалъ мнѣ свое удивленіе. Простота не идетъ къ человѣку, вышедшему изъ простыхъ солдатъ; она годится только наслѣдственному государю. Кстати, по поводу наслѣдственности: повѣрите ли вы, что, разговаривая съ Александромъ, я долженъ былъ защищать противъ него преимущества наслѣдственности престола. Эти преимущества, конечно, лучше, чѣмъ случайности избранія. Польша доказала это отлично.

Шуазель сознавался, что былъ совершенно пораженъ подобными рѣчами, въ устахъ такого человѣка.

XI.

Умственныя способности и разговоры графа Нарбонна.—Онъ знакомится съ авторомъ. — Праздникъ, данный въ честь Наполеона графомъ Пацомъ.

Я познакомилась съ графомъ Нарбонномъ на одномъ танцовальномъ вечерѣ, гдѣ подавали чай съ ситнимъ хлѣбомъ.

Мнѣ все еще нездоровилось и потому я не танцовала. Графъ Нарбоннъ, глядя на меня, сказалъ моей теткѣ:

— Нельзя ли, по просьбѣ всѣхъ здѣсь присутствующихъ мужчинъ, упросить эту молодую особу принять участіе въ танцахъ.

Эти слова разсердили меня, и я просила тетушку объяснить графу, что столь услужливое участіе ко мнѣ было совершенно неумѣстно.

Тетка стала смѣяться, говоря:

— Вы не знаете графа Нарбонна: для него удовольствіе говорить противоположное тому, что онъ думаетъ.

Но съ этимъ образомъ выраженія графъ потерпѣлъ неудачу въ Вѣнѣ, у чопорныхъ австріячекъ; я же подладилась къ нему очень скоро.

Однажды, когда я танцовала, Нарбоннъ подходитъ и говоритъ мнѣ:

— Постарайтесь пожалуйста быть поболѣе граціозной и изящной.

— Я употреблю все мое стараніе, графъ, но боюсь, мои усилія будутъ напрасны!

Онъ съ улыбкой говорилъ, что я буду какъ медъ для французскихъ мухъ.

Въ одну изъ прогулокъ нашихъ по ботаническому саду Нарбоннъ нарвалъ для меня розъ и сказалъ:—«О,если меня видитъ изъ окна своего г-нъ профессоръ, то какъ онъ долженъ проклинать французскій мундиръ, позволяющій себѣ производить такое опустошеніе». Онъ хотѣлъ выдать меня замужъ за француза, но только затруднялся, какъ самъ говорилъ,найдетъ ли хоть одного достойнаго. И по истинѣ сказать, я сама была бы не прочь выйдти за него замужъ, такъ онъ мнѣ нравился своею любезностью и умомъ. Къ тому же онъ былъ красивый старикъ; его благородная наружность,правильныя черты лица,большіе черные глаза, говорили, что онъ былъ сынъ Людовика XV.

Графъ Нарбоннъ отличался также и ловкостью. Однажды разговоръ зашелъ о г-жѣ Г... и ея дочери, которыя безпрерывно осаждали герцога Бассано, прозваннаго по этому случаю мученикомъ.

— Что вы говорите мученикъ! Онъ просто пророкъ! Развѣ вы не замѣчаете, что онъ находится во рву звѣриномъ!

Герцогъ Бассано предложилъ моему двоюродному брату графу Пацу дать балъ, чтобы тѣмъ отпраздновать обнародованіе акта конфедераціи; въ тотъ же день въ соборѣ отслужено было мелебствіе, на которомъ всѣ присутствовавшіе имѣли на себѣ кокарды изъ національныхъ польскихъ цвѣтовъ. Это трехцвѣтное соединеніе красокъ заставило меня изобрѣсти себѣ такой нарядъ, который какъ можно

болѣе подходилъ бы къ нимъ... И я сдѣлала себѣ крѣповое платье, убранное букетами изъ живыхъ цвѣтовъ: васильковъ, красной и бѣлой гвоздики. Мой двоюродный братъ, какъ патріотъ, пришелъ въ восторгъ отъ этой мысли, которую и мой учитель рисованія, профессоръ при университетѣ, почтенный Рюстемъ, провозгласилъ очень изящною.

Прежде чѣмъ одѣваться къ балу, мы вмѣстѣ съ г-жею Таффенъ и моими горничными вышли на улицу, чтобы посмотрѣть иллюминацію дома Паца, транспаранты и проч. На одномъ изъ транспарантовъ былъ изображенъ, весьма похоже, Наполеонъ, снимающій оковы съ Польши, которая представлена была въ видѣ прекрасной женщины, на половину лежащей въ могилѣ;внизу была сдѣлана надпись: «Мститель здѣсь, трепещите»! На другомъ пунктѣ былъ изображенъ золотой орелъ, соединяющій посреди молній гербы Польши и Литвы.

На улицѣ была тѣснота. Кругомъ себя я слышала: — вотъ хорошенькая женщина, какая прелестная головка, — между тѣмъ какъ почти ничего нельзя было видѣть. Меня разобралъ страхъ, я схватила руку m-lle Таффенъ и быстро вошла въ домъ.

Тетка моя была хозяйкой этого празднества. Я усѣлась въ уголкѣ большой залы. Графъ Нарбоннъ пришелъ сказать мнѣ, что я совершенно на своемъ мѣстѣ, такъ какъ, будучи весьма непріятной особой, я и должна быть подвергнута ссылкѣ на цѣлый вечеръ въ этотъ уголъ.

— Я льщу себя надеждой, графъ, что вы раздѣлите со мной это заключеніе.

Но тетушка пришла звать меня, чтобы вмѣстѣ съ дру-

гими дамами встрѣчать Наполеона, о прибытіи котораго уже было дано знать — милость, которою онъ рѣдко дарилъ частныхъ лицъ, и на которую я надоумила двоюроднаго брата, узнавъ о томъ сама за нѣсколько часовъ до бала отъ графа Нарбонна.

По первому знаку, всѣ герцоги, маршалы, бросились сломя шею, съ испуганными и по истинѣ очень забавными лицами на встрѣчу императору. Насъ заставили стать вдоль лѣстницы по четыре въ рядъ. Какихъ чудачествъ не творили мы изъ любви къ родинѣ!

Наполеонъ прибылъ въ каретѣ, въ сопровожденіи своего шталмейстера, г. Коленкура, ѣхавшаго верхомъ возлѣ кареты. При выходѣ изъ экипажа ему подставили приступку, какъ будто земля была не достойна, чтобъ на нее ступила его царственная нога. Наполеонъ прошелъ лѣстницу при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ», которые провожали его до самой залы. Музыканты заиграли любимую императоромъ арію Гретри: Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille. Онъ обошелъ всѣхъ дамъ и тотчасъ же узналъ меня.

— А, вѣдь это вы придворная дама?

А дѣвицѣ Гедройцъ сказалъ:

— У васъ вѣдь также есть шифръ, зачѣмъ же вы не надѣли его?

Гедройцъ повела длинный разговоръ, изъ котораго до меня долетали слова отечество, обстоятельства, и проч.

Наполеонъ отвѣчалъ: — Отчего же, можно быть настоящей полькой и носить шифръ.

Онъ выразительно взглянулъ на меня и засмѣялся, при чемъ обнаружилъ рядъ великолѣпныхъ зубовъ. Затѣмъ онъ

прибавилъ, что императоръ Александръ былъ очень любезенъ, пожаловавъ намъ такое отличіе.

Лишь только одобреніе моего поступка владыкой стало извѣстно, какъ всѣ наперерывъ начали меня поздравлять со стойкостью, которую я обнаружила. У Наполеона было пріятное лицо, когда оно озарялось его прекрасною улыбкою и даже блѣдность его лица ничего не имѣла поражающаго. Но что всего удивительнѣе, лицо его выражало скорѣе отпечатокъ добродушія, чѣмъ ума. Г-жа Абрамовичъ была положительно права, говоря, что самыя стѣны передаютъ Наполеону все говоримое. Ему сообщали малѣйшія сплетни. Императоръ обратился къ моей теткѣ и къ ея другу съ словами:

—Мнѣ извѣстно, что вы обѣ желаете получить разводъ. Такъ поспѣшите, ибо вскорѣ расторженіе браковъ будетъ запрещено.

Танцы возобновились. Императоръ сѣлъ на кресло, которое имѣло видъ трона; оно было поставлено на коверъ, и для ногъ была приготовлена подушка, но онъ отпихнулъ ее ногою, и поступилъ весьма разумно, потому что это имѣло смѣшной видъ. Маршалы и прочіе сановники стояли вокругъ кресла. Императоръ оставался около двухъ часовъ на балу.

Поданный ужинъ былъ по истинѣ изумителенъ по обилію и утонченности. Поваръ моего отца, который всѣмъ этимъ заправлялъ, просто сдѣлалъ чудо при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Послѣ тетка разсказала мнѣ, что когда она ѣхала на балъ, то видѣла, какъ какой-то человѣкъ упалъ на улицѣ и умеръ съ голоду. Это ужасно! Роскошь

и нищета! какая противоположность? И это повсюду на свѣтѣ.

По окончаніи бала мнѣ было предложено, для отдыха, сдѣлать прогулку верхомъ; но я владѣла довольно собою, чтобъ отклонить это предложеніе; а между тѣмъ, я все-таки спала не болѣе двухъ часовъ. Графъ Нарбоннъ предлагалъ мнѣ свою лошадь, увѣрялъ, что она очень смирная; но затрудненіе было не въ этомъ; я была неустрашимая наѣздница, садилась на всякую лошадь съ четырнадцатилѣтняго возраста, имѣя въ мысляхъ быть Іоанной д'Аркъ, я доходила до лихорадки, переставала пить и ѣсть, теряла сонъ и вставала въ четыре часа утра, когда знала что поѣду кататься. Моя гувернантка говорила мнѣ:

— Ахъ, дорогое дитя, какъ я боюсь, чтобы сильныя страсти не погубили васъ.

Нѣтъ! Она ошиблась, такъ какъ у меня никогда другой страсти и не было какъ только къ лошадямъ. Я заранѣе всегда просила берейтора, который выѣзжалъ нашихъ верховыхъ лошадей, чтобы онъ не трогалъ мою лошадь, отчего она, разумѣется, была очень рѣзва и скакала на славу. Отецъ бранилъ берейтора, а онъ, измѣнникъ, только отвѣчалъ: «Барышня не приказываютъ».

Тогда бранили и самую барышню:

—Ты, сударыня, до тѣхъ поръ не успокоишься, пока не сломаешь себѣ шеи. Въ заключеніе меня называли казакомъ.

Къ моему великому горю, въ началѣ кампаніи, отецъ уступилъ всѣхъ своихъ верховыхъ лошадей адъютантамъ императора Александра, а генералу Коссаковскому подарилъ такую чудесную лошадь, что Наполеонъ замѣтилъ

ее, а этого довольно. Всѣхъ своихъ лошадей отецъ получилъ съ своего собственнаго завода. Лошадь которая досталась Коссаковскому, сдѣлала всю кампанію въ Россіи, затѣмъ кампанію въ Франціи, и вернулась на покой къ своему прежнему господину, который воздвигъ ей въ своемъ саду памятникъ, съ почетнымъ прописаніемъ всѣхъ ея заслугъ во время войны.

Всѣ господа, принадлежавшіе къ Наполеонову двору, старались насъ увѣрить, что ихъ императоръ былъ на балу въ прекрасномъ расположеніи духа и очень любезенъ. Я молчала. Наполеону также невозможно было соперничать въ любезности съ императоромъ Александромъ, который былъ олицетворенная привѣтливость, какъ Александру не по силамъ было состязаться съ геніемъ Наполеона на полѣ битвы.

XII.

Прогулка верхомъ.—Встрѣча автора съ Наполеономъ въ Закретѣ.—Закретское недавнее разрушеніе.—Прекрасный видъ императорской гвардіи.—Избраніе короля польскаго.—Г. де-Лорнъ-д'Идвилль, секретарь императора.—Венда и Ритегеръ, повѣсть автора Записокъ.

Мнѣ пришлось совершить такую прогулку верхомъ, которую, судя по обстоятельствамъ, можно назвать историческою. Я была съ г-жею Биго и съ полковникомъ Тигу, съ тѣмъ самымъ, который во время возстанія 1830 г., былъ убитъ въ Мемелѣ однимъ польскимъ фанатикомъ, называвшимъ его бездоказательно измѣнникомъ. Насъ снабдилъ лошадьми шталмейстеръ короля саксонскаго, графъ Александръ Потоцкій. Онъ предложилъ мнѣ ту ло-

шадь, съ которой самъ упалъ, не смотря на то что былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ; этотъ случай огорчилъ его не оттого, что онъ былъ выбитъ изъ сѣдла въ нашемъ присутствіи, а потому что давалъ этимъ возможность своимъ грумамъ впослѣдствіи издѣваться надъ нимъ. Несносное животное имѣло привычку кружиться на одномъ мѣстѣ; такъ и подо мною лошадь стала вертѣться, при громкихъ крикахъ ужаса г-жи Биго, которая вообразила меня уже лежащею на землѣ, но я, опустивъ повода, начала тихонько гладить ее и тѣмъ укротила. Въ другой разъ эта же лошадь среди узкой улицы сдѣлала такой прыжокъ, что я не упала только благодаря своей ловкости. Осторожность заставила меня совершенно отказаться отъ этого коня; къ тому же отецъ приказалъ привести съ завода другихъ уже вполнѣ выѣзженныхъ и надежныхъ лошадей.

Едва мы выѣхали за городскіе ворота, какъ встрѣтили императора и его блестящій конвой, возвращавшихся изъ Закрета. Наполеонъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ намъ навстрѣчу, спросилъ, хорошія ли мы наѣздницы. Такъ какъ моя спутница боялась говорить, то я отвѣчала:

— Государь, не желая выдавать себя за хорошихъ наѣздницъ, мы можемъ только сказать, что очень любимъ верховую ѣзду.

Послѣ этой торжественной и достопамятной встрѣчи, мы проѣхали еще нѣкоторое разстояніе и увидѣли Закретъ, такъ недавно еще блиставшій праздничнымъ видомъ и присутствіемъ наилюбезнѣйшаго изъ государей. Закретъ представлялъ собою однѣ развалины. Мы въѣзжали верхомъ на тотъ помостъ, гдѣ я танцовала съ императоромъ Александромъ. Померанцовыя деревья были опрокинуты и

поломаны; зданія, меблированныя самымъ изысканнымъ образомъ, были окончательно опустошены; превосходныя оранжереи, наполненныя экзотическими растеніями, разрушены и расхищены, и не только солдатами, которые находили какое-то удовольствіе все разрушать, но и съ участіемъ нѣкоторыхъ изъ городскихъ обывателей. И тамъ, гдѣ красовались розы, спѣли ананасы, смѣнили ихъ крапива и чертополохъ.... Гнетущая тишина царствовала вездѣ, гдѣ нѣкогда раздавались звуки музыки, веселія, удовольствія. Только однѣ птицы продолжали свое вѣчно радостное пѣніе и не покинули густой сѣни этихъ мѣстъ. Водопадъ былъ также осушенъ; однимъ словомъ, Закретъ былъ осужденъ превратиться въ военный госпиталь. Пробѣгая по опустошеннымъ комнатамъ, мы наткнулись на бюстъ генерала Бенингсена, который лежалъ на полу безъ головы. Графъ Александръ Потоцкій, посмотрѣвъ на него, сказалъ:

—Онъ теперь похожѣе чѣмъ когда либо.

Но замѣчаніе, сдѣланное графомъ, было скорѣе злое, чѣмъ справедливое: Генералъ Бенингсенъ отличался военными способностями, которыя были оцѣнены даже Наполеономъ, сказавшимъ ему въ Тильзитѣ:

—Генералъ, вы были жестоки.

Въ другой разъ Наполеонъ проѣхалъ очень близко отъ насъ, когда дѣлалъ смотръ прекрасной императорской гвардіи; въ числѣ присутствующихъ онъ замѣтилъ г-жу Биго, и минуту спустя, прислалъ узнать какъ ея фамилія и полька ли она по рожденію. Это дало поводъ всѣмъ мужчинамъ нашего общества къ разнымъ дурнымъ шуткамъ на счетъ г-жи Биго; нѣкоторые уже видѣли въ ней другую

г-жу Валевскую; на самомъ же дѣлѣ все происшествіе кончилось ничѣмъ.

На одномъ изъ вечернихъ собраній въ домѣ моей тетки многія дамы и мужчины разсуждали объ избраніи польскаго короля, и у каждаго изъ нихъ былъ свой кандидатъ: разумѣется, всѣ начинали съ Наполеона, о которомъ графъ Нарбоннъ сказалъ:

—Такъ какъ императоръ питаетъ страсть къ коронамъ, то, быть можетъ, онъ не прочь будетъ надѣть на себя еще и польскую.

Меня также спросили, кого бы я выбрала, но я разсѣянно отвѣчала:

— Я никого не знаю изъ этихъ господъ.

Отвѣтъ мой долженъ былъ показаться чудовищно глупымъ.

Со мною часто случалось, что я поступала еще болѣе наивно. Такъ, г-жа Таффенъ посовѣтовала мнѣ дать прочесть г-ну д'Идвилю, который состоялъ при императорѣ въ качествѣ его секретаря и переводчика и зналъ въ совершенствѣ русскій языкъ—онъ служилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ—маленькую написанную мною повѣсть «Ванда и Ритегеръ», сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ исторіи Польши, и гдѣ было много лестныхъ намековъ на Наполеона. Мнѣ было не болѣе 17 лѣтъ, когда я написала этотъ разсказъ, и безъ хвастовства могу сказать, что для такой молодой особы произведеніе это вышло довольно замѣчательное. Помню, что сочиненіемъ его я занималась въ свободные часы, по вечерамъ; я усаживалась по глубже въ кресло и, дѣлая видъ, что дремлю, ста-

ралась привести въ порядокъ бродившія въ головѣ мысли. Моя сестра говорила тогда:

— Посмотрите, пожалуйста, на Софи, она спитъ вмѣсто того, чтобы разговаривать съ нами.

Пока г. д'Идвилль читалъ мою маленькую рукопись, выказывая по временамъ знаки удивленія, на которыя я не обращала вниманія, сама я была всецѣло погружена въ разговоръ съ однимъ изъ слугъ, туркомъ по происхожденію, но обращеннымъ въ православіе. Онъ только что пріѣхалъ съ войны и привезъ намъ извѣстіе о братѣ, а также большой ящикъ великолѣпныхъ гвоздикъ, свѣжаго масла и другихъ очень вкусныхъ лакомствъ. Кизильбаша сообщилъ мнѣ между прочимъ, что милое наше помѣстье Ракишки, находившееся на границѣ Курляндіи и извѣстное своими льняными издѣліями, нисколько не пострадало отъ прохода войскъ: маршалъ Макдональдъ умѣлъ образцово поддерживать повиновеніе въ своемъ отрядѣ. Счастливая отъ всѣхъ этихъ извѣстій, я въ радости вскричала:

— Ah! M-me Таффенъ, какъ тамошніе жители счастливы, они не видѣли у себя французовъ.

Г. д'Идвилль прервалъ чтеніе и сказалъ:

— О, какъ насъ здѣсь любятъ!

Смутившись немного, я ему отвѣчала:—Я никакъ не разумѣю всѣхъ французовъ, я говорю только объ ихъ арміи.

— Да, да, я понимаю, что вы хотѣли сказать; вы разумѣете подъ этимъ именемъ грабителей. Но не одни французы и другія націи отличались таковымъ же хищничествомъ.

Окончивъ свое чтеніе, г. д'Идвилль сталъ настоятельно просить у меня позволенія унести съ собою книжечку.

— Но я назначаю ее моей матушкѣ, при томъ же никто еще и не читалъ ея,—замѣтила я ему.

— Будьте увѣрены, что я возвращу вамъ ее.

Тогда г-жа Таффенъ спросила его:—Да зачѣмъ она вамъ нужна, если вы уже ее прочли?

—Это ужь мое дѣло, отвѣчалъ онъ.

Я согласилась для того только, чтобы не подать повода думать, что я придаю своей книгѣ большую важность, чѣмъ она того стоила.

Моимъ любимымъ отдыхомъ отъ шума всѣхъ событій были уединенныя прогулки вмѣстѣ съ г-жею Таффенъ. Я уходила сидѣть на берегъ рѣки и глядѣла какъ зеркальныя волны стремились исчезнуть во всеобщемъ потокѣ. Тамъ я на мгновеніе отдыхала отъ той суетливой жизни, которую съ нѣкотораго времени принуждена была вести и которая такъ не соотвѣтствовала моей мечтательной натурѣ. Тамъ я забывала о политическихъ событіяхъ, которыя съ быстротою волнъ, бѣжавшихъ у моихъ ногъ, слѣдовали одни за другими. Всѣ эти мысли навѣвали на меня непреодолимую скуку (то было предчувствіе), и вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ-то чувствовала себя спокойнѣе, чѣмъ въ постоянномъ вихрѣ свѣта, возбуждаемомъ суетностью, праздностью, тщетою. Я была счастлива возможностью сосредоточиться въ самой себѣ, а вѣдь какъ многіе боятся предаваться размышленію! О, какъ мнѣ жаль ихъ. Для меня пріятнѣе всего было меланхолическое состояніе духа, я предпочитала его всякому веселью, но боялась обнаружить

какъ нибудь свое мнѣніе, такъ какъ меня сочли бы романическою натурой, а это всего болѣе огорчало бы меня.

Такъ, однажды вечеромъ я возвращалась домой послѣ обычной нашей уединенной прогулки, и, погруженная въ задумчивость, вдругъ слышу, какъ одинъ солдатъ говоритъ своему товарищу:—«Погляди-ка, эта барышня не выживетъ долго». Эти слова очень разсмѣшили г-жу Таффенъ.

XIII.

Отъѣздъ Наполеона въ армію.—Герцогъ Бассано.—Портретъ Римскаго короля.—Впечатлѣнія вынесенныя авторомъ.—Битва при Можайскѣ или Бородинское сраженіе.—Взятіе Москвы.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Вильнѣ, Наполеонъ оставилъ ее, преслѣдуя призрачную русскую армію, которая постоянно ускользала изъ его рукъ, избѣгая сраженія. Русскіе поступали по плану Бернадота, который сказалъ:—«Отступайте передъ великимъ одерживателемъ побѣдъ, и вы доведете его до западни».—Соотвѣтственно этой системѣ, оборона Смоленска, да и самое Бородинское сраженіе, было ничто иное, какъ простое кровопролитіе, безполезная стычка. Можно было ожидать, что боевой успѣхъ будетъ на сторонѣ французовъ и ихъ великаго полководца, который самъ предводительствовалъ ими.

Когда въ Вильнѣ стало извѣстнымъ, что генералъ Кутузовъ принялъ начальство надъ русскими войсками, герцогъ Бассано сказалъ:

—Нужно надѣяться, что миръ скоро будетъ заключенъ, потому что Кутузовъ имѣетъ даръ уступать побѣду дорогою цѣной.

Добрѣйшій герцогъ Бассано, оказывавшій большое дружеское расположеніе ко мнѣ и къ моему отцу, извѣщалъ насъ обо всѣхъ новостяхъ. Онъ объявилъ намъ о взятіи Смоленска, читалъ намъ письма принца Невшательскаго и г-на д'Идвилля, который, между прочимъ, увѣдомилъ герцога, что императоръ убѣдился, что графъ Тизенгаузъ— истый полякъ. Полагаю, что моя маленькая книжечка сдѣлала свое дѣло.

Разъ утромъ я отправилась къ герцогу взглянуть на портретъ римскаго короля, присланный Наполеону императрицей, черезъ гофмаршала (maire de palais) г. Боссе. Какъ меня удивилъ этотъ титулъ maire de palais, но герцогъ, улыбаясь сказалъ мнѣ:

— Да, мы нынче живемъ не при лѣнивыхъ королях *).

Я не думала застать герцога дома, но онъ вышелъ встрѣтить меня въ прихожую и провелъ въ комнату, гдѣ находился портретъ, писанный Жераромъ, а Жераръ былъ мастеръ писать портреты. Я нашла большое сходство между королемъ и его отцемъ. Я вспомнила, что когда я сказала о томъ императору Александру, онъ замѣтилъ:

— Было бы истиннымъ счастіемъ для него, еслибы онъ походилъ на отца, ибо, судя по распространившимся слухамъ, можно опасаться и противнаго.

Разпускались разные вздорные разсказы о подмѣнѣ ребенка, въ родѣ сказки о герцогѣ Бордосскомъ. Римскій король изображенъ былъ на портретѣ въ полулежачей

*) Лѣнивыми королями, rois fainéants, называютъ королей Меровингской династіи, при которыхъ возникла и получила важное значеніе должность палатныхъ меровъ—maire de palais; названіе этой должности Наполеонъ возобновилъ для гофмаршала императрицына двора.

позѣ, на зеленой бархатной подушкѣ, въ одной прозрачной рубашечкѣ, спущенной съ прелестныхъ плечъ; онъ забавлялся, держа въ одной ручкѣ гремушку, сдѣланную въ видѣ скипетра изъслоновой кости, а другою облокотился на земной шаръ, возлѣ котораго виднѣлся орденъ Почетнаго Легіона первой степени, которымъ дѣйствительно суждено было остаться лишь пустыми игрушками для августѣйшаго ребенка. Во всей этой дѣтской фигуркѣ выражалась рѣшительность и замѣчательное достоинство.

Герцогъ засталъ меня стоящею въ глубокомъ созерцаніи передъ портретомъ и замѣтилъ мнѣ это, улыбаясь. Но я забыла, гдѣ я нахожусь, и думала про себя лишь о томъ, какова можетъ быть со временемъ судьба ребенка столь знаменитаго отца? У меня странное было предвидѣніе будущности, въ которомъ я даже не могла дать себѣ хорошенько отчета, и которое объясняется тѣмъ, что въ дѣтствѣ я была лунатикъ, и съ тѣхъ поръ страдала предчувствіями, которыя рѣдко меня обманывали.

Я испросила позволеніе моему учителю рисованія Рустему снять копію съ этого портрета. Герцогъ съ обычною своею вѣжливостью согласился, но съ условіемъ, что онъ какъ будто не будетъ и знать о томъ.

Герцогъ Бассано разсказалъ мнѣ объ одной необыкновенной прогулкѣ Наполеона, совершенной имъ въ обществѣ г. д'Идвилля и одного казака, котораго онъ оставилъ въ невѣдѣніи на счетъ своей личности; казакъ шелъ посрединѣ гуляющихъ, и императоръ забавлялся, дѣлая ему черезъ своего переводчика разные вопросы о Франціи, о настоящей войнѣ, на что казакъ давалъ отвѣты очень умные и разсудительные; наконецъ, импе-

раторъ приказалъ спросить, не слыхалъ ли онъ что нибудь о самомъ Наполеонѣ? Тотъ отвѣчалъ утвердительно, говоря, что ему извѣстенъ его походъ въ Египетъ, а также и то, что противъ Наполеона ни одинъ непріятель не можетъ устоять.

— Желалъ бы ты его видѣть?

— Разумѣется.

— Ну такъ смотри, вотъ онъ!

При этихъ словахъ несчастный казакъ до такой степени уничтожился отъ удивленія, что невозможно было вытянуть изъ него ни единаго слова, ни отвести его взора отъ человѣка, столь поразившаго его.

По приказанію временнаго правительства составлено было нѣсколько литовскихъ полковъ. Братъ мой былъ произведенъ въ полковники; впрочемъ это обстоятельство нисколько не озабочивало его. Онъ не имѣлъ никакого понятія о службѣ, и потому къ нему отрядили въ помощники подполковника Л***.

Другой мой братъ сформировалъ на свои средства цѣлую роту изъ конныхъ артиллеристовъ; ему дали только пушки. Но всѣ эти приготовленія, самое обученіе и вооруженіе происходили весьма медленно; да иначе и быть не могло; не было недостатка въ людяхъ, но только прежде чѣмъ давать имъ оружіе въ руки, слѣдовало ихъ обучить съ нимъ обращаться. Наполеонъ писалъ герцогу Бассано:

— Я получилъ сильное подкрѣпленіе изъ Литвы: Огинскій пришелъ съ тремя человѣками гвардіи.

Однажды герцогъ Бассано прибѣжалъ ко мнѣ, весь запыхавшись, съ извѣстіемъ о громадной побѣдѣ, одержанной французами подъ Можайскомъ; разумѣется, я не буду вда-

ваться въ подробности этого дѣла: описаніе его есть достояніе исторіи, а не удѣлъ женскаго пера, но слова, сказанныя Наполеономъ по поводу сраженія подъ Можайскомъ, или какъ русскіе говорятъ, Бородинскаго сраженія, произвели на меня тягостное впечатлѣніе:

—То было великолѣпнѣйшее поле сраженія, какое только можно было видѣть!

Великолѣпнѣйшее поле, когда оно усѣяно было убитыми, умирающими, ранеными!

Герцогъ надѣялся на скорое взятіе Москвы и на имѣющіе послѣдовать тамъ переговоры о мирѣ. Но вскорѣ время доказало, что и погибель столицы не рѣшаетъ судьбу войны.

Однажды поутру я пошла къ моей двоюродной бабкѣ, бывшей игуменьей въ прекрасномъ Бенедиктинскомъ монастырѣ (основанномъ графомъ Пацомъ); французы заняли этотъ монастырь подъ госпиталь, а бѣдныхъ святыхъ овечекъ всѣхъ перегнали въ другой женскій монастырь, Бернардинскій. На всѣ наши мольбы не тревожить почтенную игуменью (которая съ 4-хлѣтняго возраста находилась въ монастырѣ) французы только хохотали, приговаривая, что отъ соединенія двухъ общинъ монахинямъ же будетъ веселѣе; и только по возвращеніи русскихъ мнѣ удалось выхлопотать, чтобы бабушка моя вступила опять въ управленіе своимъ монастыремъ. Я и теперь еще вижу эту милую старушку, бѣленькую, какъ самый прозрачный воскъ, съ чернымъ газовымъ вуалемъ на клобукѣ, отороченномъ горностаемъ, и осыпающую меня пряниками и восхитительными маленькими хлѣбцами, которые пеклись на молокѣ изъ самой лучшей пшеницы. Монастырь этотъ, также какъ и другіе учрежденія, основанныя графами Пацами въ

Литвѣ, былъ очень богатъ; тамъ, близъ Вильны, была выстроена прекрасная церковь во имя святыхъ Петра и Павла, обогащенная разными цѣнными пріобрѣтеніями, сдѣланными въ Турціи гетманомъ Пацомъ; близъ Ковно находился монастырь Камальдуловъ съ превосходною церковью, украшенною мраморомъ и картинами италіанскихъ художниковъ, даръ флорентинскихъ Пацци. Въ 1835 г. этотъ монастырь вмѣстѣ съ церковью былъ предоставленъ православнымъ монахамъ, и всѣ остальныя религіозныя учрежденія были конфискованы въ пользу правительства. Бабушкѣ пришлось въ первый разъ въ жизни проѣхать весь городъ; но она все таки не видала его, ибо ѣхала въ каретѣ, данной ей ея братомъ графомъ Зибергомъ, съ опущенными сторами. Ее сопровождала любимица ея, никогда съ нею не разстававшаяся, молоденькая и хорошенькая монашенка, которая очень любила разспрашивать меня о моихъ бальныхъ нарядахъ и простодушно прибавляла: — «какъ должно все это вамъ идти». Я же, глядя на нее, думала, «Милая моя, какъ бы къ тебѣ все это пошло»! Въ монастырѣ мнѣ пришлось услышать первое извѣстіе о взятіи Москвы и объ очищеніи ея русскими, которые оставили городъ безъ сраженія. Затѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ герцогъ Бассано съ подтвержденіемъ этого извѣстія, но онъ не имѣлъ вполнѣ довольнаго вида, и я замѣтила облачко на челѣ дипломата. Онъ сожалѣлъ объ отсутствіи моего отца, уѣхавшаго на нѣсколько дней въ деревню, у котораго хотѣлъ узнать подробности расположенія Москвы. Герцогъ ужь ничего не говорилъ о предстоящемъ своемъ отъѣздѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ опять пріѣхалъ прочесть мнѣ вновь полученныя имъ письма изъ Москвы объ ужасномъ пожарѣ,

который уничтожилъ этотъ городъ Подробности: объ всемъ этомъ слишкомъ всѣмъ извѣстны; о нихъ говорили очевидцы, слѣдовательно мнѣ не приходится повторять ихъ въ своихъ запискахъ.

XIV.

Театръ любителей въ Вильнѣ. — Тревожныя извѣстія объ арміи.—Появленіе казаковъ.—Князь Іосифъ Понятовскій.—Прощальный обѣдъ у герцога Бассано.—Наполеонъ подъ Вильной.—Отступленіе французовъ.—Отъѣздъ графа Тизенгауза вмѣстѣ съ временнымъ Литовскимъ правительствомъ.—Авторъ остается въ Вильнѣ.

Въ то самое время какъ совершались событія величайшей важности, у насъ въ Вильнѣ занимались домашнимъ театромъ и ставили комедіи: Les femmes des Desmoustiers, la Beranche, les Ricochets, такъ какъ нужно было заставить общество разсѣяться, забыться; съ каждымъ днемъ горизонтъ заволакивался все болѣе и болѣе.

Зачѣмъ Наполеонъ такъ слѣпо ввѣрился счастію своей звѣзды, зачѣмъ онъ нехотѣлъ остановиться у Смоленска и послѣдовать совѣтамъ всѣхъ своихъ генераловъ? И онъ сознавалъ всю основательность этихъ совѣтовъ, говоря впослѣдствіи: «кажется, мой царственный братъ имѣетъ желаніе поставить меня въ положеніе Карла XII». Наполеонъ разсчитывалъ на миръ, и эта надежда заставила его только терять значительную часть времени въ Москвѣ... а затѣмъ заставила предпринять, уже въ позднее время года, тотъ же самый обратный путь, который теперь предстоялъ ему по странѣ разграбленной и опустошенной. Въ этотъ годъ осень стояла прекраснѣе обыкновеннаго, и Наполеонъ, съ

недовѣрчивымъ видомъ, замѣчалъ своему секретарю-переводчику:

— Да гдѣ же ваши холода, ваши морозы?

Но зима не замедлила опровергнуть его сомнѣнія самымъ жестокимъ образомъ, ибо съ первыхъ чиселъ декабря она стала проявлять всю свою суровость—сильнѣе чѣмъ когда-либо. И если бы Наполеонъ обладалъ малѣйшимъ предвидѣніемъ будущаго, то узрѣлъ бы какъ отъ снѣжныхъ ледяныхъ степей Россіи воздвигается гробница на островѣ св. Елены.

Наконецъ, всякое сообщеніе съ главной арміей было прервано; во многихъ мѣстахъ стали появляться казачьи отряды. Супруга маршала Удино, герцогиня де-Реджіо, немедленно прибыла въ Вильну, чтобы ухаживать за привезеннымъ туда своимъ мужемъ, который былъ раненъ въ какомъ-то сраженіи. Никогда мнѣ не забыть того выраженія, съ которымъ герцогиня обратилась ко мнѣ послѣ своего вопроса, имѣю ли я служащихъ братьевъ:—«Ваше горе еще впереди»! Эти слова были сущимъ предзнаменованіемъ. Въ разговорѣ со мною императоръ Александръ съ большимъ уваженіемъ отзывался о маршалѣ Удино.

Герцогъ Бассано, стараясь показать присутствіе духа, котораго въ сущности онъ далеко не имѣлъ, — говорилъ, что императоръ не замедлитъ стать на зимнія квартиры, и что у насъ устроятся забавы въ родѣ любительскихъ спектаклей и т. п. Отецъ мой, съ своей стороны, расчитывалъ отправить меня на зимнія квартиры въ деревню, что мнѣ вовсе не улыбалось. Еще куда ни шло — провести въ уединеніи лѣто, но схоронить себя среди снѣговъ—покорно благодарю! Общая тревога сообщилась и Вильнѣ; тамъ

всѣ разсказывали, что казаки уже появились въ 12 верстахъ отъ города. Я храбро отправилась верхомъ на лошади вмѣстѣ съ отцомъ взглянуть на полкъ брата. Отецъ предложилъ мнѣ вопросъ, что я буду дѣлать въ случаѣ если наткнемся на казаковъ; я отвѣчала, что нисколько не прочь побывать въ схваткѣ. Насъ сопровождало множество молодыхъ французскихъ офицеровъ, между которыми находился адъютантъ маршала Удино, всѣ они были нашими актерами; ихъ отправили на развѣдки съ большими отрядами; они проводили насъ назадъ до города, всѣ попросили у меня благословенія и позволенія поцѣловать на счастіе мою руку, оплакивая невозможность попасть вечеромъ на балъ къ графу Гогендорну; между ними былъ маленькій графъ де-Тернъ, у котораго въ карманѣ лежали двѣ или три роли. Вольтеръ прекрасно опредѣлилъ французовъ: «Щеголи при дворѣ, и герои на полѣ битвы».

Обыкновенно вечера мы проводили за щипаніемъ корпіи. Герцогъ Бассано принималъ также участіе въ работѣ и бывалъ тѣмъ въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ дѣла шли хуже. Г. Леша, секретарь Неаполитанскаго короля, подарилъ меня прелестными стихами, сочиненными имъ на корпію, вотъ нѣсколько строкъ, которыя удержались у меня въ памяти:

«Partout chez Chloris, chez Sophie,
Comme la neige en ces climats,
On voit tomber blanche et douce charpie.
. . . . . .
Guerrier blessé mais non vaincu
Ton sort est digne d'envie.
Puisque la beauté, la vertu
Te prêparent de la charpie *).

*) Повсюду вкругъ Хлорисы, Софьи, подобно снѣгу этихъ странъ, ви-

Стихи не отличались богатствомъ риѳмъ.

Одно изъ лицъ, начальствовавшихъ въ томъ госпиталѣ, на который я поставляла всю заготовлявшуюся у насъ въ домѣ корпію, сообщилъ мнѣ ужасныя подробности о тѣхъ лишеніяхъ, которыя терпѣли госпитали вслѣдствіе алчности и небрежности французскихъ распорядителей. Всю присылавшуюся изъ Франціи корпію они продавали на бумажныя фабрики, и раненыхъ перевязывали сѣномъ и шерстью. Этотъ честный человѣкъ прямо говорилъ мнѣ:

— Все пошло бы иначе, если бы герцогъ вмѣсто того чтобъ ухаживать за дамами, заглянулъ къ больнымъ. О, еслибъ императоръ былъ здѣсь!

Первый прибывшій изъ дѣйствующей арміи былъ мой двоюродный братъ графъ Михайло Бржостовскій. Онъ оставилъ Наполеона и главную квартиру въ Смоленскѣ, а самъ не могъ проѣхать черезъ Минскъ, который уже былъ занятъ русскими. Онъ разсказывалъ намъ неслыханныя вещи о великой арміи, которая обратилась уже въ миѳъ.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, нѣчто въ родѣ Венеціанскаго карнавала, или любую улицу въ Толедо или Неаполѣ; отъ арміи не осталось и тѣни. Я думаю, что ее и не покажутъ въ Вильнѣ.

Кажется, графъ Бассано просилъ брата посократить его разсказы; они слишкомъ были правдивы, и намъ предстояло собственными глазами убѣдиться въ печальной ихъ истинѣ. Всѣ, кто возвращался изъ арміи, достойны были сожалѣнія; они были измучены усталостью, холодомъ, голо-

---

дишь падающую бѣлую, мягкую корпію... О ратникъ раненый, но не побѣжденный, удѣлъ твой достоинъ зависти, ибо сама красота, сама добродѣтель, готовятъ тебѣ корпію!

домъ! Видъ ихъ заставлялъ содрогаться! О, что за бичъ война! Какъ англичане должны радоваться, потирать себѣ руки и торжествовать. Наполеона ожидали немедленно. Удивительная доблесть храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, маршала Нея и ошибки адмирала Чичагова спасли императора отъ готовившейся ему гибели при Березинѣ, послѣ чего онъ воскликнулъ:—«Теперь я надѣюсь увидѣть Францію»!—Но послужилъ ли этотъ оборотъ дѣла ему въ пользу? Развѣ не лучше было бы для Наполеона сдѣлаться плѣнникомъ великодушнаго императора Александра, который предписалъ бы ему миръ на самыхъ почетныхъ для Франціи условіяхъ, чѣмъ съ новыми тратами пытать счастье въ борьбѣ со всею соединявшеюся противъ него Европой.

Но едва успѣвъ спастись изъ Березинскихъ болотъ, Наполеонъ уже писалъ герцогу Бассано, что все идетъ отлично, что кампанія ни чуть не проиграна и можетъ еще разыграться блестящимъ образомъ.

Наполеонъ жаловался на австрійцевъ. И было за что! Онъ говорилъ о новыхъ наборахъ, о испрошеніи у сената новыхъ суммъ, о новыхъ побѣдахъ, которыми можно было бы заставить забыть бѣдствія, понесенныя во время русской кампаніи. Наконецъ онъ уже соглашался совсѣмъ покинуть остатки своей великой арміи, доведенной почти до ничтожества, и какъ онъ выражался, возвратиться во Францію, чтобъ засѣсть на своемъ престолѣ. Но его звѣзда померкла подъ суровыми небесами Россіи, и ей суждено было лишь изрѣдка, и то не полнымъ какъ прежде блескомъ загораться и освѣщать послѣднія усилія генія и героизма, боровшихся противъ судьбы, или лучше сказать, противъ самого Провидѣнія, которому угодно было и возве-

личить этого человѣка превыше всей вселенной, и ниспровергнуть его въ бездну, бросить на скалу, на островъ среди океана, человѣка, который сознавался, что задыхается среди побѣдъ надъ старой Европой! А между тѣмъ Наполеонъ никогда не проявлялъ себя столь величаво, какъ на островѣ св. Елены.

5-го декабря всѣ знали и потихоньку передавали другъ другу, такъ какъ громко говорить было запрещено, что Наполеонъ прибылъ по морозу въ 20 слишкомъ градусовъ, остановился въ предмѣстьяхъ Вильны и находится у воротъ города, что онъ завтракалъ въ своей каретѣ, разговаривалъ съ герцогомъ Бассано, между тѣмъ какъ кучеръ его замерзъ до смерти; что герцогъ де-ла-Рокка-Романа, прозванный Аполлономъ Бельведерскимъ, (полковникъ красивой неаполитанской гвардіи, которую Мюратъ имѣлъ нелѣпость вызвать, чтобы совершенно заморозить ее въ концѣ кампаніи, такъ какъ она прибыла въ Россію въ экипировкѣ годной для Неаполя, именно, въ однихъ малиновыхъ гусарскихъ мундирахъ при небольшихъ изъ бѣлаго сукна плащахъ, и верхомъ на нѣжныхъ и прелестныхъ лошадяхъ) присутствовавшій при этомъ завтракѣ, отморозилъ себѣ руки и ноги, то-есть лишился на всегда и тѣхъ и другихъ, ибо вмѣсто того чтобы оттереть отмороженные члены снѣгомъ, погрузилъ ихъ въ горячую воду; герцогъ утверждалъ, что тѣ, кто научили его прибѣгнуть къ этому средству, имѣли злой умыселъ повредить ему.

Въ этотъ же день, къ нашему великому удивленію, отецъ и я получили приглашеніе на обѣдъ къ герцогу Бассано, у котораго познакомились съ княземъ Іосифомъ Понятов-

скимъ, Баярдомъ польской арміи. Онъ уже не былъ прежнимъ красавцемъ, но имѣлъ воинственный и изящный видъ и объяснялся на утонченномъ французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ какъ своимъ роднымъ. Я стояла у камина, а князь сидѣлъ сбоку; вдругъ, я чувствую, что кто-то хватаетъ меня за платье: оказалось, что князь Понятовскій тушитъ загорѣвшуюся на мнѣ бахрому на юбкѣ. Одно только удивило меня въ князѣ Понятовскомъ: онъ слишкомъ былъ веселъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ, хотя, правда, по временамъ впадалъ въ задумчивость. Герцогъ Бассано прикидывался также веселымъ и беззаботнымъ; онъ просилъ меня отгадать, кто освѣдомился обо мнѣ въ продолженіе того дня. Я ни какъ не могла догадаться; тогда онъ сказалъ:—О, вы конечно о томъ узнаете!

Затѣмъ онъ удалился, чтобы переговорить съ однимъ господиномъ, имѣвшимъ до него дѣло; я перестала и думать о словахъ герцога, полагая, что онъ намекалъ на кого нибудь изъ молодыхъ французовъ, но герцогъ возобновилъ разговоръ и спросилъ меня, неужели я нисколько не любопытна. Я отвѣчала, что никогда не отличалась этимъ недостаткомъ. Тогда онъ, подъ секретомъ, сказалъ мнѣ:—«Такъ знайте же, о васъ спрашивалъ императоръ! Сегодня утромъ я видѣлъ его, и мы съ нимъ въ продолженіе двухъ часовъ говорили о довольно важныхъ дѣлахъ». Императоръ подсмѣивался надъ герцогомъ, что тотъ, не смотря на страшную стужу, былъ легко одѣтъ.—«А между тѣмъ, говорилъ Бассано,—я еще позволилъ себѣ быть въ мѣховомъ сюртукѣ». Императоръ замѣтилъ также герцогу, что вмѣсто всѣхъ его ухаживаній за виленскими дамами, ему слѣдовало находиться на бивакахъ. «Однимъ словомъ,

воскликнулъ Бассано,—я нашелъ императора очень милостивымъ и очень веселымъ. Но онъ только казался такимъ»! Затѣмъ герцогъ добавилъ:— «Онъ разспрашивалъ меня о васъ, и сказалъ, что вы были единственнымъ его воспоминаніемъ, которое онъ вынесъ изъ Вильны».

— Конечно, герцогъ, еслибъ не вы, мнѣ никогда не догадаться бы объ этомъ, отвѣчала я.

Когда, по возвращеніи домой, я разсказала обо всемъ отцу, онъ мнѣ замѣтилъ:

— Пожалуйста, не вѣрь ничему, герцогъ нарочно говорилъ такъ, чтобы заставить тебя уѣхать отсюда.

Сама по себѣ, я нисколько не была ни тронута, ни польщена оказаннымъ мнѣ вниманіемъ, потому что была погружена въ тогдашнія горестныя обстоятельства. Впослѣдствіи я разсудила, что, г. д'Идвилль, быть можетъ, показалъ императору, что я о немъ написала въ моей маленькой повѣсти. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ Наполеонъ любилъ лесть, а такъ какъ все лестное, высказанное о немъ у меня, было выраженно совершенно искренно и безпристрастно, то онъ и могъ быть вполнѣ удовлетворенъ. Сожалѣю, что я не вздумала тогда же разспросить д'Идвилля о своей догадкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ сообщилъ мнѣ, что книжечка моя сгорѣла вмѣстѣ съ императорскимъ обозомъ во время отступленія. Но могла ли въ самомъ дѣлѣ я думать о томъ въ минуты тревогъ, безпокойствъ, грусти? На улицахъ ничего другаго не было видно, кромѣ печальнаго шествія солдатъ, офицеровъ, въ такомъ видѣ, что не было возможности узнать, къ какому они полку или чину принадлежатъ, до того ихъ одѣяніе было странно: всѣ они закутаны были въ бархатныя шляпы вмѣсто кирасирскихъ ка-

сокъ, въ черные атласные плащи, изъ-подъ которыхъ виднѣлись кавалерійскія шпоры, а сухопарыхъ лошадей своихъ которыя на каждомъ шагу скользили по оледѣнелой почвѣ, вели они на поводьяхъ. Другіе были завернуты въ церковныя одѣянія, въ мантіи, священническія ризы, напрестольныя пелены, и все это было надѣто одно на другое, для того, чтобы спасти себя отъ стужи, которую ничѣмъ нельзя было предотвратить. Наконецъ, на нѣкоторыхъ надѣты были женскія мѣховыя одежды, рукавами которыхъ они обматывали себѣ шеи, а другіе тащили шерстяныя одѣяла, даже саваны и покровы—мрачные наряды, зловѣщіе вѣстники смерти; они подвигались, изображая этимъ историческимъ маскарадомъ угасавшую славу великаго побѣдителя. Ни пѣхота, ни кавалерія, ни артиллерія не признавали болѣе власти. Въ безпорядкѣ, безъ дисциплины, почти безъ оружія, съ лицами и руками, почернѣвшими отъ бивуачныхъ огней, лишенные вслѣдствіе чрезмѣрной нужды и физическихъ страданій всякаго чувства, за исключеніемъ храбрости, которая никогда не покидаетъ француза,—они шли толпами, устилая всѣ дороги трупами и взывая о помощи къ отечеству.

Зрилище это было и ужасное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшное. Вотъ въ какомъ состояніи пришлось мнѣ увидѣть ту армію, что проходила въ іюнѣ мѣсяцѣ черезъ Вильну блестящею и стремительною какъ молнія. И все-таки это была армія не побѣжденная, а уничтоженная условіями климата и полнѣйшимъ отсутствіемъ продовольствія. Наполеонъ только самъ себя могъ побѣдить.

Отецъ пріютилъ у себя нѣсколькихъ французовъ, умиравшихъ съ голоду и холоду; между ними находился генералъ

Жюмильякъ, зять герцога Ришелье, представившійся моему отцу какъ знакомый моей тетки, княгини Радзивиллъ, которую онъ зналъ въ Варшавѣ и бывалъ въ ея прелестныхъ аркадскихъ садахъ. Несчастный генералъ очень часто вспоминалъ свою милую княгиню, а, обѣдая съ нами, постоянно спрашивалъ: «Вы не ощущаете счастія сидѣть и ѣсть за столомъ»? Потомъ, показывая свои руки, говорилъ: — «Онѣ у меня чистыя, но только почернѣли отъ бивуачнаго огня». И въ самомъ дѣлѣ, онѣ были черны, какъ у трубочиста. Императоръ Александръ утверждалъ, что это происходило отъ неумѣнья французовъ грѣться у огня: — «Мои солдаты, говорилъ государь, также были въ дыму, однако не зачернили себѣ рукъ, какъ французы».

Друзья, родные, знакомые, всѣ бѣжали изъ Вильны; прощаясь другъ съ другомъ, только спрашивали: «Гдѣ мы увидимся, когда и какъ»? Говорили, что участь несчастной Польши стала сомнительна. Сколько крови она ей стоила, и сколько ей еще предстояло ее пролить! Я ни минуты не ощущала чувства страха, и вовсе не помышляла о той опасности, отъ которой всѣ бѣжали, но за то какъ я волновалась, какъ разрывалось у меня сердце отъ столькихъ горестныхъ разлукъ!

Мои братья уѣхали, а отецъ былъ на-готовѣ ѣхать, но находился въ сильной тревогѣ, какъ ему поступить: если рѣшиться ѣхать, то значитъ потерять всѣ свои имѣнья; если оставаться, значитъ — подвергать себя, быть можетъ, ссылкѣ въ Сибирь, куда онъ былъ уже ссылаемъ въ царствованіе Павла I, а въ царствованіе Екатерины II онъ, какъ военно-плѣнный, онъ со всѣми офицерами своего польскаго гвардейскаго полка сидѣлъ въ казематахъ. Гер-

цогъ Бассано предложилъ отцу ѣхать и взять меня съ собою, но у отца были совершенно другія намѣренія. Онъ рѣшилъ оставить меня въ Вильнѣ, а самъ уѣхалъ съ членами временнаго правительства. Давая мнѣ различные совѣты относительно того, какъ себя держать, отецъ говорилъ, что во мнѣ онъ видитъ единственное спасеніе себя, братьевъ, всего своего состоянія, и что если обстоятельства того потребуютъ, мнѣ прійдется ѣхать въ Петербургъ испрашивать помилованія у государя. Затѣмъ онъ прибавилъ: «По крайней мѣрѣ постарайся спасти свое приданое, я и тому буду радъ».

Пока отецъ говорилъ мнѣ это, сидя въ дурно освѣщенной комнатѣ, я слушала его, ходя взадъ и впередъ и заливаясь слезами, что принесло мнѣ нѣкоторое облегченіе отъ стѣсненія, которое душило меня. Мысль, что вскорѣ я останусь одна, да еще въ такое время, когда никто не могъ знать, какова будетъ судьба самой Вильны, одна, безъ родителей, друзей, покровителей, мысль эта до того была тягостна, что внушала мнѣ самое сильное желаніе также удалиться изъ Вильны. Я и легла спать, и встала снѣдаемая грустью. О, какъ тяжело пробужденіе въ горѣ!

Въ этотъ моментъ, когда чувства борятся еще со сномъ, ощущаешь уже неопредѣленную тягость, и не можешь освободить голову отъ осаждающихъ ее мыслей.

Не знаешь, страдалъ ли, или будешь страдать; тягость эта ложится на сердце. Въ такомъ состояніи я встала. Утро прошло въ приготовленіяхъ къ отъѣзду моего отца. Онъ убѣждалъ меня быть храброю и уѣхалъ нѣсколько взволнованный.

Въ городѣ въ этотъ день суматоха была страшная, такъ

какъ французы предполагали оставить его. Король Неаполитанскій былъ на столько добръ, что увѣдомилъ меня чрезъ своего секретаря, что городъ защищать не будутъ, и мнѣ нечего бояться. Король уѣхалъ вечеромъ. Солдаты развели огонь на улицахъ и грѣлись около него. Площадь городской ратуши казалась адомъ. Посреди пламени и искръ, отъ него летѣвшихъ, виднѣлись тысячи разсѣянныхъ людей и городская ратуша съ ея коллонадой еще въ праздничномъ убранствѣ; сквозь облака дыма, восходящаго къ небу, вензель Наполеона казался ловко задернутымъ флеромъ. Что-то Рембрантовское было въ столь эффектномъ ночномъ освѣщеніи.

Въ продолженіе всей ночи во дворѣ университета, противъ дворца, жгли императорскіе экипажи и массу разныхъ предметовъ: палатки, походныя кровати и пр., вмѣсто того чтобъ отдать ихъ жителямъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные городомъ. Одинъ юный студентъ хотѣлъ купить у часоваго превосходный ящикъ съ математическими инструментами изъ золота и съ императорскимъ гербомъ; солдатъ штыкомъ швырнулъ ящикъ въ огонь.

Люди изъ свиты короля Неаполитанскаго не знали что дѣлать съ королевскою желто-золотою коляскою, и, замѣтивъ въ окнѣ г-жу Таффенъ и меня, стали говорить:—«Предложимъ ее этимъ дамамъ».—Мы тотчасъ же убѣжали. Понятно, почему я поступила такимъ образомъ, но г-жа Таффенъ могла бы и не жеманиться. Коляска осталась въ гостинницѣ, и Богъ знаетъ, кто завладѣлъ ею. На другой день, при пробужденіи, мнѣ объявили, что казаки уже въ городѣ. Я встала и, подойдя къ окну, увидѣла послѣднихъ французовъ, стоявшихъ на площади.

Отрядъ стрѣлковъ остановился у гостинницы. Мы еще не знали, были ли то русскіе или французы, но затѣмъ мы увидѣли, какъ они задержали офицера и гренадера французской гвардіи, не дѣлая имъ впрочемъ никакого зла. Въ одиннадцать часовъ утра раздался крикъ «ура»! и по острымъ шапкамъ и длиннымъ пикамъ, я узнала старыхъ знакомыхъ—казаковъ, скакавшихъ по улицамъ и даже горамъ вблизи города, преслѣдуя несчастные остатки французской арміи.

XV.

Печальное положеніе французскихъ плѣнныхъ.—Жестокости жидовъ въ Вильнѣ.—Повальная горячка въ больницахъ.—Трупы французовъ, зарытые въ Закретскомъ лѣсу.

Много было взято плѣнныхъ и добычи. Жиды поступали безчеловѣчно. Они сами предавали русскимъ несчастныхъ французовъ—слабыхъ и незащищавшихся; женщины раздѣляли ихъ жестокость и добивали бѣдныхъ солдатъ своими каблуками. У воротъ многихъ домовъ виднѣлись потоки крови и воды.

Я попробовала пройдтись пѣшкомъ (отецъ мой взялъ съ собою всѣхъ лошадей), но прогулка эта только омрачила мое воображеніе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня валялся ограбленный французъ. Напрасно посылала я моего человѣка на помощь къ нему. На улицѣ я видѣла ужасные трупы, сидящіе на землѣ, прислоненные къ стѣнамъ, сохранившіеся вслѣдствіе холода, со съежившимися членами и прямые—какъ застала ихъ смерть; эти люди умерли отъ нужды, страданій, безъ всякой помощи физической, или духовной. Я не смѣла взглянуть на этихъ несчастныхъ, а

если нечаянно попадались они на глаза, взоръ невольно отворачивался.

Моя ключница, очень набожная женщина, вздыхая, говорила мнѣ:

— О, сколько душъ въ эту войну насильно брошено къ подножью божьяго престола.

Отъ одной мысли объ этомъ содрогаешься; и какъ не проклинать этотъ нечестивый бичъ, называемый войною и славой,—бичъ, отвергнутый не только религіей, не называющей Бога мира—отца всѣхъ людей, — Богомъ войны; но и философами, какъ Руссо, сказавшимъ, что нравственный инстинктъ отталкиваетъ сердце отъ войны. Не знаю, кто изъ писателей сказалъ: время бѣжитъ, но иногда оно идетъ ужасно медленно. Это правда; всякій вечеръ, ложась спать, г-жа Таффенъ и я говорили другъ другу: вотъ прошелъ еще день! Но какъ онъ прошелъ? Въ слезахъ и стенаніяхъ о страданіяхъ, безпрестанно попадавшихся намъ на глаза, и мы считали себя счастливыми, когда могли облегчить ихъ!

Я пріютила одного бѣднаго француза, помѣшавшагося отъ отчаянія. Утѣшая его и глядя на его блуждающій взоръ и выраженіе странной улыбки, я совершенно разстроила себѣ нервы. Большая часть этихъ несчастныхъ впадала въ полный идіотизмъ; быть можетъ, это было еще счастьемъ въ ихъ ужасномъ положеніи. О, какъ воздержаться отъ ненависти къ виновнику всѣхъ этихъ бѣдствій! А что онъ дѣлалъ тогда? Грѣлся у камина въ Тюльери, приговаривая: здѣсь лучше чѣмъ на Березинѣ!

Помнится мнѣ, что какъ-то вечеромъ, въ очень небольшомъ обществѣ, мы придумавали разнаго рода казни для

Наполеона. Одинъ англичанинъ особенно усердствовалъ, соотвѣтственно мрачному воображенію своей націи. Я сказала, что потопила бы его въ слезахъ, изъ-за него пролитыхъ. Развѣ это было преувеличено? Стоитъ только сосчитать, въ продолженіе сколькихъ лѣтъ войны милліоны вдовъ, матерей, дѣтей, не только во Франціи, но и во всѣхъ воевавшихъ съ нею государствахъ проливали слезы! Это было менѣе ужасно, чѣмъ слѣдующее четверостишіе найденое на Вандомской коллонѣ:

Tyran, juché sur cette échasse,
Si le sang que tu fis verser
Pouvait tenir en cette place,
Tu le boirais sans te baissés *).

Какое ужасное представленіе! Фельдмаршалъ Кутузовъ, старый мой знакомый, посѣтилъ меня весь увѣшанный орденами, звѣздами, портретомъ императора, осыпаннымъ крупными брилліантами, возведенный въ достоинство князя Смоленскаго, не знаю только ради чего. Онъ показалъ мнѣ пожалованную ему Александромъ шпагу, съ брилліантовымъ эфесомъ и лаврами изъ изумрудовъ, казавшимися ему слишкомъ мелкими. «Я скажу императору, какая это дрянь», замѣтилъ онъ. Шпага эта стоила однако 60,000 фр. Онъ отнесся ко мнѣ съ большимъ участіемъ, предлагалъ передать письмо моему отцу и осуждалъ его за отъѣздъ. Кому-то, оплакивавшему передъ нимъ разрушеніе Москвы, онъ сказалъ:

— Это что! путь отъ Москвы до Вильны вдвое лучше.

Онъ хвастался тѣмъ, что въ одинъ годъ заставилъ двѣ арміи, турецкую и французскую, питаться кониной. Это

*) Тиранъ, поднятый на эту ходулю! Еслибы пролитая тобою кровь могла устоять здѣсь, ты могъ бы пить ее не наклоняясь.

не помѣшало императору Александру, осыпая его милостями знаками отличія и величіемъ, сказать:

— Старикъ можетъ быть доволенъ; холодъ сослужилъ ему славную службу.

Кутузовъ пригласилъ меня на вечеръ, на которомъ представилъ меня избраннымъ начальникамъ русской арміи, сказавъ имъ:

— Вотъ молодая графиня, не снявшая шифръ предъ Наполеономъ.

И вотъ я, сама того не подозрѣвая, попала въ героини. Увы, мнѣ не суждено было быть Іоанной д'Аркъ, о чемъ такъ мечтала я въ дѣтствѣ! Всѣ эти представленія, почести и любезности — крайне утомляли меня и производили впечатлѣнія на мою душу. Мысли мои были унылы отъ всего, что я видѣла прежде и теперь, отъ всего, что я ежедневно слышала.

Какъ ни очищали улицы, но не знали что дѣлать съ двадцатью тысячами труповъ въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ. По мѣрѣ возможности складывали ихъ въ телѣги, и затѣмъ сваливали въ могилы; падая туда, они издавали глухой звукъ, какъ полѣно. Поговаривали о намѣреніи сжигать ихъ на кострахъ, но и Закретскаго лѣса не хватило бы на это... Наконецъ, виленскій губернаторъ подрядилъ землекоповъ, для вырытія огромныхъ ямъ, что потребовало страшной работы, стоившей 40,000 фр., такъ какъ земля была глубоко промерзшая.

Вотъ что́ служило темой для нашихъ разговоровъ. О, какое время. Оно омрачало всю мою будущность. Ничто не занимало меня, ни музыка, ни рисованіе; я могла только записывать въ дневникъ эти печальные дни. Мнѣ казалось,

что больше ужъ не будетъ ни весны, ни цвѣтовъ, что небо само раздѣлитъ печаль земли; скорбь просачивалась въ мое сердце, какъ та сырость, которая точитъ стѣны. Я не смѣла смотрѣть на луну, боясь увидѣть въ ней знаменіе кончины свѣта. О, оставшись въ Вильнѣ, я принесла моему семейству страшную жертву.

Эпидемическая горячка, извѣстная подъ именемъ госпитальной, произвела неслыханное опустошеніе по пути великой арміи. Виленскіе госпитали были заражены ею, несчетное число частныхъ лицъ пало жертвой этого новаго бича.

Французскіе плѣнные свободно бродили по городу. Нѣтъ, ничто не изгладитъ изъ моей памяти воспоминанія объ этихъ странствующихъ привидѣніяхъ: какъ сейчасъ вижу тощія, безобразныя лица, глаза съ одними только бѣлками, этихъ людей, жалкихъ до глубины сердца, таскавшихся подъ лохмотьями нищеты, садившихся погрѣться къ навознымъ кучамъ, зажигамымъ передъ домами для очищенія воздуха; въ нихъ зачастую эти несчастные искали какихъ-нибудь отвратительныхъ остатковъ, чтобъ утолить раздирающій ихъ голодъ, одно изъ величайшихъ ихъ страданій. Къ нимъ можно примѣнить нижеслѣдующій стихъ Лафонтена: Il ne mouraient pas tous, mais tous étaient frappés*).

Однажды, когда я выходила изъ монастыря моей бабушки, гдѣ снабдили меня множествомъ пирожковъ и пряниковъ, у дверей стояло много плѣнныхъ, просившихъ милостыни. Я отдала имъ все; они набросились на лакомства съ жадностью, испугавшею меня. Моя подруга, не

*) Они не всѣ умерли, но всѣ были поражены.

такъ скоро освободившаяся какъ я отъ того, что несла въ своемъ мѣшкѣ, осталась посреди бѣдняковъ, тѣснившихся вокругъ нея. Я послала моего человѣка, и ему удалось освободить ее изъ ихъ рукъ, блѣдную и дрожавшую. Я взяла къ себѣ цѣлое семейство плѣнныхъ, мужа, жену и ребенка. Онъ былъ родомъ изъ Генуи и былъ полковымъ сапожникомъ. Жена, покрытая рубищемъ, очень красивая собою, была родомъ изъ Ниццы и своимъ мягкимъ и живымъ голосомъ говорила мнѣ объ ужасахъ больницъ: «О, сударыня, вамъ страшно было бы видѣть все это».—Ребенокъ съ своими золотистыми волосами, большими черными глазами, былъ также поразительно хорошъ; лицо было также выразительно, какъ у божественнаго младенца на картинахъ Рафаэля. Бѣдняжкѣ было два года; онъ не могъ вынести всѣхъ страданій и умеръ въ деревнѣ, куда я отправила его родителей, долго у меня остававшихся. Надо было слышать, какъ они бѣдные посреди снѣговъ, суроваго климата и жестокой зимы, говорили о цвѣтахъ и чудномъ воздухѣ ихъ страны, о красотѣ ночей и отраженіи золотыхъ звѣздъ бархатнаго темно-синяго неба въ тихихъ волнахъ Средиземнаго моря, близъ прелестной Генуи. Особенно хорошо было то, что отраженіе это они принимали за свѣтящіеся глаза морскихъ рыбъ. Несчастіе этихъ страдальцевъ подавило въ нихъ сознаніе самаго ихъ существованія; въ непреодолимой апатіи они развели огонь на полу комнаты, сѣли вокругъ него—и такъ сгорѣли. Такъ сгорѣлъ и госпиталь въ Закретѣ и много другихъ еще. Подлѣ этихъ ужасныхъ картинъ нищеты, казаки, обогащенные грабежами, продавали золотые и серебряные слитки, нитки жемчуга, часы—за ничтожныя бумажныя деньги. Мой лакей

едва не купилъ за безцѣнокъ превосходный жемчугъ, но при немъ не было денегъ; пока онъ бѣгалъ за ними, казакъ нашелъ другаго покупателя. Между тѣмъ они все еще грабили, даже въ Литвѣ, и на мои безпрестанныя просьбы объ охранѣ моихъ знакомыхъ, Кутузовъ сказалъ: «Вотъ мошенники, имъ все еще мало, но я отберу у нихъ».—Дѣйствительно, онъ принудилъ казаковъ пожертвовать серебряные слитки на статуи двѣнадцати апостоловъ, въ Казанскій соборъ, въ Петербургѣ *). Не разъ видѣли казаковъ, продававшихъ въ Вильнѣ дѣтей французовъ, бѣжавшихъ изъ Москвы за арміей. Эти маленькіе несчастные, попавшіе отъ материнской груди на руки своихъ странныхъ покровителей, могли только плакать, не умѣя назвать своихъ родителей, погибшихъ, вѣроятно при отступленіи.

XVI.

Пріѣздъ императора Александра.—Посѣщеніе графа Толстаго. — Александръ проводитъ вечеръ у автора. — Разговоры. — Анекдоты.—Балъ у князя Кутузова.—Великій Князь Константинъ танцуетъ съ авторомъ.

Наконецъ то утромъ, при вставаніи, привѣтствовали меня радостными словами: «императоръ пріѣхалъ нынѣче ночью»!

— А, вскричала я, заплакавъ, — ангелъ здѣсь, мы спасены!

Графъ Толстой присланъ былъ ко мнѣ утромъ поблагодарить отъ имени его величества и передать тысячу привѣтствій. Я просила его принести государю мою признательность за эту любезную снисходительность. Графъ

*) Авторъ разумѣетъ, конечно, иконостасъ и рѣшетку, украшающія Казанскій соборъ.

вспомнилъ только на лѣстницѣ о порученіи императора и быстро вернулся спросить меня,не обезпокоитъ ли меня его величество, пріѣхавъ провести вечеръ со мною.

Невозможно выразить всю доброту и любезность императора ко мнѣ въ прелестный вечеръ, проведенный съ нами.Г-жа Таафенъ изумлялась, какъ онъ мнѣ не вскружилъ голову, что случилось бы со всякою другою на моемъ мѣстѣ. Сказать правду, частный любезный человѣкъ, который пожелалъ бы понравиться мнѣ, менѣе ухаживалъ бы за мною. Но я все таки боялась увидѣть его величество вслѣдствіе поведенія моего отца и братьевъ....

Тотчасъ по пріѣздѣ, государь объяснилъ свое посѣщеніе желаніемъ выразить мнѣ свою благодарность; сказавъ, что онъ неизъяснимо тронутъ и повторивъ это нѣсколько разъ своимъ чуднымъ, мягкимъ голосомъ, онъ, прижалъ мою руку къ своему сердцу. Я отвѣчала, что сочту себя счастливою, если и это слабое доказательство моей преданности можетъ быть ея выраженіемъ, и что я не надѣялась и въ будущемъ быть такимъ образомъ вознаграждена.

— Какъ вы были храбры, не боясь того, передъ кѣмъ даже мужчины трепещутъ!...

Только что мы усѣлись, я разсказала все, что происходило во время представленій и пребыванія Наполеона. Это понравилось императору, заставившему меня два раза повторить то, что сказалъ о немъ Наполеонъ; его величество не могъ скрыть улыбки, когда я сказала слова Наполеона: «Императоръ Александръ весьма любезенъ, онъ всѣхъ заполонилъ собою; хорошія ли вы польки»?

Какъ извѣстно, Александръ не отличался тонкостью слуха,почему я должна была возвысить голосъ и считала это

немного смѣлымъ....Г-жа Таафенъ шепнула мнѣ: «Говорите громче, вы сказали ему много пріятнаго, чего онъ не разслышалъ».

Императоръ желалъ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Наполеонъ. Я сказала, что наружность его не отвѣчала тому, что я думала о его геніальности. Александръ вынесъ о немъ то же впечатлѣніе; я же прибавила, что присутствіе его величества внушаетъ мнѣ больше страха.

— О, сказалъ Александръ тономъ нѣжнаго упрека, неужели я внушаю вамъ это чувство?

— Да, государь, я боюсь не понравиться вамъ.

— А замѣтили вы, сказалъ потомъ Александръ, свѣтло-сѣрые глаза Наполеона? его проницательный взглядъ невозможно выдержать.

Императоръ говорилъ объ этой кампаніи весьма сдержанно и съ полнымъ безпристрастіемъ. Я хотѣла бы передать всякое его слово для поученія всѣхъ государей. Онъ говорилъ, «что, не бывъ на его мѣстѣ, невозможно представить себѣ всю отвѣтственность государя, который долженъ дать отчетъ Богу за жизнь каждаго солдата; что кампанія эта стоила ему десяти лѣтъ жизни, такъ какъ онъ не такой счастливый философъ, какъ Наполеонъ, и что онъ страдалъ въ эти шесть мѣсяцевъ, и долженъ былъ сдерживать съ большими усиліями политическое настроеніе въ Петербургѣ, гдѣ были недовольны первыми военными дѣйствіями.

— Во время Екатерины и императора Павла I, сказалъ онъ,—больше вмѣшивались въ придворныя интриги; но теперь всякій желаетъ быть посвященнымъ въ тайны пра-

вительства. А какъ удовлетворить всѣхъ; нѣтъ и двухъ одинаковыхъ мнѣній; была минута, что я встревожился.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что распространился слухъ о походѣ французовъ на Петербургъ, и что императрица-мать хотѣла уѣхать оттуда со всѣми своими учрежденіями.

— Государыня, сказалъ ей Александръ съ большой твердостью,—я прошу васъ какъ сынъ, а—какъ государь приказываю вамъ остаться.

И городъ успокоился.

— Я ничѣмъ не пренебрегалъ, продолжалъ его величество, чтобъ заключить миръ и не проливать крови моихъ подданныхъ. Я дѣлалъ страшныя жертвы, чтобъ сохранить торговлю, безъ которой владѣнія мои не могутъ существовать. Я отправилъ Балашова съ весьма выгодными предложеніями къ Наполеону, но тотъ и не думалъ о возстановленіи Польши и хотѣлъ войны во что бы то ни стало. Тогда избранъ былъ планъ, успѣхъ котораго зависѣлъ отъ настойчивости его исполненія. Я готовъ былъ лучше уѣхать въ глубину моихъ владѣній и пожертвовать даже Петербургомъ, еслибъ то нужно было,—отъ чего имперія моя ничего не теряла бы, такъ какъ онъ основанъ на шведскомъ рубежѣ, нежели отказаться отъ плана, сбившаго затѣмъ Наполеона съ толку. Мы не хотѣли рисковать сраженіями, имѣя дѣло съ сильною арміей, которая уже двадцать лѣтъ провела въ огнѣ и находилась подъ начальствомъ искуснѣйшихъ генераловъ и величайшаго полководца Европы, искусство и геніальность котораго не вѣдали еще тогда неудачи....

Императоръ объяснилъ мнѣ ошибки Наполеона, говорилъ о его гордости столь гибельной для Европы, какъ государь дѣйствительно просвѣщенный и человѣкъ прекрасной души.

— Какую потерялъ онъ будущность! сказалъ онъ; стяжавъ славу, онъ могъ даровать миръ Европѣ, но онъ не сдѣлалъ этого! Очарованіе исчезло!

Императоръ нѣсколько разъ повторялъ это слово впродолженіе вечера, что доказывало что и самъ онъ былъ очарованъ Наполеономъ.

Какъ страдало его чувствительное сердце при видѣ нищеты! Дорогой онъ подобралъ нѣсколько плѣнныхъ въ свои собственные сани и одного изъ нихъ привезъ съ собой въ замокъ моего отца, гдѣ ночевалъ, и далъ денегъ на содержаніе этого несчастнаго. Одинъ французъ разсказалъ мнѣ, что встрѣтилъ на улицѣ брата великаго князя, и тотъ приказалъ ему идти въ дворцовую кухню, гдѣ дадутъ ему «знатно поѣсть».

Разсказами о щедростяхъ императора можно наполнить цѣлые томы. Александръ выказывалъ состраданіе и къ солдатамъ Наполеоновскимъ; право, то былъ свѣтъ на выворотъ! Императоръ счелъ за лучшее ввѣрить госпитали французскимъ распорядителямъ, назначивъ значительную сумму на ихъ нужды.

Но эти презрѣнные, пренебрегая этимъ благороднымъ довѣріемъ и не заботясь о своихъ несчастныхъ соотечественникахъ, катались по улицамъ въ саняхъ, говоря кучерамъ, не понимавшихъ ихъ: «легче, любезный, не вывали меня; въ кафе Миланъ! или Венецію!» Здѣсь они угощались на счетъ его величества и въ ущербъ несчастныхъ больныхъ.

Когда подали чай, г-жа Таафенъ поднесла чашку его величеству, но онъ не хотѣлъ брать ее, пока не подадутъ мнѣ, сказавъ что хотя онъ и сѣверный варваръ, но знаетъ

какъ держать себя передъ дамами. Потомъ онъ заговорилъ со мною объ отцѣ, отъ чего у меня сердце забилось, и сказалъ, чтобъ я предложила отцу возвратиться, увѣряя при томъ, что прошлое забыто, что впрочемъ онъ, государь, и не имѣетъ ничего противъ литовцевъ, желавшихъ сохранить свою національность и оставленныхъ безъ инструкцій чего имъ держаться.—«Но мы ихъ больше не оставимъ» прибавилъ онъ.

Дошло дѣло до моихъ братьевъ, братьевъ вооружившихся противъ него! Я страшно мучилась; надо было вытягивать изъ меня одно слово за другимъ, а Александръ говорилъ о томъ, какъ о самомъ естественномъ дѣлѣ, упоминая о полкѣ моего брата, какъ будто полкъ этотъ служилъ ему. Я повторила, что слышала, будто братъ мой остался у Вилкоміра.

— А, я очень радъ этому, сказалъ мнѣ императоръ по своей необыкновенной добротѣ.

Не было ни капли желчи въ этомъ ангельскомъ сердцѣ. Дѣло было въ томъ, что экипажи моего брата были взяты, самъ онъ спасся, а кучеръ его былъ убитъ, сказавъ только:

— Спасите лошадей господина полковника.

Что касается до полка брата, то онъ не былъ въ дѣйствіи, и братъ мой распустилъ его, и хорошо сдѣлалъ по обстоятельствамъ, отославъ тысячу этихъ молодыхъ и храбрыхъ крестьянъ воздѣлывать поля, вмѣсто того чтобъ губить свою жизнь на большихъ дорогахъ безъ всякой цѣли и послѣдствій.

Братъ догналъ французовъ одинъ; его подвергли допросу. На предложенные ему вопросы онъ отвѣчалъ:

— Мой полкъ и великая армія подверглись одинаковой участи.

Тогда допрашивавшіе замолчали. Братъ мой очутился въ Парижѣ и получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Есть же на свѣтѣ такіе счастливцы! Другой мой братъ, пожертвовавшій Варшавѣ изъ чувства патріотизма роту артиллеристовъ, не удостоился за то никакого благоволѣнія, потому что вмѣсто Парижа направился въ Вѣну, гдѣ была моя мать, а Австрія не приносила никому еще счастія.

Около одиннадцати часовъ императоръ попросилъ меня указать ему на двери, потому что время казалось ему слишкомъ короткимъ, и онъ боялся надоѣсть мнѣ, между тѣмъ онъ давно уже не проводилъ такого пріятнаго вечера.

Любимый его кучеръ Илья [1]), котораго я велѣла угостить, провелъ цѣлый вечеръ съ моимъ человѣкомъ, туркомъ, и моими женщинами, разсказывая имъ разныя исторіи о Петербургѣ—о тамошнихъ дурныхъ нравахъ, за что,

1) Мнѣ разсказывали трогательную черту объ этомъ Ильѣ. Императоръ ѣхалъ однажды въ Петербургѣ въ дрожкахъ или саняхъ въ одну лошадь, которою правилъ Илья. Онъ повезъ его въ отдаленную улицу, грязную и съ плохими домами.

— Зачѣмъ ты повезъ меня сюда, спрашиваетъ Александръ.

— А вотъ я послѣ скажу.

Подъѣхавъ къ одной лачугѣ, Илья остановился.

— Государь, сказалъ онъ, вотъ гдѣ живетъ вдова моего прежняго барина, который уступилъ меня вашему величеству.

Императоръ ничего не сказалъ, но возвратясь во дворецъ, далъ Ильѣ сумму для его прежней госпожи и бумагу о назначеніи ей пенсіи.

По смерти Александра, Илья везъ тѣло своего обожаемаго господина изъ Таганрога въ Петербургъ, и не смотря на жестокій холодъ и свои преклонные года, ночью ложился подъ колесницу, на которой везъ драгоцѣнные останки.

будто бы, и постигли Россію такія бѣдствія. Но особенно забавно было, что во время пребыванія государя вбѣжала въ комнату хорошенькая левретка и начала вертѣться около его величества, такъ что я думала, что это его собака; она ушла въ прихожую и тамъ ей дали сливокъ и сухарей, но затѣмъ она исчезла, и мы такъ и не узнали гдѣ она.

Въ день рожденія государя былъ большой обѣдъ у князя Кутузова, занимавшаго помѣщеніе короля Неаполитанскаго; вечеромъ была иллюминація, при чемъ послѣдовала перемѣна въ убранствѣ городской ратуши, гдѣ былъ сдѣланъ транспарантъ, представлявшій Россію, отсѣкающую голову у гидры: понимай—какъ знаешь. Въ тотъ же вечеръ состоялся балъ у князя. Императоръ сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, я удивляюсь устройству этого бала послѣ того, какъ наканунѣ онъ мнѣ сказалъ, что музыка и танцы противны ему и что онъ отмѣнилъ дворянскій балъ.

Я была какъ во снѣ въ этой залѣ, гдѣ шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ видѣла совершенно другое общество. Поразительная разница между двумя императорами, быстрота, съ которою произошла перемѣна обстановки, самое мѣсто, гдѣ все это я видѣла, произвели на меня впечатлѣніе, которое я не въ состояніи объяснить. Видъ множества русскихъ военныхъ людей, между коими было только четверо - пять поляковъ, переносилъ меня въ Петербургъ. Я сказала императору, что, не выѣзжая изъ Вильны, видѣла почти всю Европу. Онъ также передалъ мнѣ сказанное ему кѣмъ-то замѣчаніе, что Наполеонъ лучшій союзникъ Россіи, такъ какъ онъ погубилъ свою армію.

Кутузовъ укорялъ меня за мой серьезный и торжественный видъ; но я была не въ силахъ казаться веселою; я

убѣдилась, что большой свѣтъ не для меня, потому что, не смотря на всю его привлекательность и на то, что мнѣ лестно было вниманіе столь любезнаго государя, я все же чувствовала всю пустоту этихъ почестей и удовольствій, ничто не возбуждало моей гордости и не удовлетворяло моего сердца.

Пріѣхавъ на балъ, императоръ прошелъ въ кабинетъ князя, гдѣ подписалъ актъ амнистіи,—достойное празднованіе дня своего рожденія. Кутузовъ, выходя изъ кабинета, сказалъ мнѣ:

— Мы поработали для васъ.

Затѣмъ предъ его величествомъ преклонили знамена, взятыя у французовъ. Я пристально смотрѣла на лицо Александра и не замѣтила на немъ ни малѣйшаго тщеславія; напротивъ, въ немъ выражалось чувство сожалѣнія.

Кутузовъ представилъ потомъ императору молодую особу, жену одного военнаго, храбро сопровождавшую своего мужа во всѣхъ стычкахъ. Я восторгалась ею, но императоръ повернулся ко мнѣ и сказалъ:—«Я не сочувствую этого рода отвагѣ въ женщинѣ. Можно выказать ее болѣе достойнымъ образомъ и болѣе приличнымъ ея полу».

Надѣюсь, что она, бѣдная, не слыхала или не поняла этого комплимента, который былъ не для нея.

Великій князь Константинъ былъ на балу. Одну изъ кадрилей онъ танцовалъ со мною. Что за танцоръ! Вальсируя онъ толкалъ всѣ прочія пары и кричалъ:—«Ну-же, вы, дайте дорогу!»

Онъ воображалъ себя на парадѣ. Кстати сказать, ежедневно на площади городской ратуши производились разводы. Императоръ приходилъ туда пѣшкомъ, со своимъ

штабомъ, и послѣ обычнаго привѣтствія: «Здорово ребята! здоровы ли вы, дѣти»? кланялся мнѣ, проходя мимо моихъ оконъ. Великій князь дѣлалъ видъ, что кланяется мнѣ до земли.

XVII.

Письмо автора, вызывающее ея отца. — Записка автора къ графу Толстому.—Отвѣтъ графа. — Посѣщеніе императора.— Страхъ автора по поводу секвестра имѣній ея семейства. — Александръ успокоиваетъ ее.—Любопытный разговоръ.—Очарованіе изчезло. — Глубокое и всестороннее образованіе Александра.—Моро.—Молитва за императора.—Лорнетъ Александра.

Императоръ долженъ былъ ѣхать въ армію—Кутузовъ также. Какъ-то вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы передать привѣтствіе государя, который только что вышелъ отъ него, и сказалъ мнѣ, что они читали письмо, которое императоръ обѣщалъ препроводить моему отцу, гдѣ бы тотъ ни находился (я думала, что онъ въ Вѣнѣ). Разговаривая однажды со мною, государь сказалъ со смѣхомъ: «Во время всей кампаніи мы имѣли открытыя сношенія съ Австріей».

Такъ-то достойно велъ себя тесть Наполеона. Право, это было трогательно! Письмо мое было одобрено; я написала его съ большою осмотрительностью, приглашала моего отца возвратиться, и, не упоминая имени императора, сказала только:—«Сообщая вамъ объ этомъ интересномъ посѣщеніи ко мнѣ, что же могу я еще вамъ сказать?»

Отецъ получилъ мое письмо въ Варшавѣ, которая еще была во власти французовъ. Оно надѣлало много шуму; онъ долженъ былъ показать мое письмо и съ трудомъ спасъ

принесшаго его жида отъ веревки; его сочли за шпіона, не смотря на то, что онъ былъ увѣшанъ золотыми императорскими медалями. Отецъ мой уѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Парижъ, ибо не считалъ возможнымъ оставить польское дѣло, хотя оно ничего не значило среди событій, готовившихся взволновать всю Европу. Я хотѣла оставить Вильну и избѣгнуть госпитальной заразы, отъ которой предохранялись тѣмъ, что жгли навозъ на улицахъ, вслѣдствіе чего воздухъ еще болѣе заражался.

Я знала, что лица, окружавшіе государя, желали мѣшать ему проводить вечера у меня, на что онъ съ нѣкоторою робостью просилъ у меня разрѣшенія на балѣ. Между тѣмъ для пользы моего семейства мнѣ необходимо было видѣть императора и поговорить съ нимъ объ отцѣ, который, ничего не зная объ обнародованной амнистіи, могъ и не возвратиться къ назначенному черезъ два мѣсяца сроку. Поэтому я и написала къ графа Толстому письмо какъ можно любезнѣе:

«Умоляю, васъ графъ, попросите его величество удостоить меня хотя бы минутною аудіенціей. Я уѣзжаю, и буду неутѣшна, если должна буду уѣхать, не имѣвъ счастья видѣть его величество, испросить его покровительства и выразить ему еще разъ всю мою благодарность».

Я получила самый любезный отвѣтъ: графъ писалъ, называя меня ваше превосходительство, что государь ни о чемъ иномъ не помышляетъ, какъ о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, и что его величество будетъ у меня въ тотъ же вечеръ.

Съ большимъ волненіемъ ожидала я назначеннаго часа: я боялась императора, потому что имѣла къ нему просьбу,

и сердце сильно у меня забилось, когда я услышала шумъ отъ въѣзжавшихъ въ ворота саней и при появленіи его величества. Но видъ его, исполненный доброты, успокоилъ меня. Всегда любезный и милостивый такъ естественно и съ достоинствомъ, онъ умѣлъ внушить робость и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе. Онъ сказалъ мнѣ, что былъ очень тронутъ запиской, которую я написала къ гр. Толстому, и что онъ имѣлъ намѣреніе проститься со мною еще наканунѣ, но что кончина принца Ольденбургскаго помѣшала ему, и что онъ былъ сильно занятъ (Кутузовъ заставлялъ его работать до одиннадцати часовъ вечера).

Я стала говорить о дѣлахъ моего отца, и отъ застѣнчивости говорила тихо; его величество подумалъ, что я прошу позволенія поѣхать къ нему и сказалъ:

— Что жъ тутъ худаго, и можно ли осуждать за то, что дочь ѣдетъ на свиданіе съ отцемъ.

Тогда я высказала ему мои опасенія относительно нашего имѣнія. Его величество успокоилъ меня, сказавъ, что не употребятъ слишкомъ строгихъ мѣръ, что двухмѣсячная отсрочка была только для виду, чтобы помѣшать вывозу денегъ изъ края для выгодъ иностранныхъ армій; впрочемъ, во всякомъ случаѣ дѣло шло о возможности только секвестра, а не конфискаціи.

Когда одна изъ моихъ кузинъ ходатайствовала о позволеніи ея мужу, раненому въ прусскую кампанію, возвратиться въ Литву, императоръ далъ согласіе и прибавилъ: съ возвращеніемъ имѣній. Таже милость оказана была всѣмъ полякамъ и литовцамъ, служившимъ Наполеону. Какое милосердіе, какое человѣколюбіе!

На мое замѣчаніе, что императоръ подвергаетъ себя опа-

сности, лично посѣщая госпитали, и что и принцъ Ольденбургскій умеръ отъ тифа, государь сказалъ:

— Мой зять не отличался здоровьемъ. При хорошемъ здоровьи, и притомъ человѣку не мнительному, нечего бояться.

Его величество передалъ мнѣ подробности, отъ которыхъ волосъ становился дыбомъ, о грудахъ труповъ, среди которыхъ шевелились головы людей, еще не умершихъ. Я спросила, узнавали ли его?

— Въ офицерской комнатѣ я былъ принятъ за адъютанта г. Сенъ-Бри.

Разъ я была глубоко тронута. Одинъ молодой испанецъ далъ мнѣ письмо къ своей женѣ, сказавъ при томъ, что это—прощаніе умирающаго. Я обѣщала передать его. Я щипала корпію, правда, для приличія, потому что раненыхъ не было, были только мертвые! Государь сказалъ, что ему хотѣлось бы быть раненымъ, чтобы пользоваться ею. Разговоръ принялъ серьезный оборотъ. Императоръ говорилъ какъ истинный мудрецъ, что инаго не желаетъ, какъ счастія человѣчества. Казалось, онъ только и мечталъ, что о возстановленіи на землѣ золотаго вѣка; прелестная мечта для государя! Ему хотѣлось, чтобы всѣ любили другъ друга какъ братья, помогая обоюдно въ нуждахъ, и чтобъ свободная торговля составляла основу общественнаго союза. Я позволила себѣ сказать, что если бы люди буквально слѣдовали ученію Евангелія, столь мягкому, естественному и всѣмъ доступному, то не нужно было бы другихъ законовъ для управленія народами. Императоръ сожалѣлъ о несчастіи монарха, которому часто не сочувствуютъ въ его филантропическихъ взглядахъ эгоисты, пренебрегаю-

щіе благомъ государства и заботящіеся только о собственномъ обогащеніи.

— Мнѣ иногда хочется, говорилъ онъ, сложить съ себя власть, и еслибъ я могъ приличнымъ образомъ перемѣнить свое положеніе, я охотно сдѣлалъ бы это, потому что мнѣ очень трудно, да и нѣтъ у меня призванія къ тому, чтобы править государствомъ.

Какъ удивительны были эти слова государя, восторжествовавшаго надъ самымъ ужаснымъ своимъ противникомъ, побѣдителемъ Европы. Ангельская душа! Какія прекрасныя и благородныя чувства выказалъ онъ своею любовью къ миру, своимъ презрѣніемъ къ роскоши, честолюбію, царедворцамъ, каммергерамъ, каммеръ-юнкерамъ, которыхъ называлъ придворными полотерами! Онъ негодовалъ, что Наполеонъ заставлялъ своихъ главныхъ сановниковъ прислуживать ему, что онъ унизилъ званіе посла, заставивъ Коленкура слѣдовать за нимъ верхомъ. Къ счастію, нынче стали понимать, что придворный чинъ не мѣшаетъ человѣку нести болѣе полезную для государства службу.—«На что мнѣ всѣ эти господа, развѣ мой каммердинеръ не лучше служитъ мнѣ»!

Александръ питалъ тоже презрѣніе ко всѣмъ почетнымъ отличіямъ, но въ этомъ онъ заблуждался, потому что этими лентами и крестами привязываютъ къ себѣ и награждаютъ государственныхъ и военныхъ людей. Александръ пожаловалъ князю Волконскому какую-то ленту, голубую или красную. Тотъ былъ такъ радъ, что императоръ пришелъ въ совершенное удивленіе.

— Любезный Волконскій, можно ли до такой степени радоваться какому-нибудь кусочку ленты!

— Государь, отвѣчалъ князь, я радуюсь тому почету, который съ нимъ связанъ, и оказанъ мнѣ вами.

Я пожелала, чтобъ, весною насталъ миръ.

— А почему же не зимою?

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Наполеону не будетъ принадлежать слава умиротворенія Европы, сказала я.

— Все равно, ему ли, мнѣ ли,—лишь бы это сдѣлалось.

Онъ повторилъ опять:

— Очарованіе исчезло, затѣмъ мы увидимъ, что лучше—внушать страхъ или любовь.

Весь планъ Священнаго союза былъ въ этихъ словахъ.

Александръ сказалъ:—Я вижу теперь, что Талейранъ былъ правъ, когда сказалъ мнѣ въ Эрфуртѣ, что Франція нуждается въ мирѣ. Тогда я не вѣрилъ этимъ людямъ, состарившимся на политикѣ и думалъ, что онъ ставитъ мнѣ сѣти.

Потомъ императоръ заговорилъ объ образованіи нынѣшней молодежи и находилъ его очень поверхностнымъ.—«Наши молодые люди считаютъ себя знающими все, если умѣютъ говорить по французски и танцовать».

Говорилъ онъ также о философіи Вольтера и Руссо (онъ любилъ послѣдняго), о Шатобріанѣ и г-жѣ Сталь и прибавилъ, что она отказалась отъ своихъ мыслей о самоубійствѣ; о Кантѣ и его непонятной философіи, о Песталоцци, объ алгебраической системѣ Пуффендорфа, которая казалась ему слишкомъ машинальною и мѣшающею думать.

Этотъ ученый разговоръ, надо сознаться, не соотвѣтствовалъ ни моему образованію, ни моему развитію, такъ какъ своими познаніями я была обязана только самой себѣ

и любви своей къ занятіямъ. У меня было нѣсколько гувернантокъ француженокъ, но никогда не было учителя иностранныхъ языковъ и ни одна изъ нихъ не знала орѳографіи и не умѣла написать простую записку безъ словаря; развѣ еще первая, воспитанная нѣкогда въ Сенъ-Сирѣ! Всѣ онѣ дѣлали грубѣйшіе промахи. Одна писала: l'oc-ceau gijantesque; другая: pomme pourite; escouer вмѣсто secouer, tancher вмѣсто fâcher. Послѣдняя была прикащицей въ одномъ модномъ магазинѣ въ Парижѣ и разказывала мнѣ, что разъ уронила чернильницу на атласное сѣрое съ розовымъ платье княгини Гемене. Въ жару смущенія и съ трепетомъ она должна была нести несчастное платье къ княгинѣ; та была за туалетомъ, ей завивали и взбивали волосы и пудрили ихъ, а она кушала персики, вареные въ сахарѣ. Принцесса вскрикнула, замѣтивъ пятно; но, взглянувъ затѣмъ на убитую горемъ модистку, она повернулась къ своимъ служанкамъ и сказала:

— Посмотрите, нельзя ли поправить это.

Нужно было только замѣнить одно полотнище, а въ лавкахъ еще можно было найти этой матеріи.

— Такъ чтобъ наказать эту дѣвочку за неловкость, сказала княгина, отдайте ей запачканное—и сама прибавила еще два персика.

Дѣвица Буффруа часто говорила мнѣ:

— Для чего вы такъ много пишите?

— Чтобъ научиться писать и образовать себя.

— Вы и такъ довольно знаете.

Я имѣла прирожденныя способности. Если бы они были развиты, быть можетъ и у меня сложился бы талантъ. Но для чего?

Императоръ вдругъ замолчалъ.

— Хорошо я употребилъ свое время, сказалъ онъ, вздумалъ читать хорошенькой женщинѣ цѣлый курсъ поученій.

Я сказала, что воспользуюсь ими и сдѣлаюсь лучше, благодаря его величеству.

— Ахъ! вамъ этого совсѣмъ не нужно, вы гораздо лучше насъ.

Потомъ онъ заговорилъ опять на ту же тему, самъ не замѣчая того,—но вдругъ остановился и смѣясь сказалъ, что не у всякой дамы можно говорить о такихъ серьезныхъ вещахъ. Многія изъ нихъ требуютъ просто анекдотовъ.

— Вы не можете повѣрить, до какой степени нравы мужчинъ развращены. Они не хотятъ вѣрить, что можно любить женщину для нея самой, женщину, которая вамъ ни жена, ни мать, ни сестра, ни....

Онъ не захотѣлъ произнести слово: любовница. Потомъ онъ заговорилъ о русскихъ мужикахъ:

— О, мои бородачи, сказалъ императоръ восторженно, они гораздо лучше насъ; между ними встрѣчаешь еще первобытныя патріархальныя добродѣтели, истинную преданность государю и отечеству. Они не поддались на приманку французовъ, обѣщавшихъ имъ свободу. Жиды также выказали удивительную привязанность.

Я повторила: О, да, удивительную! и, замѣтивъ свою наивность, прибавила: Впрочемъ не совсѣмъ, если судить по моему опыту.

Онъ поцѣловалъ мою руку въ благодарность, но по правдѣ сказать, не за что было.

Императоръ сказалъ еще:—«Французы не знаютъ, какъ мало уважаетъ ихъ Наполеонъ. Я самъ слышалъ отъ него

такія слова: Вы не знаете французовъ; ихъ надо вести, какъ я ихъ веду—желѣзной рукой».

Г-жа Тафенъ начала хвалить патріотизмъ Луціана Бонапарте. Онъ промолчалъ.

— Вотъ Моро такъ великій человѣкъ. Я желалъ бы быть Моро, сказалъ онъ.

Онъ могъ прибавить: Еслибъ не былъ Александромъ.

Скромность государя страдала, когда ему говорили что-нибудь лестное. Я сказала, что на дняхъ мы съ одной моей подругой отыскивали въ исторіи государя, который былъ бы равенъ ему. Онъ не далъ мнѣ докончить.

— Безъ комплиментовъ, прошу васъ, сказалъ онъ, опуская голову.

Зашла рѣчь о самомъ Наполеонѣ; я сказала, что рѣдко случается, чтобы государь соединялъ въ себѣ всѣ преимущества.

— Но это не безпримѣрно, сказала г-жа Тафенъ, смотря на императора.

— Ахъ, конечно; сказала я, понявъ ея мысль.

Императоръ очень хорошо понялъ насъ, потому что закрылъ свое лицо обѣими руками, невыразимо лишь покраснѣвъ. Мы засмѣялись всѣ трое.

Какъ пріятно было слушать рѣчь молодаго, красиваго, могущественнаго государя, говорящаго изысканно и изящно о религіи, нравственности и наукѣ. Въ немъ замѣтна была большая религіозная терпимость.

— Дѣло не въ томъ, какъ молиться Богу—по гречески или по латыни, а въ томъ, чтобъ сердце было чисто, и врядъ ли длинныя молитвы трогаютъ Господа.

— А я долго молюсь за ваше величество.

— Конечно, Богъ услышитъ молитвы такой набожной особы, какъ вы.

Вотъ молитва за императора, мною сочиненная.

«Боже! пріими Александра подъ свой покровъ! Да поддержитъ его промыслъ Твой силою своею—въ сраженіяхъ и мудростію въ совѣтахъ. Сохрани умъ его отъ опьяненія славой, столь пагубной для монарховъ и вредной для счастія народовъ; просвѣти его свѣтомъ Твоимъ въ дѣлахъ, творимыхъ во имя Твое, и содержи сердце его въ всемогущихъ Твоихъ рукахъ».

Никто не умѣлъ лучше императора вносить въ разговоръ столько очарованія, столько легкости, изгонявшей всякое стѣсненіе и холодный этикетъ. Мы сидѣли вокругъ небольшаго круглаго стола, на которомъ лежали разныя брошюры, модныя картинки, каррикатуры; послѣднія вызывали его смѣхъ; на одной изъ нихъ былъ представленъ щеголь въ видѣ гусеницы; по этому поводу онъ сказалъ:

— Мы лысые—чтобы ни дѣлали,а лобъ все у насъ открытый.

Сколько было ума въ его взглядѣ, особенно когда онъ хотѣлъ лучше понять то, что ему говорили; въ его голубыхъ глазахъ было что-то небесное. Онъ посмотрѣлъ на часы; было уже одиннадцать.

— Можно мнѣ еще остаться немного, не побезпокоивъ васъ?

Послѣ минуты молчанія онъ сказалъ мнѣ нѣжнымъ, привлекательнымъ и даже робкимъ голосомъ.

— У меня есть къ вамъ маленькая просьба.

Страшно удивленная, я подняла на него глаза.

— Вспоминайте обо мнѣ иногда.

— Ахъ, государь, я буду вспоминать васъ всю мою жизнь.

Въ эту минуту мы были растроганы всѣ трое Могъ ли кто не думать объ этомъ обожаемомъ монархѣ? Оставалось только сложить руки и молиться! И что могло быть равносильно этому чувству, которое издатель первыхъ моихъ воспоминаній объ Александрѣ сравнивалъ съ поклоненіемъ Ласъ-Казеса Наполеону; но это сравненіе, для объясненія моей преданности не понравилось мнѣ, во всякомъ случаѣ. Императоръ всталъ и, нагнувшись, казалось искалъ что-то на полу. Я поставила подсвѣчникъ на коверъ, нашла маленькій лорнетъ и по глупости отдала его величеству.

Сестра моя побранила меня впослѣдствіи за мою честность, да я и сама теперь раскаяваюсь въ ней, тѣмъ болѣе, что лорнетъ стоилъ едва ли четыре франка. Императоръ терялъ ихъ безпрестанно, такъ что всѣ его флигель-адъютанты имѣли уже отъ него по лорнету на память.

Наконецъ государь оставилъ меня и заперъ дверь, чтобы помѣшать мнѣ проводить его. Мы были вполнѣ подъ впечатлѣніемъ его милости и доброты. Я увидѣла императора на минуту въ церкви; онъ уѣхалъ одинъ, безъ конвоя, но кто захотѣлъ бы причинить зло этому ангелу, только и жившему что для общаго блага? Императоръ спросилъ меня о моихъ планахъ, думаю ли я остаться въ Вильнѣ? Я отвѣчала, что жизнь въ Вильнѣ была бы для меня теперь слишкомъ печальна, и потому я не хочу провести въ ней даже зиму, а думаю возвратиться въ деревню.

— А въ какую сторону?

— Въ Курляндію.

— Да, это болѣе въ сторонѣ отъ проходящихъ войскъ; но все-таки васъ можетъ побезпокоить какой-нибудь грубіянъ; а у меня въ арміи нѣтъ ангеловъ.

— Государь, я ничего не боюсь и отдаюсь подъ ваше покровительство.

Государь поспѣшилъ поблагодарить меня за довѣріе.

XVIII.

Отъѣздъ автора въ деревню.—Казачій конвой.—Безпокойство по поводу секвестра.—Авторъ отправляетъ своего конюха въ русскую главную квартиру.—Императоръ посылаетъ автору повелѣніе и паспортъ.—Наполеонъ, лишенный правъ.—Вступленіе союзныхъ монарховъ въ Парижъ.—Скромность Александра.

Я немедленно уѣхала въ деревню подъ охраной казачьяго конвоя, даннаго мнѣ государемъ, который сказалъ, что и въ его арміи нѣтъ ангеловъ; но охрана была для меня совершенно безполезна, и я поспѣшила отъ нея освободиться, къ великому унынію господъ казаковъ, довольныхъ своимъ пребываніемъ у меня.

Печаленъ былъ день моего пріѣзда въ Р.... Огромный пустынный домъ, въ которомъ я не нашла ни отца, ни братьевъ; молчаливая и печальная встрѣча крестьянъ и прислуги не могли разсѣять настроеніе моей думы, грустное какъ звонъ погребальнаго колокола. Управляющіе экономіей, не смотря на обѣщанія императора, безпокоились относительно секвестра. Да и въ самомъ дѣлѣ я ничѣмъ не была гарантирована. А одинъ изъ нихъ, предавшись излишнимъ опасеніямъ, счелъ за лучшее повѣрить одному изъ сосѣдей большую часть запасовъ хлѣба и пр., и все это за нимъ и осталось. Наконецъ для общаго успокоенія

я обратилась снова къ моему доброму покровителю, графу Толстому, прося его выдать мнѣ паспортъ, чтобъ ѣхать за отцомъ и привезти его къ назначенному сроку. Я вручила мое посланіе нашему конюху, человѣку очень смышленому; онъ взялъ двухъ хорошихъ лошадей и пріѣхалъ въ главную квартиру, находившуюся въ Пруссіи, въ Іоганисбургѣ. Добрый графъ Толстой пріютилъ моего человѣка и лошадей, выхлопоталъ мнѣ паспортъ и отправилъ его ко мнѣ немедленно при письмѣ, полномъ подробностями о главной квартирѣ.

Вскорѣ я получила высочайшее повелѣніе, которое должно было охранить отъ секвестра имѣніе моего отца, еслибъ онъ даже и запоздалъ къ установленному сроку. По этому случаю я сдѣлала угощеніе всѣмъ живущимъ въ домѣ, и мы отправились въ церковь благодарить Бога и помолиться за обѣдней за нашего добраго государя. Я сдѣлала обѣдъ для бѣдныхъ прихода, и раздала имъ денегъ и созвала на праздникъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми. Общество было многочисленное, такъ какъ въ управленіи считалось до 15 большихъ фольварковъ. Остальные люди были собраны на слѣдующій день. Управляющій, славный человѣкъ, поморщился было, но мнѣ казалось лишнимъ считать деньги, когда ихъ устанавливали въ боченкахъ въ моемъ кабинетѣ, рискуя меня задушить. Чтобы убить время и развлечься, я повѣнчала всѣхъ желавшихъ и, не глядя, подписала имъ длинные списки годовыхъ выдачъ натурою, которыя они, конечно, сокращали, замѣняя полученіе деньгами. Затѣмъ слѣдовали праздники и раздача приданаго. Время это называли моимъ регентствомъ, и желали, чтобы оно длилось вѣчно. Для себя я не издерживала ничего.

Я только что узнала, что отецъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Парижъ, но не смѣла воспользоваться паспортомъ, хотя и очень желала свидѣться съ матерью послѣ восьмилѣтней разлуки. Еще новая жертва ко многимъ прежнимъ! Въ древности кто-то изъ древнихъ сказалъ: «что знаетъ человѣкъ никогда не страдавшій»! О, я з н а л а многое!

Между тѣмъ мой старшій братъ возвратился изъ Вѣны, но не могъ вступить въ пользованіе милліоннымъ имѣньемъ, которое отецъ ему выдѣлилъ, такъ какъ оно было уже секвестровано. Онъ обратился къ теткѣ, княгинѣ Радзивиллъ, весьма уважаемой при русскомъ дворѣ, но она отвѣчала:

— Любезный племянникъ, молодая фрейлина вашего семейства пользуется бо́льшимъ вліяніемъ, нежели старая статсъ-дама.

Тетка имѣла въ знакъ отличія портретъ императрицы Екатерины II, осыпанный брилліантами. Братъ принужденъ былъ отнестись ко мнѣ. Я написала куда слѣдовало, и результатомъ было возвращеніе ему его имѣнія.

Мы узнавали изъ газетъ о всѣхъ политическихъ событіяхъ. Наполеонъ принудилъ Францію къ новымъ жертвамъ и, топнувъ ногой, увидѣлъ на этотъ разъ не людей, вышедшихъ изъ земли, а дѣтей, едва умѣвшихъ владѣть розданнымъ имъ оружіемъ. Но французы съ прирожденной храбростью, поддержанною остатками великой арміи, оправдали искусными дѣйствіями великій геній руководившаго ихъ полководца. Союзные генералы отступили. Къ тому же національная гвардія принимала воинственное положеніе, которое могло повести къ разрушенію громадной столицы, если бы Марія-Луиза не бѣжала. Александръ, далеко

не раздѣлявшій мнѣнія своихъ соперниковъ, склонилъ ихъ быстро идти на Парижъ, тогда какъ одинъ изъ корпусовъ долженъ былъ отрѣзать путь Наполеону; это было, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла, истинно геніальнымъ соображеніемъ, и исполненіе его обезпечило блестящій исходъ кампаніи.

Послѣ невѣроятнаго напряженія отваги и дарованій— Наполеонъ долженъ былъ уступить волѣ судебъ и удалиться на островъ Эльбу. Его безстрастная половина Марія-Луиза, не умѣвшая быть ни женой, ни матерью, не пыталась сохранить сыну наслѣдство Франціи и защищаться въ Парижѣ. Конечно, она не любила Наполеона, но по крайней мѣрѣ должна была сохранять приличіе. Когда въ Парижѣ разнесся слухъ о смерти Наполеона, Марія-Луиза выѣхала въ открытомъ экипажѣ, что просто возмутило жителей. Послѣ смерти кавалера Нейперга, къ которому она благоволила, въ Пармѣ она поспѣшила выйти замужъ за своего камергера де-Бонбелля. Ей уже было тогда 48 лѣтъ: нужно много охоты, чтобы стремиться въ это время замужъ: исторія осудила ее,—не будемъ же о ней говорить.

Три союзные государя вступили въ Парижъ. Тогда представился Александру новый случай выказать все человѣколюбіе великодушнаго побѣдителя. Вотъ слова его, сказанныя депутатамъ Парижа:

— Мы воюемъ не противъ Франціи, но противъ того, кто, назвавшись нашимъ другомъ, нашимъ союзникомъ, напалъ на наши владѣнія и, разворивъ ихъ, оставилъ повсюду слѣды, которые изгладитъ только время. Я люблю французовъ, между ними одинъ мнѣ врагъ Наполеонъ. Парижъ можетъ надѣяться на мою защиту. За зло я плачу

добромъ. Франція нуждается въ правительствѣ, которое упрочило бы миръ ей и Европѣ.

Какая скромность въ величіи, въ словахъ, во всѣхъ его поступкахъ! Какъ я всему этому рукоплескаю издали. Не знаю, кто изъ депутатовъ сказалъ Александру: «Государь, мы уже давно ожидаемъ васъ».

Какой французъ и патріотъ! Отвѣтъ государя, по моему, былъ болѣе достоинъ французовъ.

— Виною тому храбрость французовъ.

Позволю себѣ однако замѣтить, что французы—патріоты только на словахъ, а не на дѣлѣ. Отечество—это для нихъ какая-нибудь династія, партія Бурбоновъ, Бонапартъ или республика. Парижъ — это Франція, но дѣйствительное отечество, мать французовъ, для нихъ простой звукъ, и никогда оно не возжигало въ сердцахъ своихъ дѣтей того священнаго огня, который сжигалъ испанцевъ и никогда не угасалъ въ сердцахъ поляковъ. Отечество—то единство и сила! Да будутъ слова эти девизомъ всякаго француза безъ различія мнѣній. Франція!—таковъ долженъ быть единый кликъ войны и чести для всякаго, кто считаетъ себя французомъ.

XIX.

Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.—Шатобріанъ.

Я писала въ своемъ дневникѣ 1814 года: «Признаюсь, неудача Наполеона, великая какъ и его судьба, воодушевила меня болѣе, нежели самый блестящій его успѣхъ и ослѣпительная слава во дни его благоденствія. Я гнушаюсь французами, если они, какъ я слышала, издѣваются надъ

нимъ въ его несчастіи. Что за непостоянная и легкомысленная нація! Это аѳиняне нашихъ дней. Но они еще будутъ жалѣть его». (Это было пророчествомъ).

Статуя его на Вандомской площади снята была съ колонны, достойной столь великой личности; по поводу этого монумента у Александра вырвались слѣдующія слова, полныя ума и остроты:

— У меня закружилась бы голова на такой высотѣ.

По превратностямъ людскимъ и по волѣ провидѣнія, быть можетъ, въ ту минуту, когда соперникъ Наполеона, счастливый и скромный, созерцалъ это величавое изображеніе, самъ онъ, вынужденный виновниками же своей славы, подписывалъ актъ, лишавшій его всякаго величія, верховной власти, актъ отреченія въ Фонтенебло....

Всегда великодушный, Александръ принудилъ союзниковъ къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ для врага, уважая какъ славу его, такъ и несчастіе. Всѣ знаютъ, съ какимъ участіемъ Александръ отнесся къ императрицѣ Жозефинѣ, сыну ея Евгенію и королевѣ Гортензіи. Вальтеръ Скоттъ порицалъ благородство поступка Александра, сказавъ:

«Дѣятельный и главный членъ европейскаго союза, Александръ не могъ сбросить съ себя причудливую чувствительность, выражая самую благосклонность, какъ-то театрально. Отравленный воздухъ Парижа, лесть, неожиданный успѣхъ, желаніе выказать свое великодушіе,— все это вовлекло Александра за предѣлы благоразумія и осторожности».

Тутъ проглядываетъ чувство зависти, отличающее національный духъ англичанъ; они не могли простить Александру удачу, оскорбившую гордость и первенство Англіи. И наконецъ, благородный отказъ Александра сдѣлать На-

полеона своимъ плѣнникомъ заключалъ въ себѣ цѣлое осужденіе вѣроломнымъ отношеніямъ англійскаго правительства къ врагу, несчастному и слишкомъ довѣрчивому.

Конечно, Александръ не раздѣлялъ возникшаго тогда мнѣнія, что Наполеонъ не былъ геніаленъ, а прославился только въ силу обстоятельствъ!

Тотъ, кто изъ послѣднихъ рядовъ арміи поднялся какъ на щитѣ надъ покоренными народами; кто, какъ говорилъ Беранже, отмѣчалъ своею пятой пыль на королевскихъ вѣнцахъ, тотъ не былъ геніаленъ! Гдѣ-же геній въ такомъ случаѣ? Конечно, ни народъ, ни арміи и ихъ полководцы, разбитые и побѣжденные.

Мнѣ приходилось слышать, что сподвижникамъ великаго полководца приписывались побѣды его, de la famosa spada al cui valore ogni vittoria era e certa. Конечно, и эти сподвижники были, какъ ихъ глава, сынами своихъ дѣяній; но Напелеонъ былъ голова, а они только руки, искусныя во всѣхъ военныхъ операціяхъ. Онъ же приготовилъ ихъ для главнаго и гибельнаго военнаго искусства. Къ Наполеону очень идетъ общеизвѣстная поговорка: «Qui trop embrasse, mal étreint». Какая гигантская предпріимчивость—поддерживать ожесточенную войну на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ Испаніи и въ Россіи! Новый колоссъ Родосскій, Наполеонъ верхомъ на Европѣ, одной ногой въ Мадритѣ, другой въ Москвѣ: Европа взвилась на дыбы... послѣдствія извѣстны.... По безсмертному выраженію Беранже, Шатобріанъ разсыпалъ цвѣты и алмазы на ржавомъ тронѣ Бурбоновъ. Но онъ могъ дѣлать это, не бросая грязью въ Наполеона. Не смѣю уподобить его ослу, лягающему умирающаго льва,

по поводу ударовъ, наносимыхъ имъ Наполеону въ его трудѣ: «Бонапартъ и Бурбоны», произведеніи недостойномъ автора «Генія Христіанства».

А потомъ онъ счелъ себя обиженнымъ, кричалъ о неблагодарности, корчилъ изъ себя жертву притворной скромности.... Между тѣмъ при Бурбонахъ онъ былъ пэромъ Франціи, министромъ, посланникомъ, имѣлъ орденъ Св. Духа чего же онъ желалъ еще? Быть правителемъ Франціи! Для своего личнаго блага, безъ сомнѣнія.

XX.

Александръ принимаетъ поляковъ.—Благородный отказъ Костюшки.—Людовикъ XVIII.—Обѣдъ къ Тюльери.

Императоръ Александръ во время своего пребыванія въ Парижѣ милостиво принялъ остатки польской арміи, обѣщалъ полякамъ отечество и предлагалъ Костюшкѣ званіе вице-короля. Костюшко спросилъ, будетъ ли Польша возстановлена въ прежнихъ своихъ границахъ, и на отвѣтъ Александра, отказался быть вице-королемъ. Заіончекъ принялъ.... Костюшка же удалился и умеръ въ Швейцаріи. Онъ имѣлъ въ окрестностяхъ Парижа скромный домикъ, который казаки пощадили оттого только, что на входной двери виднѣлось имя Костюшки.

Отличный порядокъ и субординація, установленные въ союзныхъ войскахъ, внушали такое довѣріе парижанамъ, что въ самый день вступленія армій всѣ магазины открылись, а черезъ три дня были уже выставлены фарфоровые сервизы съ изображеніемъ вступленія трехъ союзныхъ государей, изготовленные, конечно, въ ожиданіи этого собы-

тія. Одинъ русскій солдатъ преданъ былъ смерти за хлѣбъ, взятый имъ изъ булочной. Въ самый день вступленія, императору Александру, бывшему въ театрѣ, донесли, что гвардіи, расположенной въ Елисейскихъ поляхъ, еще не розданы порціоны, и солдаты ропщутъ. Императоръ вызвалъ тотчасъ французскихъ чиновниковъ, сказавъ имъ, что не отвѣчаетъ за могущіе быть безпорядки если полки останутся безъ продовольствія. Тотчасъ потребованы были всѣ парижскія фіакры для доставки съѣстныхъ припасовъ въ Елисейскія поля. Русскіе солдаты, видѣвшіе французовъ, опустошавшихъ ихъ отечество и теперь побѣжденныхъ ими, провели цѣлый день изнеможенные усталостью и лишеніями въ полномъ воздержаніи. Что за народъ, что за армія! Какъ великъ былъ государь, воспитавшій такихъ воиновъ.

Польскіе полки, до сихъ поръ служившіе Наполену, желали перейти на сторону великодушнаго Александра; на него они возлагали всю свою надежду, ради которой тщетно и долго проливали свою кровь. Императоръ благосклонно принялъ выраженныя ими подданническія чувства и далъ имъ въ главнокомандующіе своего собственнаго брата. Надо замѣтить, что Александръ принудилъ французское правительство уплатить литовцамъ недоданную долю ихъ военной субсидіи. Онъ не пожелалъ принять членовъ литовскаго временнаго правительства, сказавъ, что не признаетъ такого рода правительства въ своемъ государствѣ, но, по своему всегдашнему великодушію, дозволилъ всѣмъ этимъ господамъ возвратиться въ Литву и вступить во владѣніе ихъ имѣніями. Осматривая достопримѣчательности Парижа, Александръ поспѣшилъ въ домъ инвалидовъ—безсмертный памятникъ

Людовика XIV и его истинно царственнаго величія и благотворительности; учрежденіе это посѣщалъ уже второй русскій государь. Императоръ нашелъ старыхъ сыновъ побѣды глубоко опечаленными; у нихъ взяли всѣ трофеи ихъ славы.

— Утѣшьтесь, храбрецы, сказалъ имъ Александръ, сердце котораго сочувствовало всякому благородному ощущенію, я настою, чтобы вамъ возвратили нѣкоторые изъ славныхъ памятниковъ.

Онъ оставилъ инвалидамъ 12 русскихъ пушекъ. Александру предложили измѣнить названіе Аустрелицкаго моста.—«Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, достаточно того, что императоръ Александръ и его армія перешли по немъ». На рѣчь Лакретелля Александръ отвѣчалъ, что онъ всегда отдавалъ должное трудамъ и успѣхамъ французовъ въ наукахъ и искусствахъ и радуется теперь, возвративъ имъ свободу мысли.—«Мое счастье, прибавилъ онъ, и единственное желаніе, быть полезнымъ людямъ. Вотъ что привело меня въ Парижъ!»

Государь осмотрѣлъ всѣ учрежденія Парижа, посвященныя наукѣ, искусству и человѣчеству. Могущество и любезность его возбуждали всеобщее удивленіе и восторгъ. Ученые писатели неустанно восторгались умомъ его, тонкимъ и наблюдательнымъ, и чтили благородство и пріятность, съ которыми онъ выражался на языкѣ, служившемъ для нихъ самихъ предметомъ нескончаемыхъ изученій. Александръ освободилъ отъ заключенія добродѣтельнаго епископа города Труа аббата де-Булонь, пригласилъ къ столу аббата Сикора, директора института глухо-нѣмыхъ, и пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра. Желая

показать полякамъ, находившимся въ Парижѣ, свое расположеніе, Александръ предложилъ княгинѣ Яблоновской дать балъ, чтобы собрать ихъ всѣхъ въ его присутствіи. На балу онъ былъ, повидимому, занятъ красавицей Валевскою; во время польскаго Александръ чуть не извинялся передъ ней въ томъ, какъ онъ поступилъ съ Наполеономъ. Великій князь Константинъ, слѣдовавшій за нимъ, сказалъ смѣясь:

— Посмотрите, мой братъ во всемъ хочетъ идти по стопамъ Наполеона.

Какъ только Людовику XVIII былъ возвращенъ престолъ его предковъ, Александръ поспѣшилъ въ Компьенъ, гдѣ свиданіе двухъ монарховъ было и трогательно и сердечно. По просьбѣ французскаго короля, Александръ даровалъ свободу сто пятидесяти тысячамъ французскихъ плѣнниковъ, находившимся въ Россіи.

— Все равно, сказалъ онъ Людовику XVIII, — подъ чьимъ знаменемъ они сражались; они несчастны, я не могу не считать ихъ своими дѣтьми.

Людовикъ XVIII въѣхалъ въ Парижъ. За обѣдомъ въ Тюльери, предложеннымъ государямъ Священнагосоюза, Людовикъ пошелъ первый къ столу. Александръ смѣясь сказалъ кому-то изъ приближенныхъ:

— Мы сѣверные варвары болѣе вѣжливы у себя дома.

Не могу вспомнить, въ какомъ журналѣ Шатобріанъ восхищается этой невѣжливостью Людовика XVIII; по моему она только доказываетъ, что король еще не чувствовалъ себя вполнѣ хозяиномъ, а лишь гостемъ монарховъ, возстановившихъ его на престолѣ предковъ.

XXI.

Возвращеніе Александра.—Онъ отказывается принять имя Благословеннаго. — Награды арміи. — Конгрессъ.

Послѣ любопытной поѣздки въ Англію, гдѣ бульдоги оказали болѣе теплый пріемъ Блюхеру нежели союзнымъ монархамъ, Александръ возвратился въ Россію; въ проѣздъ чрезъ Голландію онъ съ благоговѣніемъ посѣтилъ въ Сардамѣ домъ, который нѣкогда занималъ Петръ Великій. Несравненная скромность Александра заставила его избѣгнуть торжественной встрѣчи при его возвращеніи въ столицу, но не помѣшала ему видѣть любовь и восторгъ,которые всѣ выражали въ его присутствіи. Какая была минута для сердца матери, когда императрица Марія обняла сына, достойнаго ея по своей добродѣтели, а по своей высокой мудрости достойнаго наименованія умиротворителя Европы, этого государя, содѣлавшаго честь и славу Россіи. Онъ одинъ вліяніемъ своего характера, этимъ счастливымъ смѣшеніемъ твердости, мягкости и настойчивости, онъ одинъ, руководимый религіей, уничтожилъ твореніе силы и генія.

Послѣ безполезныхъ попытокъ европейскіе государи подчинились тому, кого они считали бичемъ Божіимъ. Александръ сказалъ:—«Онъ не непобѣдимъ,возложимъупованіе наше на провидѣніе». Ему повѣрили. Александръ видѣлъ осуществленіе словъ,сказанныхъ имъ мнѣ:—«Посмотримъ, что лучше—наводить страхъ или вселять любовь?»—Наполеона боялись; ему измѣнили и оставили его. Александра

любили; онъ снискалъ восторгъ и довѣріе союзныхъ государей и всю жизнь оставался душой ихъ совѣщаній. Синодъ, государственный совѣтъ, сенатъ, отправили депутаціи къ его величеству, предлагая ему наименованіе Благословеннаго, славное наименованіе, не противное скромности Александра; оно какъ бы указало на то, что всѣ его великія дѣянія совершены были по волѣ провидѣнія. Хотѣли также воздвигнуть монументъ съ слѣдующей надписью:

«Александру Благословенному, императору всея Россіи, великодушному возстановителю европейскихъ державъ, благодарная Россія».

Александръ благосклонно принялъ депутацію, но отвѣчалъ отказомъ на просьбу.

Освободившись отъ войны, Александръ работалъ надъ исправленіемъ бѣдствій, причиненныхъ ею въ имперіи. Онъ учредилъ награды для дворянъ, кресты для духовенства, купечества, арміи и т. д. Онъ сложилъ по всей имперіи недоимки податей съ 1813 года, также штрафы, наказанія и т. д. Онъ простеръ свое милосердіе на всѣхъ перешедшихъ на сторону непріятеля. Александръ повелѣлъ удовлетворить всѣ губерніи, сдѣлавшія государству денежные взносы. Такимъ образомъ Александръ велъ тяжкія войны, не назначая контрибуцій или чрезмѣрныхъ податей. А потому и лавры его не орошались слезами его подданныхъ. Благословеніе бѣдняка сопровождало всякое его начинаніе.

Отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, проѣздомъ черезъ Польшу, императоръ остановился въ Пулавахъ. У князей Чарторыжскихъ собралась семья княгини, состоявшая изъ двухъ ея сыновей, принцессы Виртембергской, графини

Замойской, ея дочерей, а также множество особъ высшаго круга: моя тетка княгиня Радзивиллъ, сынъ ея Антонъ, графиня Розалія Ржевуская, генералъ Красинскій, наконецъ варшавскіе депутаты, пріѣхавшіе выразить его величеству чувства благодарности, уваженія и довѣрія отъ своихъ соотечественниковъ. Александръ отвѣчалъ лестными для нихъ словами:

— Надѣюсь, что успѣхъ подтвердитъ довѣріе вашей націи; счастіе поляковъ будетъ мнѣ наградой. Увѣрьте жителей Варшавы въ моемъ попеченіи о нихъ, я запоздалъ моимъ пріѣздомъ къ нимъ единственно потому, что хотѣлъ упрочить ихъ счастіе.

Въ минуту отъѣзда, княгиня Чарторыжская и все общество на паромѣ черезъ Вислу опередило императора, чтобы еще разъ видѣть его. Не смотря на прохладный вечеръ, императоръ не надѣвалъ шинели въ присутствіи дамъ и онѣ, ободренныя его любезнымъ вниманіемъ, просили позволенія взять нѣсколько перьевъ изъ его султана. Государь поспѣшилъ удовлетворить ихъ съ свойственною ему любезностью.

Всѣ европейскіе государи рѣшили присутствовать въ Вѣнѣ лично, или отправить туда своихъ министровъ для пересмотра правъ и нуждъ народныхъ; тотчасъ же поднятъ былъ вопросъ о распредѣленіи мѣстъ. Со скромностью, отличавшею Александра, онъ отклонилъ должное ему по всѣмъ правамъ первенство и, не желая уколоть чье либо самолюбіе, предложилъ ввести простой алфавитный порядокъ, по которому онъ стоялъ не изъ первыхъ. Великій человѣкъ въ совѣтѣ, Александръ былъ любезенъ и пріятенъ въ собраніяхъ и пышныхъ празднествахъ, на кото-

рыхъ появлялся и которые дѣлали волшебною тогдашнюю жизнь въ Вѣнѣ. Много лѣтъ спустя я спросила замѣчательно умнаго пьемонтца, графа Сальмура, какъ проявлялся Александръ въ средѣ государей, съѣхавшихся на конгрессъ.—«Онъ былъ primo-amoroso царственной труппы»—сказалъ Сальмуръ. Императрица Елизавета также находилась въ Вѣнѣ....

XXII.

Высадка Наполеона во Франціи.—Измѣна Тайлерана.—Великодушіе Александра.—Новая война.—Ватерлоо.—Александръ защищаетъ Францію.

Извѣстно, что во время Вѣнскаго конгресса разразилось, подобно громовому удару, извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Франціи. Одни были поражены его смѣлостью, другіе считали его безумнымъ, и думали, что его повѣсятъ на первомъ попавшемся деревѣ. Нѣмецкіе государи восклицали: Mein Gott? Императоръ Александръ отнесся къ этому событію весьма холодно, говоря, что не намѣренъ снова проливать кровь своихъ подданныхъ въ случаѣ новаго столкновенія. Дѣйствительная же причина была та, что онъ открылъ измѣну Тайлерана и французскаго правительства, желавшихъ оставить Россію внѣ европейской политики.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи и въ страхѣ потерять столь могущественнаго союзника, Тайлеранъ смирился, спрятавъ свои когти, а великодушіе Александра взяло верхъ надъ измѣной. Не буду говорить ни о ста дняхъ, ни о Ватерлооской битвѣ: это принадлежитъ исторіи. Послѣ невѣроятныхъ и геніальныхъ усилій Наполеонъ долженъ былъ

покориться судьбѣ, или волѣ того, кто сказалъ морю: «Ты не пойдешь далѣе»!

Я считаю себя француженкой только по своему замужеству за французомъ, но никогда не могла безъ сильнаго волненія слышать о Ватерлоо, послѣднемъ вздохѣ славы Наполеона, ни видѣть гравюръ гибельнаго сраженія, гдѣ раздавался крикъ достойный древнихъ: «Гвардія умираетъ, но не сдается»! Я не могла простить англичанамъ эту побѣду, которую Веллингтонъ одержалъ, благодаря помощи пруссаковъ, что и далъ почувствовать благородному герцогу императоръ Николай, большой почитатель Наполеона. Находясь во время первой всемірной выставки въ Лондонѣ, я попала въ оперѣ въ страшную толпу и, проталкиваясь среди ея, находила особенное удовольствіе слегка боксировать въ красныя спины военныхъ, приговаривая: «здравствуй, Ватерлоо!» Одинъ изъ этихъ раковъ, молодой мальчикъ, бѣлый и розовый какъ дѣвочка, помиралъ со смѣху отъ моего удара. Я знаю, что это было болѣе чѣмъ глупо и не прилично, но я въ ту минуту не владѣла собою; мнѣ казалось, что я привидѣнье, одинъ изъ воскресшихъ убитыхъ подъ Ватерлоо, желавшій отомстить обиду, нанесенную его націи и ея герою, до той поры непоколебимому по волѣ слѣпой и непостоянной судьбы. Еслибъ я могла, то кажется, уничтожила бы все тутъ собравшееся британское общество, исключая прелестныхъ дамъ и барышенъ съ тоненькими таліями, развивавшимися локонами и сливочнымъ цвѣтомъ лица. Мой сынъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ о моей отвагѣ, о которой и не подозрѣвалъ.

А вотъ и другая черта патріотизма по поводу того же Ватерлоо. Англійскій герой, герцогъ Веллингтонъ, просилъ

г-жу Жакото, знаменитую рисовальщицу на фарфорѣ, сдѣлать его портретъ и спросилъ, въ какаго цвѣта формѣ пріѣхать ему на сеансъ.

— Да, въ красной, сказала Жакото.

Герцогъ, всегда ѣздившій верхомъ, прибылъ въ одно прекрасное утро, спросилъ комнату, чтобы переодѣться, и немедленно появился красный, какъ въ пару сваренный омаръ. Г-жа Жакото, сидя за мольбретомъ и окинувъ взглядомъ свою модель, замѣтила на перевязи золотыя цыфры—несчастное число Ватерлоо. Она рѣшилась сказать:

—Извините меня, герцогъ, но красный цвѣтъ не возможенъ для портрета. Синяя форма была бы лучше.

Веллингтонъ понялъ, улыбнулся и перемѣнилъ форму.

Я очень довольна была публичнымъ покаяніемъ королевы Викторіи на могилѣ Наполеона *). Честь Наполеону III. И принцъ Жеромъ поступилъ съ достоинствомъ, отказавшись ѣхать въ Англію привѣтствовать королеву.

Вотъ еще по поводу Ватерлоо и его героя очень колкое слово императора Николая. Герцогъ Веллингтонъ уполномоченъ былъ отъ своего правительства привѣтствовать Николая при возшествіи его на престолъ. Благородный герцогъ отличался большею находчивостью на полѣ сраженія, чѣмъ въ салонахъ. Разговаривая съ императрицею Александрою Ѳеодоровною, онъ сказалъ ей:

— Ваше величество, конечно, были въ большой тревогѣ во время безпорядковъ въ Петербургѣ.

Императрица сочла за лучшее сдѣлать видъ, что не поняла Веллингтона. Но онъ въ качествѣ славнаго воина

---

*) Какой прекрасный сюжетъ для картины!

снова аттаковалъ ее своимъ неумѣстнымъ вопросомъ. Николай, не далеко стоявшій, услышалъ слова Веллингтона, мгновенно очутился подлѣ него и сказалъ:

— Да, герцогъ, въ большой тревогѣ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько и вы были подъ Ватерлоо до прибытія Блюхера.

Александру предстояло возвратиться въ Россію послѣ долгаго отсутствія, стяжавъ великую славу, доказавъ умѣренность и великодушіе французамъ, которыхъ онъ защищалъ отъ союзныхъ государей всею силою своего могущества, такъ какъ Францію хотѣли разорвать на части: Англія собиралась взять себѣ Нормандію и Бретань, Пруссія—сѣверные департаменты и Рейнъ, Австрія предъявляла старинныя права на Бургундію, Лотарингію, Франшъ-Конте, а Людовика XVIII хотѣли сдѣлать мелкопомѣстнымъ государемъ; но Александръ, обнаживъ свой могучій мечъ, объявилъ, что онъ спасетъ Францію отъ захватовъ непріятельскихъ и желаетъ, чтобы она оставалась великою и сильною.

Довольный кончившейся выгодно для Европы памятною компаніей 1815 г. и упрочивъ своими трудами долгій миръ, Александръ, утомленный войною и политическими заботами, находилъ отдохновеніе въ счастіи другихъ. Его ожидали въ Варшаву для коронаціи, куда онъ и прибылъ изъ Берлина послѣ помолвки своего царственнаго брата, великаго князя Николая съ прусскою принцессой, скрѣпивъ такимъ образомъ союзъ съ этой державой двойными узами—кровными и политическими.

Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву 26-го октября 1815 г. Онъ въѣхалъ верхомъ, въ польскомъ

мундирѣ, съ звѣздою Бѣлаго Орла на груди. По пути его всѣ улицы и окна были убраны цвѣтами, вензелями и драпированы. Различныя депутаціи ожидали государя у тріумфальной арки съ слѣдующею надписью: «Hic ames dici pater atque princeps». Императоръ не принялъ ключей отъ города, поднесенныхъ ему главою муниципалитета, отвѣтивъ на его рѣчь:

— Я не принимаю ключей, потому что вошелъ сюда не побѣдителемъ, а покровителемъ и другомъ желающимъ видѣть васъ всѣхъ счастливыми. Но поднесенные хлѣбъ-соль онъ принялъ, какъ благодатнѣйшій даръ провидѣнія. Наконецъ у поляковъ былъ король—отецъ. Вечеромъ этого достопамятнаго дня весь городъ былъ иллюминованъ транспарантами аллегорическаго содержанія; несмѣтная толпа наполняла улицы, оглашая воздухъ радостными криками и именемъ Александра. Императора тронуло это доказательство привязанности и восторга, на которые онъ не разсчитывалъ по свойственной ему скромности, ибо думалъ, что поляки предпочитали ему Наполеона.

Александръ даровалъ полякамъ конституцію, основанную частью на Наполеоновскомъ кодексѣ, сенатъ, право созывать сеймъ. Онъ назначилъ генерала Заіончека *) своимъ намѣстникомъ въ царствѣ и лично сообщилъ ему объ этомъ. Старый воинъ представилъ императору, что ограниченныя средства его не позволяютъ ему принять это назначеніе.—«Это еще новая заслуга въ моихъ глазахъ»—отвѣтилъ императоръ, и назначилъ генералу, котораго впо-

*) Генералъ Заіончекъ часть своей жизни провелъ во французской службѣ и былъ всегда однимъ изъ лучшихъ офицеровъ; Наполеонъ весьма уважалъ его.

слѣдствіи возвелъ въ графское достоинство доходъ съ государства въ 200,000 польскихъ флориновъ.

Государь принималъ депутаціи отъ губерній и городовъ царства; палатинъ Малаховскій выразилъ, отъ имени своихъ соотечественниковъ, чувства любви, уваженія и благодарности, которыми они были проникнуты къ благородному побѣдителю, возвратившему ихъ отечество къ новой государственной жизни, и прибавилъ, что въ память столь счастливаго дня и въ честь государя въ каждомъ округѣ жители сдѣлали складчину въ пользу бѣднѣйшаго крестьянскаго семейства.... Императоръ отвѣтилъ:

— Сердечно принимаю выраженныя вами чувства. Я знаю, что страна эта претерпѣла великія превратности, слѣды которыхъ должны быть смыты. Для скорѣйшагося успокоенія я отдалъ русской арміи приказаніе удалиться. Заботы ваши о достойныхъ всякаго вниманія крестьянахъ, особенно пріятны моему сердцу. Я буду живо сочувствовать всему, что бы вы ни предприняли касательно ихъ; я всегда готовъ принять просьбы, которыя хотятъ подать мнѣ, какъ частныя лица, такъ и учрежденія. Лица, нарочно для того назначенныя, будутъ сообщать мнѣ ваши требованія, къ которымъ я всегда буду относиться съ должнымъ вниманіемъ. Цѣль моихъ желаній—благоденствіе вашего отечества и благосостояніе его населенія.

Въ честь пребыванія императора въ Варшавѣ генералъ Красинскій, палатинъ графъ Потоцкій и принцесса Виртембергская дали блестящія празднества. Городомъ данъ былъ парадный праздникъ въ большой театральной залѣ; все собравшееся общество блистало вкусомъ, богатствомъ, граціей и красотой. Мать моя, по разстроенному здоровью

нигдѣ не участвовавшая, имѣла честь быть представленной его величеству у своей сестры, княгини Радзивиллъ, и благодарила императора за всѣ милости, оказанныя имъ ея семейству. Императоръ уполномочилъ мою мать возвѣстить о его пріѣздѣ въ Вильну и съ обычною снисходительностью удостоилъ ее разговоромъ обо мнѣ. Всѣ знали, что государь остановится въ Вильнѣ на одинъ день и ночуетъ въ Товянахъ.

Отецъ мой имѣлъ намѣреніе уѣхать сейчасъ послѣ бала, даннаго по случаю пріѣзда его величества, чтобы быть въ Товянахъ вмѣстѣ со мною и многими другими лицами и надѣялся на возможность сообщить императору о различныхъ злоупотребленіяхъ, вкравшихся въ управленіе и о томъ, какимъ образомъ многіе чиновники осуществляли полныя справедливости и снисходительности намѣренія столь добраго монарха. Въ Вильнѣ также ходили тревожные слухи. Говорили, что въ Петербургѣ образовалась партія русскихъ, недовольныхъ расположеніемъ императора къ полякамъ и всѣми его мѣрами относительно царства. Зналъ о томъ и самъ императоръ, такъ какъ въ Варшавѣ онъ просилъ поляковъ своими рѣчами не ссорить его съ русскими. Впослѣдствіи, въ Парижѣ, я узнала изъ вѣрнаго источника, что въ 1815 г. маршалъ Сультъ перехватилъ весьма важныя бумаги, открывавшія зловѣщіе проэкты. Маршалъ поспѣшилъ представить ихъ Александру, который велѣлъ благодарить его и сказать, что опасность не на столько велика какъ казалось маршалу.

Какая ужасная и трудно объяснимая безпечность! Какъ могъ Александръ, отличавшійся поразительною проницательностью сужденія, которая побуждала его стремиться

затушить пламя революціи въ другихъ странахъ Европы, не замѣчать, что тотъ же огонь таился и въ его собственномъ государствѣ! Надо сознаться, что сердце его брало верхъ надъ разсудкомъ и отказывалось вѣрить въ чудовищную неблагодарность его подданныхъ.

Я видѣла графа Михаила Огинскаго (автора любопытныхъ записокъ) по возвращеніи его изъ Варшавы, гдѣ онъ представлялся императору во главѣ литовской депутаціи, весьма милостиво принятой. Императоръ принялъ депутатовъ торжественно, въ аудіенцъ-залѣ, стоя подлѣ трона.

Огинскій разсказывалъ, что когда въ своей рѣчи онъ сдѣлалъ сравненіе быстрыхъ побѣдъ его величества съ орлинымъ полетомъ, сравненіе старое и не совсѣмъ вѣрное,—императоръ принялъ гордое выраженіе, но что онъ прослезился, когда Огинскій заговорилъ о благодарности литовцевъ. О, какъ былъ онъ обожаемъ за свою ангельскую чувствительность!

Огинскій взялъ себѣ девизомъ: «Благодарность и довѣріе»; этотъ девизъ могъ бы служить и всѣмъ полякамъ. А между тѣмъ было еще много маловѣрныхъ: такъ называли мы тѣхъ, кто упорно сомнѣвался въ добрыхъ намѣреніяхъ императора, потому что онъ не заявлялъ этихъ намѣреній открыто и запретилъ упоминать о томъ въ рѣчахъ къ нему, чтобы не возстановлять противъ него русскихъ.

XXIII.

Александръ въ Варшавѣ.—Объявленіе объ образованіи царства Польскаго.—Рѣчи.—Возвращеніе Александра въ Вильну.—Дворянство представляется ко двору. — Все забыто. — Визитъ императора къ автору.—Балъ и иллюминація.—Поѣздка автора въ Товяны.—Пріѣздъ Александра въ саняхъ по усыпанной паклей дорогѣ. — Александръ восторгается Англіей.—Императоръ прощаетъ, но не забываетъ.—Печаль автора.

И на нашу долю выпала радость видѣть нашего добраго государя; это было въ декабрѣ 1814 года.

Едва прибылъ государь въ ночь, какъ уже флигель-адъютантъ извѣстилъ меня, что его величество пріѣдетъ ко мнѣ въ часъ пополудни. Я предупредила мою сестру, жившую въ томъ же домѣ, чтобы она была готова. Компаньонка моя уѣхала въ Подольскую губернію.

Мужчины представлялись въ замкѣ рано поутру. Государь сказалъ имъ нѣсколько словъ:

— Я могъ бы пожаловаться на многихъ а похвалиться не многими, но я забываю прошедшее.

Увидѣвъ моего отца, императоръ сказалъ ему:

— А, это вы, графъ; прошлое забыто, все забыто.

Но по тону, по серьезному виду государя можно было угадать, что «забыто» — значитъ только «прощено». Отецъ мой такъ сильно это почувствовалъ, что не осмѣлился присутствовать при посѣщеніи, которымъ почтилъ меня его величество. Всѣ вообще замѣтили, что императоръ держалъ себя не надменно, но съ большою важностью, чѣмъ прежде; сестра моя приписала это своему присутствію, которымъ, какъ

ей показалось, государь былъ недоволенъ. Я-же ничего не замѣтила. Императоръ былъ все также прекрасенъ и ослѣпительно молодъ, свѣжъ, какъ никогда. Мой братъ, лѣтъ на десять его моложе, говорилъ:—Да, онъ выглядитъ моложе меня.

Императоръ говорилъ о моей матери, съ которою познакомился у сестры ея, княгини Радзивиллъ; много говорилъ о Варшавѣ, къ которой пристрастился какъ къ новой фавориткѣ, о Вилановѣ, гдѣ нашелъ столько воспоминаній о великомъ королѣ Собѣсскомъ, и необыкновенно часто употреблялъ слово царство (royaume); но при всемъ томъ, съ неистощимою добротой замѣтилъ, что хотя Варшава и блистала своими празднествами и собравшимся дворянствомъ, видно, что вообще царство много претерпѣло и нуждается въ большихъ заботахъ и просвѣщенной отеческой администраціи.

Я спросила императора: правда-ли, что Лондонъ понравился ему больше Парижа:

— Да, сказалъ онъ, Парижъ показался мнѣ грязнымъ физически и морально.

Потомъ онъ сильно нападалъ на французовъ вообще, укоряя ихъ за вѣтренность, корыстолюбіе и т. д.

Я не удержалась и сказала: — По моему, государь, у французовъ та заслуга, что они оцѣнили всѣ ваши милости.

Александръ сильно покраснѣлъ и опустилъ голову.

— Признаюсь вамъ, что я поступалъ по чувству долга. Австрійцы и пруссаки желали пользоваться правомъ мести, но право это всегда казалось мнѣ ужаснымъ,—мстить надо только добромъ.

Въ тотъ же день дворянство дало балъ въ частномъ до-

мѣ, довольно низкомъ, дурно убранномъ, казавшемся какимъ-то кабачкомъ. Я сказала это государю, и онъ много смѣялся моимъ словамъ. Онъ провальсировалъ со мною и протанцовалъ кадриль съ г-жею Абрамовичъ, а потомъ шли оффиціальные полонезы.

Отецъ мой, зная, что императоръ остановится въ Товянахъ, придумалъ ѣхать туда со мною и моими братьями; дамы Марикони, которымъ я сообщила нашъ проэктъ, были отъ него въ восторгѣ, и обѣщали намъ подставныхъ лошадей на дорогѣ. Но видя холодность его величества, отецъ счелъ за лучшее не выставляться, и рѣшено было, что я поѣду туда съ теткой моей, графиней Косаковской, и моимъ зятемъ, графомъ Гунтеромъ.

Въ польскомъ я разсказала князю Волконскому о нашемъ проэктѣ, который слѣдовало считать не состоявшимся, такъ какъ государь долженъ былъ уѣхать на другое утро очень рано.

— Нѣтъ, сказалъ мнѣ князь, не теряйте надежды, я постараюсь запоздать отъѣздомъ.

До императора, шедшаго за нами, долетѣло нѣсколько словъ, и онъ спросилъ въ чемъ дѣло.

— Это маленькій заговоръ между нами, отвѣтила я.

Любопытствуя знать въ чемъ дѣло, Александръ пригласилъ меня на слѣдующій полонезъ, и я должна была признаться ему въ томъ, что мы затѣяли съ товянскими дамами.

Казалось, онъ былъ очень доволенъ, обѣщалъ выѣхать не слишкомъ рано и наговорилъ мнѣ тысячу любезностей, которыя я не повторяю ради ихъ преувеличеннаго смысла; такимъ образомъ мнѣ оставалось только сейчасъ же послѣ бала сѣсть въ хорошую карету, завернуться въ шубу и т. д.

Такъ и было сдѣлано, но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Карета наша сломалась, къ счастью недалеко отъ имѣнья тетки, и одинъ изъ ея арендаторовъ далъ намъ свою бричку, въ которую мы пресмѣшно нагрузились, не мало попортивъ наши вечерніе туалеты; верхнее платье мое было изъ зеленаго бархата, убранное блондами, и такая же шляпа съ зеленымъ марабу и все это было завернуто въ салфетку. Особенно смѣялись мы, что во весь переѣздъ съ послѣдней станціи до Товянъ, нашъ экипажъ принимали за царскій, и караульные, разставленные по дорогѣ, чтобы дать знать о его пріѣздѣ, бѣжали на встрѣчу намъ сломя голову, не смотря на нашъ страшный смѣхъ и крикъ. Не на столько же было темно, чтобы не отличить гадкую бричку отъ коляски; надо замѣтить, что императоръ путешествовалъ въ саняхъ, жалуясь, что и зимой выдумали дѣлать для него лѣтній путь, раскидывая по снѣгу паклю, что не мало затрудняло ѣзду въ саняхъ. Наконецъ, со смѣхомъ подъѣхали мы къ крыльцу, куда собралось все общество для встрѣчи императора.... Всѣ чуть не повернули спины при видѣ насъ—отъ разочарованія.

Только что успѣли мы перемѣнить туалеты, какъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ императоръ и очень удивился, найдя насъ уже на мѣстѣ, да еще послѣ такого приключенія, о которомъ ему уже было извѣстно. Удивило его еще и то, что наши лица не пострадали отъ зимняго вѣтра.«У меня лицо просто горитъ»сказалъ онъ. Императоръ не засталъ болѣе стараго графа; онъ умеръ. Доротею Марикони замѣнила ея сестра, графиня Фелиція Платеръ, прелестная особа. Дѣвица Грабовская, племянница графини Марикони, вышедшая замужъ за князя Константина Радзивила, так-

же отсутствовала. Императоръ разговаривалъ преимущественно съ дамами; я не имѣла возможности представить ему моего зятя, стоявшаго поодаль съ мужчинами. Александръ долго и съ явнымъ предпочтеніемъ говорилъ объ Англіи, о красотѣ тамошнихъ дѣтей и парковъ, гдѣ искусство украсило природу, и о мудрости ея государственныхъ учрежденій, уважавшихъ личность каждаго гражданина.

Былъ ужинъ; затѣмъ разошлись спать, кто могъ уснуть; тетка же моя и я, въ качествѣ хозяекъ, должны были разсказать нашимъ гостьямъ о Вильнѣ и тамошнемъ балѣ, и такимъ образомъ провели ночь опять безъ сна. А утромъ рано надо было уже быть на ногахъ, чтобы присутствовать при отъѣздѣ его величества. Я чувствовала такую усталость, что принуждена была выпить нѣсколько капель вина, чтобы возстановить силы. И такъ, я не имѣла мужества воина, какъ увѣрялъ меня когда-то императоръ. Когда я спросила его, что онъ прикажетъ мнѣ передать въ Вильну, онъ обратился къ дамамъ, прося ихъ быть судьями:

— Графиня не хочетъ дать мнѣ порученій въ Петербургъ, а требуетъ ихъ отъ меня въ Вильну.

Слова эти причинили мнѣ неизъяснимое огорченіе. Я и безъ того мучилась невозможностью сказать ему объ отцѣ и братьяхъ. А что могла я сказать? И отецъ, и мои братья были поляками, прежде чѣмъ стали русскими подданными; но съ другой стороны, они преступили присягу императору Александру. Онъ отличался великодушіемъ, онъ прощалъ, но не забывалъ. Память о прежнихъ милостяхъ, оказанныхъ моему отцу, и настоящая холодность къ нему помѣ-

шали мнѣ сказать то, что я намѣревалась... Неудовольствіе моего зятя, не присутствовавшаго при утреннемъ выходѣ государя, наконецъ, мысль объ упрекахъ, ожидавшихъ меня въ Вильнѣ по поводу моего молчанія, да и состояніе моихъ нервовъ,—все это окончательно разстроило меня. Чувствуя, что это должно чѣмъ нибудь разразиться и видя дверь, ведущую въ столовую, отворенною, я поспѣшно вошла туда, чтобы отереть глаза и немного прійти въ себя, но императоръ, замѣтившій необыкновенное мое смущеніе, послѣдовалъ за мною, чтобы узнать что со мною случилось.

Кажется, теперь былъ случай откровенно высказаться предъ его величествомъ и вѣроятно, это не оскорбило бы его; но у меня не хватало храбрости. Что за странный характеръ у меня! Большая нравственная энергія и неожиданная застѣнчивость, много вредившая мнѣ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ качествѣ хозяйки дома, и княгиня подошла ко мнѣ; я объяснила мое нездоровье усталостью отъ безсонницы и дороги. Императоръ, возвратясь въ залу, по добротѣ своей замѣтилъ, что слишкомъ жаркій воздухъ въ комнатѣ дурно подѣйствовалъ на меня, и что онъ также передъ сномъ приказалъ открыть окно въ своей комнатѣ.

Но нервы мои все еще не успокоились. У меня сдѣлалось сильное сердцебіенье,я готова была расплакаться, и вмѣстѣ съ доброй графиней Фелиціею Платеръ удалилась въ бильярдную, гдѣ мы сѣли въ углубленіи окна. Подруга моя не переставала говорить:—ради Бога успокойтесь, вы испортите вашу репутацію, и никогда не выдите замужъ.

Эта мысль о замужествѣ въ данную минуту до того по-

казалась мнѣ смѣшною, что я расхохаталась такъ, что графиня не знала что придумать для моего успокоенія.

Императоръ уже въ дорожномъ платьѣ поверхъ формы, подошелъ къ намъ и спросилъ подвержена ли я истерикамъ. Я отвѣчала, что вообще очень нервна, что подтвердила и г-жа Платеръ.

Императоръ задумался, лице его выражало сомнѣніе и удивленіе. Я-же, оправившись, пришла въ отчаяніе отъ боязни показаться смѣшною въ глазахъ государя, такъ какъ онъ могъ подумать, что я разыграла эту сцену для того, чтобы заинтересовать его, или же что я была безъ ума отъ него; такъ или иначе онъ могъ найти меня смѣшною и это, конечно, не могло быть для меня пріятно! Объ остальныхъ присутствовавшихъ, о толпѣ, я ни мало не заботилась. Никто не зналъ, какъ было разстроено мое здоровье вслѣдствіе ужасныхъ сценъ и картинъ 1812 года. При прощаніи, императоръ въ шутку поставилъ меня часовымъ подлѣ г-жи Марикони, чтобы помѣшать ей выйти; но садясь въ сани, замѣтилъ насъ на подъѣздѣ и закричалъ:

— Часовой не исполнинъ свою обязанность.

На что я отвѣчала, смѣясь:— государь, противъ меня употребили силу. Этимъ я все сказала.

Остальную часть дня я была очень весела и много болтала. Добрая генеральша сказала мнѣ: —теперь вы умница.

— Ахъ! милая маменька, и вы противъ меня, вскричала я, да что-жь вы думаете обо мнѣ.

Зачѣмъ было мнѣ оплакивать отъѣздъ государя, который возвращался въ Петербургъ счастливымъ и торжествующимъ, если я не пролила ни одной слезы когда импе-

раторъ ѣхалъ пытать счастье на войнѣ. Ядро, убившее Моро подлѣ него, могло также и его задѣть.

XXIV.

Авторъ снова видится съ Александромъ въ Варшавѣ на балѣ.—Посѣщеніе императора.—Его расположеніе къ польской арміи. — Тетка моя княгиня Радзивиллъ и ея сынъ, князь Антонъ, тайный супругъ прусской принцессы Луизы. — Приглашеніе императора посѣтить Петербургъ.—Обѣдъ у Новосильцева.—Шутка и споръ императора съ теткой автора. — Балъ и вальсъ съ англичаниномъ.—Шутка императора.—Онъ вальсируетъ съ авторомъ. — Большой смотръ. — Прощальный визитъ Александра.—Его разговоръ о генералѣ Вальмоденѣ. — Нравоученія.—Фаворитка великаго князя Константина, Жозефина.

На слѣдующій годъ я снова увидѣла императора въ царствѣ, которымъ онъ такъ гордился, однимъ словомъ — какъ своей побѣдой. Я возвращалась изъ Германіи съ водъ съ моимъ отцомъ, и согласилась остановиться на три недѣли въ Варшавѣ, но сохраняя инкогнито и не представляясь ко двору. Меня печалила мысль появиться въ блестящемъ свѣтѣ безъ покровительства, безъ нѣжной поддержки отца или матери. Успѣхъ пріятенъ только тогда, когда и родители имъ наслаждаются: иначе кому-же могла я желать нравиться. Тетка моя вывезла меня на балъ къ намѣстнику и представила меня императору, который, танцуя со мною, разговаривалъ весьма милостиво и пожалъ мнѣ руку съ такою робостью, какой я и теперь не могу понять; я тоже чувствовала себя неловко, потому что не находила выраженій, соотвѣтствующихъ тѣмъ, въ которыхъ онъ высказалъ удовольствіе при встрѣчѣ со

мною и свое желаніе по прежнему посѣтить меня; онъ просилъ ободрить его, потому что со мною надо было быть какъ-то слишкомъ серьезнымъ. Никогда я не была такъ глупа, но все же я совершенно просто сказала, что не скрываю радости снова видѣть его величество въ Варшавѣ. Онъ не безъ кокетства обратилъ мое вниманіе на свой польскій мундиръ. Я сказала, что уже видѣла ее.

— Гдѣ же?

— Изъ моего окна, на Саксонской площади во время парада.

— Какъ же это я такъ смотрѣлъ и не замѣтилъ васъ.

На послѣ завтра, оканчивая свой туалетъ, чтобы идти обѣдать къ матери—а обѣдали тогда въ два часа,—я замѣтила карету государя, запряженную четверкой и въѣзжавшую въ ворота, надъ которыми находились двѣ дрянныя комнаты, мною занимаемыя.

— Боже мой,вскричалая, какъ это досадно, императоръ пріѣхалъ, не предупредивъ меня о томъ.

Онъ только тѣмъ и занимался въ Варшавѣ, что заставалъ дамъ, которыхъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ,за ихъ туалетомъ, одну въ папильотахъ, другую только что взявшую ванну, которую въ китайскомъ шлафрокѣ, которую въ пеньюарѣ и т. п. Это очень забавляло его.

Я надѣялась, что его величество подымется къ моей матери, занимавшей прекрасное помѣщеніе. Онъ просилъ у меня позволенія пріѣхать, и въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ прямо ко мнѣ и дѣвушка моя едва успѣла собрать всюду раскиданныя платья. Замѣтивъ мое смущенье, его величество сказалъ:

— Мой камердинеръ полякъ точно сказалъ мнѣ, что вы здѣсь живете. Послѣ мы пойдемъ къ вашей maman.

Но мать моя поспѣшила спуститься, и я увидѣла повтореніе той сцены цѣлованія руки, о которой смѣясь разсказывалъ мнѣ императоръ, когда при прощаніи въ Товянхъ, мать моя никакъ не хотѣла согласиться, чтобы императоръ поцѣловалъ ей руку, которая у нея была очень хороша—«какъ и ваша», добавилъ государь. Его величество началъ разсказывать моей матери о моемъ поступкѣ въ 1812 году(все та же исторія съ шифрами):

— И я, ивсѣ наши почувствовали уваженіе ее къ вашей дочери за этотъ поступокъ, сказалъ онъ.

Потомъ заговорили о польскомъ войскѣ, которымъ императоръ такъ восхищался, не смотря на свою взыскательность. Я не могла не посмѣяться надъ послѣднимъ.—

Какъ, сказалъ онъ,вы думаете,что я не взыскателенъ, и не могу даже разсердиться.

На это я замѣтила, что это ему только такъ кажется. Тогда съ видомъ капризнаго ребенка онъ отвѣчалъ:

— «А развѣ вамъ не говорили о нагоняѣ, который я задалъ виленскому гарнизону.

Я отвѣчала, что мнѣ сообщили о томъ по возвращеніи изъ Товянъ, и что я сожалѣла, что не была свидѣтельницей сцены, такъ превосходно разыгранной. Онъ началъ смѣяться, и, обратясь къ моей матери, сказалъ:

— Ваша дочь смѣется надо мной.

— Это потому государь, что она вами избалована, отвѣтила моя мать, улыбаясь.

Вотъ въ чемъ было дѣло: императоръ, желая замедлить отъѣздомъ, какъ обѣщалъ мнѣ это и не зная, какъ убить

время, вздумалъ сдѣлать утромъ парадъ на площади городской думы. Это было такъ неожиданно, что солдаты не успѣли хорошенько приготовить и вычистить ружья; вина пала на бѣднаго генерала, которому императоръ сдѣлалъ выговоръ; но послѣ парада онъ призвалъ его въ свой кабинетъ и увѣрилъ, что не забудетъ двадцать или тридцать лѣтъ его службы.

Мы сказали императору, что тетка моя должна пріѣхать къ намъ обѣдать, и конечно, будетъ много кричать, найдя его у насъ. У нея была привычка слегка вскрикивать въ разговорѣ.

Пусть не кричитъ, сказалъ государь, она сама прокралась ко мнѣ неожиданно по потаенной лѣстницѣ.

Дѣло въ томъ, что, пріѣхавъ во дворецъ къ супругѣ министра двора, тетка моя увидѣла императора прогуливающимся по террасѣ; она подошла къ нему и его величество проводилъ ее въ свои аппартаменты.

Въ эту самую минуту дверь отворилась во всю свою ширину, и тетка моя, опираясь на руку сына, князя Антона Радзивилла, величественно вошла, испуская свои обычные крики.

— Какъ, прежде меня, и еще въ такихъ ужасныхъ комнатахъ! сказала она.

— Я не для того пріѣхалъ, чтобы любоваться комнатами, отвѣтилъ государь.

Князь Антонъ хотѣлъ поцѣловать руку государя, но тотъ ласково обнялъ его. Мой кузенъ передалъ его величеству привѣтствіе отъ короля прусскаго.

Князь Антонъ былъ женатъ на одной изъ принцессъ прусскаго королевскаго дома, сестрѣ принца Людвига, уби-

таго подъ Іеной, и не тайно, потому что она носила фамилію Радзивиллъ, и мать мою называла въ своихъ письмахъ теткой, когда извѣщала ее о рожденіи или вступленіи въ бракъ котораго-нибудь изъ своихъ дѣтей.

Возвращаясь съ водъ, мы остановились на два дня въ Познани, гдѣ кузенъ мой былъ вице-королемъ, и были приняты принцессой самымъ радушнымъ образомъ; экипажъ ея былъ въ нашемъ распоряженіи, для насъ дѣлались обѣды, балы и т. д. Конечно, бракъ этотъ былъ по склонности; кузенъ мой былъ очень хорошъ собою, талантливъ, прекрасный віолончелистъ, игравшій даже дуэтъ съ Ромбергомъ. Онъ хорошо рисовалъ портреты карандашомъ и хотѣлъ сдѣлать также и мой.

Позже я увидѣлась съ принцессой въ Берлинѣ; она все еще была въ траурѣ по мужѣ. Я написала ей, могу ли видѣть ее, и отдала мое письмо разсыльному. Онъ взялъ и, качая головой, сказалъ наконецъ:

— Сударыня, это такъ недѣлается. Надо написать къ одной изъ статсъ-дамъ, чтобы получить аудіенцію.

Я улыбнулась и сказала:

— Вы все таки снесите письмо, мой любезный.

Какъ же былъ удивленъ этотъ разсыльный, когда принесъ мнѣ собственноручное и прелюбезное письмо отъ принцессы:

«Графиня!

«Я очень признательна вамъ за то, что вы не проѣхали Берлинъ, не доставивъ мнѣ удовольствія видѣть васъ. Я сохраняю воспоминанія о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ съ вами въ Познани. Семейство моего мужа, а вы тѣмъ болѣе, имѣете право на мою привязанность. Дочь моя

все еще хвораетъ, почему я прошу васъ обѣдать къ себѣ послѣ завтра. Я желала бы назначить завтра, но я все еще слаба вслѣдствіе долгой болѣзни и слишкомъ измучена, а потому не надѣюсь видѣть васъ скорѣе. И такъ, я разсчитываю на удовольствіе видѣть васъ послѣ завтра.

«А пока примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи вамъ преданной кузины Луизы прусской, княгини Радзивиллъ».

Отецъ мой, возвращаясь однажды съ водъ, захворалъ въ Дрезденѣ, и принцесса Луиза, тамъ находившаяся, узнавъ о его нездоровьи, послала къ нему своихъ маленькихъ дѣтей съ ихъ бонной-англичанкой.

Въ 1813 году, графъ Пржездецкій, двоюродный братъ князя Антона Радзивилла, будучи раненъ въ сраженіи, былъ принятъ во дворецъ принцессы и пользовался тамъ уходомъ. Жена въ поискахъ за нимъ пріѣхала въ Берлинъ. Графъ, стоя у окна, узналъ ея маленькую желтую карету и лошадей и сталъ кричать:

— Это моя жена, это она!

Думали, что онъ потерялъ сознаніе; но по просьбѣ его побѣжали за каретой, чтобъ остановить ее. Графиня Пржездецкая нашла своего мужа и раздѣлила съ нимъ радушное и сердечное гостепріимство принцессы. Можно ли быть болѣе любезною, болѣе доброю.

На этотъ разъ я не видѣла ея старшей дочери Ванды; она хворала. Бѣдная Ванда, она пользовалась расположеніемъ наслѣднаго принца, и императрица Александра, интересуясь счастьемъ своего молодаго брата, ходатайствовала объ этомъ бракѣ предъ королемъ, въ надеждѣ, что юная княжна будетъ усыновлена однимъ изъ членовъ ко-

ролевскаго семейства. Неумѣстная гордость моего кузена разстроила этотъ бракъ. Онъ сказалъ:

— Затѣмъ же дочери моей отказываться отъ имени ея отца? У меня была бы кузина на прусскомъ престолѣ. Юный принцъ утѣшился, женившись на принцессѣ Веймарской. Бѣдная и интересная Ванда умерла отъ сухотки.

Его величество хвалилъ мою ужасную комнату, подставлялъ всѣмъ стулья, даже моей маленькой собачкѣ, говоря, что и она желаетъ быть въ нашемъ обществѣ; императоръ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа; болтали и смѣялись всѣ мы вмѣстѣ; можно было подумать, что тутъ собрались все очень близкіе люди. Говорили о предстоящей свадьбѣ великаго князя Николая съ прусскою принцессой Шарлотой; бюстъ ея я видѣла въ Познани; и принцесса Луиза, и она показались мнѣ прелестными; императоръ очень хвалилъ ея характеръ, любезный и мягкій. Онъ сказалъ моей теткѣ:

— Когда вы пріѣдете въ Петербургъ, пріѣзжайте съ вашей племянницей; я вамъ дамъ еще камешковъ для вашей Аркадіи.

Эти камешки были обелиски и гранитыя колонны.

— Боже мой! отвѣчала тетка, я очень хотѣла бы съѣздить въ Петербургъ съ моей племянницей, но вѣдь меня не выпустятъ отсюда. Потрудитесь, ваше величество, прислать мнѣ форменный приказъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ государь, я вамъ пришлю маленькій приказикъ.

Потомъ тетка моя заговорила о свиданіи на террассѣ. Одинъ Тассъ могъ описать его. Императоръ казался Ринальдомъ при лунномъ освѣщеніи; о, зачѣмъ я не была Ар-

мидой! Императоръ съ легкимъ нетерпѣніемъ прервалъ ея комплименты:

— Оставьте вашу поэзію, я никогда еще не читалъ посвящаемыхъ мнѣ стиховъ. Поговоримъ лучше о парадѣ, какъ вы нашли моихъ солдатъ?

Княгиня высказала ему свое мнѣніе и нашла, что великій князь Константинъ сіялъ радостью и гордостью на маневрахъ.

— Вы не жалѣете для нихъ вашу Гаренну(очень хорошенькая вилла моей матери въ окрестностяхъ Варшавы).

Императоръ сказалъ это шутя и слегка толкнувъ меня, чтобы обратить мое вниманіе на княгиню, которая не замедлила пожаловаться, что только что купленный ею домъ былъ занятъ военнымъ постоемъ.

Императоръ всталъ со словами:

— Нѣтъ хорошаго общества, которое бы не приходилось покинуть, и прибавилъ, что ему пора ѣхать во дворецъ, гдѣ ребята, то есть военные ждутъ его къ обѣду.

Мы проводили государя до его кареты и тетушка не переставала твердить:

— Красавецъ, обожаемый, единственный, любезный,— а вслѣдъ за нею и всѣ мы.

Князь Антонъ также обѣдалъ у моей матери, гдѣ и тетка моя любила обѣдать, такъ какъ отецъ мой привезъ своего повара, котораго всюду возилъ съ собою, даже въ Парижъ; она называла эти обѣды Лукулловыми пиршествами, что впрочемъ не особенно льстило моему отцу, который не считалъ своею обязанностью угощать свою свояченницу въ Варшавѣ. Послѣ обѣда тетушка получила записку отъ Новосильцева, императорскаго коммиссара въ Вар-

шавѣ, того самаго, который, будучи осыпанъ милостями императора, сказалъ ему однажды, съ полнымъ безстыдствомъ:

— Государь, я весь въ долгу.

— Очень сожалѣю, отвѣтилъ императоръ, повернувъ ему спину.

Новосильцевъ приглашалъ княгиню къ обѣду на завтрашній день съ ангеломъ изъ ангеловъ, и просилъ привезти ея племянницу, такъ какъ это доставитъ удовольствіе императору.

Мать моя и я тотчасъ же догадались, кто былъ виновникомъ этого приглашенія. Новосильцевъ едва зналъ меня. Сколько доброты и деликатности даже въ косвенномъ вниманіи! Мнѣ было просто стыдно. Чѣмъ болѣе меня возвышаютъ, тѣмъ болѣе я сама себя умаляю, но въ противномъ случаѣ, о, какъ умѣю я себя возвысить!

Въ Варшавѣ нашлось бы болѣе ста прекрасныхъ женщинъ, лучше меня, и гораздо болѣе достойныхъ всѣхъ этихъ милостей нашего дорогаго государя. Что касается ума, я никогда не искала случая блистать имъ, и, разговаривая съ Александромъ, только тѣмъ и была занята, что слушала его, боясь проронить малѣйшее слово и не внести его въ свой журналъ; въ короткихъ разговорахъ съ нимъ съ глазу на глазъ я робѣла и смущалась, что мѣшало его любезности; и до сихъ поръ еще я задаю себѣ вопросъ, чѣмъ могла я заслужить столь почетное и постоянное расположеніе.

Тетка заѣхала за мною. Я поѣхала, запыхавшись отъ скораго одѣванья, которое происходило въ присутствіи не знаю сколькихъ лицъ: мать моя, желавшая быть при мо-

емъ одѣваньи, горничная моя—всѣ были заняты; одна прикалывала шифръ, другая дошивала блондовый уборъ, третья застегивала жемчужное ожерелье; я задыхалась и раскраснѣлась отъ всей этой суеты. На мнѣ было лиловое газовое платье, затканное лиловыми же лентами и широкими блондами, а на головѣ гирлянда изъ виноградныхъ листьевъ и гроздей.

Когда мы пріѣхали къ Новосильцеву, онъ, какъ истинный царедворецъ, тотчасъ подошелъ къ моей теткѣ благодарить ее за то, что она привезла меня. Все министерство и много сенаторовъ были уже тутъ, но изъ дамъ была только супруга намѣстника г-жа Соболевская, жена польскаго министра-президента въ Петербургѣ, и племянница Новосильцева, которая исправляла обязанность хозяйки дома. Я скоро познакомилась съ нею и г-жею Соболевскою, потому что мы всѣ три были здѣсь по одной и той же причинѣ и всѣ три трепетали. Г-жа Н... ободрила меня, сказавъ, что императоръ назвалъ меня одну изъ первыхъ, когда дядя ея спросилъ его: можетъ ли пригласить дамъ.

Вскорѣ возвѣстили о пріѣздѣ его величества. Новосильцевъ съ племянницей пошли на встрѣчу государя, который сейчасъ же подошелъ къ дамамъ. Сестра моя писала мнѣ потомъ, что по поводу этого обѣда съ четырьмя дамами, явилось у меня много завистницъ.

Императоръ спросилъ меня, была ли я на послѣднемъ смотру, думая, что Морфей помѣшалъ мнѣ видѣть его. Онъ хотѣлъ знать, знакомы ли мнѣ окрестности Варшавы. Я отвѣчала, что дурная погода помѣшала мнѣ объѣздить ихъ, но что вообще я предпочитаю окрестности Вильны. Онъ согласился со мною, понявъ мою мысль, и улыбнулся.

Его величество занялъ мѣсто за столомъ между супругой намѣстника и г-жею Н...; тетка моя сѣла подлѣ великаго князя, который увѣрялъ ее, что я не отвѣтила ему на поклонъ:

— Скажите вашей племянницѣ, прибавилъ онъ, чтобъ она не скупилась на поклоны.

Та передала мнѣ эти слова черезъ столъ, и я смѣясь сдѣлала ему три или четыре поклона. Генералъ Уваровъ сидѣлъ подлѣ меня и говорилъ мнѣ глупости, заставлявшія меня помирать со смѣху, а лейбъ-медика государя Вилліе только пожимать плечами; одинъ егерскій полковникъ (государь былъ въ этой формѣ) выучился спрягать по польски глаголъ любить въ честь меня, и генералъ спрягалъ его также. Обѣдъ былъ отвратительный, и все кушанье холодное.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ залу. Императоръ разговаривалъ съ моей теткой,стоя у камина,а я въ отдаленіи—съ почтеннымъ генераломъ Заіончекомъ. Услышавъ, что императоръ позвалъ меня, я подошла; онъ сказалъ мнѣ:

— Просите тетушку, чтобъ она показала вамъ свои дома.

Я думала, онъ говоритъ о Гарентѣ, но оказалось, что онъ намекалъ на ея городскіе дома, и сказалъ, что тетка моя принесла ихъ въ пользу государства, и что въ благодарность она получитъ шляпу и амазонку изъ форменнаго сукна. Княгинѣ не совсѣмъ понравилась эта шутка (признаться и мнѣ также); но она не выказала своего неудовольствія, такъ какъ хотѣла просить государя прирѣзать отъ казенныхъ земель четыре версты къ ея Аркадіи, взамѣнъ чего согласилась платить въ казну 150 франковъ ежегодно.

Это важное дѣло уладилось забавно. Мы смѣялись какъ помѣшанные. Только что княгиня начала по русски: «Скажи мнѣ, что Радзивиллова хочетъ»... какъ императоръ прервалъ ее, приказавъ Новосильцеву исполнить все, что ему скажетъ княгиня Радзивиллъ. Я замѣтила, что трудно было испросить бо́льшаго, сказавъ такъ немного.

— Конечно, сказалъ министръ, я долженъ сдѣлать все, что скажетъ княгиня, если его величество приказалъ мнѣ.

— Не моя вина, отвѣтила княгиня, что я не могла покончить это дѣло съ двумя примасами и съ Даву. Они всѣ слетѣли; но вы, государь, я надѣюсь, не слетите.

Императоръ сталъ увѣрять, что постарается, и надо было видѣть, какъ серьезно онъ защищалъ свои интересы, говоря, что на четырехъ-верстномъ разстояніи можетъ произвести маневры всей польской арміи. Не знаю хорошенько, чѣмъ дѣло кончилось.

Во время пребыванія государя въ Варшавѣ было много баловъ, обѣдовъ, смотровъ, и я должна была присутствовать на нихъ, не смотря на нелюбовь мою къ праздникамъ и развлеченіямъ, оставлявшимъ какую то пустоту въ моей душѣ.

На одномъ балѣ, когда я вальсировала съ однимъ знакомымъ англичаниномъ, г. Вэнвортъ де-Бьюмонтъ, императоръ, провальсировавъ съ красавицей Замойской, подошелъ ко мнѣ сказать, что я сотворила чудо, заставивъ Вэнворта вальсировать въ тактъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одинъ англичанинъ не вальсировалъ еще въ тактъ. Такъ какъ государь пригласилъ меня на нѣсколько туровъ, я сказала, что онъ хочетъ вѣрно удостовѣриться. Его величество отвѣтилъ, что хочетъ также

хорошо провальсировать, какъ англичанинъ, и послѣ двухъ туровъ спросилъ меня, такъ-ли онъ танцуетъ. Я отвѣчала, что Вэнвортъ будетъ польщенъ такимъ сравненіемъ. Его величество утверждалъ, что нѣтъ большой заслуги хорошо вальсировать со мною. Дѣло въ томъ, что императоръ вальсировалъ дѣйствительно хорошо, и говорили, что онъ особенно охотно танцуетъ съ г-жею Замойской и со мною, потому что обѣ мы были большаго роста и стройны.

Когда я спросила его величество, доволенъ ли онъ сегодняшнимъ смотромъ, онъ сказалъ:

— Да, а вамъ это доставило удовольствіе?

— Государь, еслибъ я была полька—да, но какъ литвинка, я ощущала боль и зависть.

Онъ тотчасъ понялъ мою мысль и, продолжая идти со мною въ польскомъ, выразительно пожалъ мнѣ руку и торжественно прибавилъ:—Будьте покойны, это дѣло сдѣланное.

Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ въ полголоса, боясь быть услышаннымъ слѣдовавшими за нами. Онъ увѣрялъ меня, что и мы будемъ имѣть такое же войско въ Литвѣ, и такую же организацію, какъ въ царствѣ:—Вы уже найдете литовскихъ губернаторовъ и т. д. А я увѣряла императора, что и онъ найдетъ тамъ тоже усердіе, и что, конечно, литовцы ни въ чемъ не уступятъ полякамъ. Я добавила, что будутъ очень скорбѣть, если его величество станетъ думать, что онъ больше любимъ въ Варшавѣ, нежели въ Литвѣ. Александръ удостоилъ меня успокоительными словами, прося не компрометировать его передъ своими, какъ будто всѣ мы не были своими, какъ поляки, такъ и литовцы. Эта разница возбуждала во мнѣ раздумье. Быть

можетъ, это было невольно, безъ разсчету, но происходило изъ нравственнаго и внутренняго убѣжденія.

Прежде чѣмъ уѣхать изъ Варшавы, государь просилъ у меня позволенія пріѣхать проститься. Наканунѣ отъѣзда, было уже два часа, и я потеряла надежду на его посѣщеніе, какъ вдругъ раздался крикъ маленькаго русскаго форейтора. Мой отецъ, бывшій у меня, едва успѣлъ убѣжать и спрятаться за ширмой у моей Викторіи. Человѣкъ спросилъ внизу ли я, и его величество тотчасъ же вышелъ изъ экипажа и оступился въ дверяхъ. Къ счастію, я не видала, какъ онъ упалъ. Онъ никогда не простилъ бы мнѣ этого; подобнаго случая было достаточно чтобы навлечь на себя немилость государя, а чѣмъ была бы я виновата?

Войдя, Александръ поблагодарилъ меня за мою доброту и просилъ считать его за стараго друга. Онъ спросилъ, была ли я на парадѣ, который прошелъ очень хорошо, такъ какъ австрійскій генералъ Вальмоденъ не могъ придти въ себя отъ удивленія, видя столько прекрасныхъ полковъ, обученныхъ въ столь короткое время. Императоръ съ гордостью сказалъ:

— Я не хочу порвать добрыя сношенія между двумя державами, но еслибъ представился случай, они подрались бы хорошо.

Изъ-за Галиціи,—подумала я про себя. Потомъ императоръ рѣшился спросить у меня, нѣтъ ли какихъ плановъ на счетъ моего замужества, и сказалъ, что онъ говорилъ о томъ и съ теткой моей, но она сказала ему, что я всѣмъ отказывала.

— Вы имѣете полное право быть разборчивою, прибавилъ онъ, но нѣтъ ли кого-нибудь на столько счаст-

ливаго, кто нравился бы вамъ; какъ бы я желалъ видѣть васъ замужемъ и счастливой на столько, на сколько вы того достойны.

Дорогой, добрый государь! Онъ и не зналъ, что эти дружескія и невинныя посѣщенія перетолковывались не въ мою пользу и лишили меня единственной партіи, которая удовлетворяла бы потребностямъ моего сердца.

Я отвѣтила государю только глупостью, что сердцу нельзя приказывать. Я сказала ему и то, что говорила прежде отцу и чѣмъ я тронула послѣдняго, ибо онъ любилъ императора, а именно, я выразила сожалѣніе, что я не мужчина и не могу сформировать на свой счетъ особый полкъ для службы ему.

— О! не называйте себя существомъ безполезнымъ, сказалъ Александръ. Какъ женщина вы можете дѣлать столько добраго—вліяніемъ примѣра и благоразумія и т.д. При этомъ онъ сталъ говорить о нравственности, религіи и о силѣ утѣшенія, которое она приноситъ въ несчастіи, о притягательной силѣ нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ особъ, такъ что подлѣ нихъ и дышется какою-то особою нравственною атмосферою (онъ увѣрялъ, что вычиталъ гдѣ-то это выраженіе), тогда какъ другія при всей своей любезности отталкиваютъ отъ себя, потому что симпатія душъ существуетъ только при нравственномъ сходствѣ. За первой ошибкой идетъ другая, и такъ катишься и скатываешься въ пропасть.

Я очень удивилась, узнавъ впослѣдствіи, что эти мысли пришли ему въ голову по поводу одного завтрака, съ котораго онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и на который его приглашалъ великій князь. Завтракъ этотъ происходилъ у одной фран-

цуженки, къ которой благоволилъ великій князь. Эта особа бывала у моей тетки и однажды, во время своего утренняго визита, сказала ей:

— Если я вамъ надоѣла, княгиня, скажите только: Жозефина уйдите.

И вотъ, однажды мы съ матерью застали княгиню немного озабоченною.

— Отъ меня только что уѣхала Жозефина, сказала она; она взяла съ меня обѣщаніе представить ее въ лучшія дома Варшавы, и я не смѣла отказать ей ради ея покровителя.

Мы ахнули, зная гоноръ варшавскихъ дамъ.

— Вамъ запрутъ всѣ двери, сказала моя мать сестрѣ, и это еще хорошо, а то ваше имя будетъ уже неразрывно съ именемъ этой фаворитки.

Тетка моя сдалась на наши убѣжденія.

— Я напишу Жозефинѣ, сказала она что не могу перебивать у супруги намѣстника право, которое принадлежитъ ей.

И въ самомъ дѣлѣ, Жозефина обратилась со своею просьбой къ генеральшѣ Заіончекъ; но та, какъ ловкая женщина, нашла нужнымъ спросить разрѣшеніе государя, а государь въ свою очередь сказалъ ей, что съ этимъ торопиться не для чего.

Его величество заговорилъ со мной о поѣздкѣ въ Петербургъ.

— Въ случаѣ, если ваша тетка не поѣдетъ туда, не можете ли вы попросить вашу сестру сопровождать васъ.

Я возразила, что у сестры моей дѣти.

— Развѣ вы думаете, что съ дѣтьми нельзя ѣхать въ Петербургъ?

Я не смѣла сказать государю настоящую причину; се-

стра моя была не богата, а жизнь въ Петербургѣ очень дорогая. Тогда я осмѣлилась сказать ему о моемъ зятѣ. Императоръ пожалѣлъ, что въ Вильну и Минскъ уже были назначены губернаторы; онъ предложилъ Гродно, но это было неудобно для моего зятя.

О, какъ всѣ любили государя за то участіе, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ просьбамъ. Самые отказы его были такъ любезны, что видно было, чего стоило ему отказать.

Когда императоръ всталъ, я попросила позволенія позвать мою мать, но онъ хотѣлъ подняться къ ней самъ. Слуга, думая, что государь уѣзжаетъ, велѣлъ каретѣ подъѣхать, и отворилъ дверцу, собака моя вскочила туда, и ее съ трудомъ вынули изъ экипажа. Мать моя встрѣтила его величество, и онъ поговорилъ съ нею нѣсколько минутъ стоя. Я выразила ему желаніе имѣть перышко изъ его польскаго султана; онъ милостиво подалъ мнѣ свою шляпу: онъ уже привыкъ, что всѣ варшавскія дамы ощипывали его. Прощаясь, онъ обѣщалъ намъ пріѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Варшаву.

XXV.

Письмо автора къ императору.—Отвѣтъ Александра.—Пріѣздъ автора въ Парижъ.—Представленіе ко двору Людовика XVIII.—Возвращеніе въ Варшаву.—Визитъ императора Александра, безпокоющагося по поводу Франціи.—Сожалѣніе Александра о смерти герцога Беррійскаго.—Свадьба великаго князя съ Жаннетой Грудзинской.—Милости императора.

Во время моей свадьбы, когда я находилась въ Вильнѣ, ко мнѣ явился жидъ-продавецъ медалей и коммисіонеръ императора, чтобы передать мнѣ его привѣтствія и попро-

сить письма отъ меня. Дѣйствительно, я написала письмо его величеству, но не сохранила съ него копіи. Жидъ въ точности доставилъ мнѣ прелестный отвѣтъ, который я и помѣщаю здѣсь.

«Не вы, а я, сударыня, долженъ считать себя безко-«нечно счастливымъ, что получилъ позволеніе изъявить «вамъ письменно мою сердечную благодарность за преле-«стное письмо, полученное отъ васъ и доставившее мнѣ «живое удовольствіе. Такъ какъ я васъ глубоко уважаю, «то и желаю вамъ всякаго счастья, по случаю вашего бра-«косочетанія, совершенно искренно. Смѣю желать вамъ «того-же и въ предпринимаемомъ вами путешествіи. Да «руководитъ вами божественное провидѣніе и покровитель-«ствуетъ вамъ во всемъ. Сохраните меня въ вашемъ вос-«поминаніи и будьте увѣрены, что я вполнѣ его оцѣню. «Примите увѣренія въ моей къ вамъ почтительной пре-«данности».

«Александръ.

Прекрасный почеркъ, имѣлъ сходство съ моимъ. Письмо это было показано Людовику XVIII до моего представленія, почему, какъ я полагаю, я и удостоилась отъ него трехъ или четырехъ незначительныхъ словъ, показавшихся цѣлою рѣчью дамамъ, представлявшимъ меня королю, моимъ кузинамъ, женѣ графа Цезаря де-Шуазель, теперь въ замужествѣ за княземъ Юліемъ де-Полиньякъ, женѣ графа Августа де-Шуазель, рожденной Эгуа, португалкѣ.

При дворѣ замѣтили, что всѣ эти три дамы изъ фамиліи Шуазель были иностранки, и что я, высокая ростомъ, сравнительно съ моими маленькими кузинами, имѣла видъ жрицы окруженной дѣтями—пѣвчими.

Въ Парижѣ я узнала, что тамъ составляется списокъ многихъ кандидатовъ на должность посланниковъ въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы выборъ изъ числа ихъ предоставить самому императору Александру, и стала убѣждать мужа, чтобъ онъ попросилъ о внесеніи его имени въ этотъ списокъ. Лишенный всякаго честолюбія, и кромѣ того, боясь усложнить запутанность своихъ средствъ неизбѣжными расходами при большой представительности, графъ отказался, и тогда я взяла на себя смѣлость прямо обратиться къ самому императору, выразивъ ему, какъ-бы я была счастлива, если бы могла принести ему благодарность въ Петербургѣ. Просьба моя однако запоздала. Когда на слѣдующій годъ я увидѣла императора въ Варшавѣ, онъ сказалъ мнѣ, что письмо мое получилъ, когда уже остановилъ свой выборъ на г-нѣ де-ла-Ферроне, котораго зналъ; онъ говорилъ о немъ съ похвалой и выражалъ увѣренность, что назначеніе это будетъ пріятно королю, который такъ любезно представилъ ему право выбора.

Какъ всегда, во время пребыванія его величества въ Варшавѣ было много баловъ. На одинъ изъ нихъ я пріѣхала такъ поздно, что императоръ, не найдя меня (онъ по обыкновенію уѣхалъ въ одиннадцать часовъ), на другой день прислалъ человѣка узнать о моемъ здоровьи и увѣдомить, что утромъ же пріѣдетъ самъ навѣдаться о томъ же. Моя мать и я приняли государя въ прекрасномъ залѣ моей матери, у которой я и остановилась. Разговоръ шелъ все о политикѣ. Мнѣ показалось, что на императора произвело сильное впечатлѣніе, какъ онъ называлъ, «демагогическій духъ», царствовавшій во Франціи, которая казалась ему вѣчнымъ очагомъ революціи.

— Чего хотятъ французы, сказалъ онъ: страна ихъ прекрасная, климатъ превосходный, пользуются они всѣми благами небесными и земными и свободою на столько, на сколько могутъ благоразумно желать ее...

Онъ сожалѣлъ о трагической смерти герцога Беррійскаго, характеръ котораго, сказалъ онъ, измѣнился и представлялъ въ будущемъ гарантію счастія Франціи. Герцогъ Беррійскій держалъ себя вдали отъ трона.

Въ Варшаву пришло извѣстіе о рожденіи герцога Бордосскаго, названнаго Богомъ данный, и на него взирали какъ на поруку мира для Франціи и спокойствія для Европы. Окрещенъ онъ былъ, какъ и его кузенъ король Римскій, въ іорданской водѣ, и обоихъ этихъ державныхъ дѣтей постигла одинаковая участь—провести жизнь за предѣлами отечества, вдали отъ трона и мѣста рожденія.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ визитовъ императора ко мнѣ онъ говорилъ о женитьбѣ брата своего Константина на Жаннетѣ Грудзинской и о всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣтившихся при заключеніи этого союза, такъ какъ въ первомъ бракѣ великій князь былъ женатъ на одной изъ Кобургскихъ принцессъ (умершей въ Швейцаріи въ 1860 г.).

— Наконецъ однако братъ мой счастливъ, прибавилъ государь и счастливъ прочно; мнѣ не очень то нравилось его прежнее счастіе.

Императоръ хвалилъ характеръ Жаннеты.

Великій князь велъ себя очень благородно относительно своего тестя; онъ представилъ его Варшавѣ, посадивъ его, вмѣстѣ съ дочерью, на первыя мѣста въ коляски, а самъ сѣлъ напротивъ, какъ простой смертный. Поляки были польщены и многаго ждали отъ этого брака, но ничего не

вышло; княгиня только повторяла подругамъ своей юности:

— Я постараюсь сдѣлать его высочество на столько счастливымъ, чтобъ это отозвалось и на полякахъ.

Жесткій въ своемъ обращеніи съ красавицей Кобургскою принцессой,—чего та не могла снести, Константинъ угождалъ княгинѣ Ловичъ, бѣгая самъ, чтобъ заказать любимое ея мороженое или ванну по ея желанію.

Великій князь былъ вознагражденъ за свою службу, состоявшую въ обученіи польской арміи, тѣмъ что императоръ Александръ осыпалъ отличіями и превосходными подарками княгиню, его супругу. Прежде всего ей былъ данъ титулъ и богатое княжество Ловичское, съ четыреста тысячами франковъ дохода; затѣмъ въ имянины Константина ей пожалованъ былъ орденъ св. Екатерины, и когда она надѣла его, государь велѣлъ ей показаться великому князю; въ имянины княгини императоръ подарилъ ей богатое жемчужное ожерелье. Александръ не зналъ, чѣмъ удовлетворить великаго князя, отказавшагося отъ престола, хотя разница въ возрастѣ между ними была только на два года и шансы на долголѣтіе были одинаковы для обоихъ братьевъ. И все же при всемъ деликатномъ вниманіи, при всемъ величіи, для котораго княгиня не была рождена, она грустила. Надо было видѣть ее, какъ она скучала среди своей славы! Она еще любила танцовать, но никто ее не смѣлъ приглашать, да и съ баловъ надо было уѣзжать съ великимъ княземъ въ одиннадцать часовъ. Я какъ-то сидѣла съ ея матерью, когда она подошла съ своимъ печальнымъ видомъ проститься съ ней. Г-жа Грудзинская сказала мнѣ:

— Моя бѣдная дочь скучаетъ,—и обратясь къ генералу Станиславу Потоцкому, прибавила:—Зачѣмъ вы не приглашаете княгиню?

— Боюсь, отвѣчалъ генералъ, быть завтра подъ арестомъ! Если его высочество хочетъ, чтобъ его супруга танцовала, онъ долженъ насъ предупредить.

XXVI.

Прощальное посѣщеніе императора. — Александръ прислалъ автору поэму графа Капо д'Истрія къ генералу Поццо-ди-Борго.—Герцогъ Ришелье.—Аудіенція у Людовика XVIII.—Король недостаточно любезенъ.—Посмотрю, графиня.—Поэма.—Воспоминанія о французскихъ плѣнныхъ.—Протестъ автора.

Во время прощальнаго визита императора я хотѣла воспользоваться его добротою, чтобы получить рекомендательное письмо къ генералу Поццо-ди-Борго, его посланнику въ Парижѣ, прибавивъ, что считаю себя счастливою, если, благодаря покровительству государя, мнѣ будетъ хорошо и во Франціи.

Г-нъ де-Ришелье, министръ короля, бывшій тогда губернаторомъ въ Одессѣ и почти основатель ея, былъ весьма преданъ императору. Всѣмъ извѣстно, что по просьбѣ Ришелье, союзныя войска выступили изъ Франціи. Чрезъ его посредство я надѣялась получить для г-на Шуазеля пособіе по его званію пэра, что было необходимо для насъ при разстройствѣ его состоянія.

Императоръ обѣщалъ мнѣ предлинное письмо. По истинѣ, это была дипломатическая нота графа Капо д'Истрія къ генералу Поццо-ди-Борго:

«Графиня Шуазель-Гуфье, рожденная графиня Тизенгаузъ, извѣстна императору съ самой лучшей стороны. Она, имѣя фрейлинскій шифръ при представленіи Наполеону, во время его пребыванія въ Вильнѣ, въ кампанію 1812 г., не пожелала снять его, какъ то сдѣлали ея подруги, и на вопросъ Наполеона: зачѣмъ она носитъ его, отвѣчала (онъ не говорилъ этого: вотъ какъ сочиняется исторія), что на столько уважаетъ его, что никогда не сниметъ (дипломатическая фраза г-на Капо д'Истрія). Графиня Шуазель, а также и мужъ ея, имѣютъ поземельную собственность въ Россіи, вслѣдствіе того она ходатайствовала о милостивомъ соизволеніи государя императора на то, чтобы ваше превосходительство оказывали ей поддержку какъ передъ французскимъ правительствомъ, такъ и вообще во всѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ она можетъ находиться, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.— Его императорскому величеству, въ виду его уваженія къ этой особѣ, угодно было снизойдти къ ея просьбѣ и предоставить вашему превосходительству оказывать ей содѣйствіе вашими совѣтами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ полезно для успѣха ея намѣреній».

По возвращеніи въ Парижъ я поспѣшила доставить эту прекрасную депешу посланнику. Г. Поццо ди Борго тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, осыпалъ меня комплиментами и назвалъ историческимъ лицомъ: всѣ знаютъ, какую онъ питалъ ненависть къ Наполеону (ненависть Корсиканца). Но когда я хотѣла извлечь пользу изъ его добраго желанія, онъ въ качествѣ хорошаго дипломата, не прямо отказалъ мнѣ, но сказалъ, что герцогъ Ришелье прійдетъ въ ужасъ отъ одной просьбы о назначеніи пособія пэру и скажетъ, что если бы

Сена заструилась золотомъ, а не водой, то и при этомъ условіи она скоро изсякнетъ. Между тѣмъ фонды сената еще не были израсходованы, а какъ извѣстно, при Наполеонѣ I сенаторы получали по тридцати шести тысячъ франковъ ренты. Между тѣмъ теперь отказывали въ двѣнадцати тысячахъ пэру, не имѣвшему имѣнія во Франціи и потерявшему все свое состояніе во время революціи. Конечно, если бы графъ Шуазель обратился къ Наполеону такъ или иначе, императоръ улучшилъ бы его положеніе. Всѣмъ извѣстно его великодушіе къ эмигрантамъ.

Не видя ни отъ кого содѣйствія моей просьбѣ, я рѣшилась обратиться прямо къ высшей власти.

Я просила ауедіенціи у короля Людовика XVIII; она была назначена на завтра. Повѣренный графа Шуазеля, воображавшій себя литераторомъ, хотѣлъ написать мнѣ прошеніе. Я уже начала было одѣваться, а между тѣмъ прошенія все не было. Наконецъ, за часъ до аудіенціи повѣренный прислалъ мнѣ никуда негодную бумагу, безконечную, написанную тяжелымъ слогомъ, настоящій пандектъ. И я должна была, продолжая одѣваться, написать другое прошеніе, гораздо короче и моимъ прекраснымъ почеркомъ.

Я пріѣхала во-время въ Тюльери и остановилась на нѣсколько минутъ въ тронной залѣ, за-ново отдѣланной съ большимъ вкусомъ и роскошью; богатыя ліонскія ткани, всюду золото, превосходные гобеленовскіе ковры, плафонъ съ живописью, рѣзьбой и ослѣпительною позолотой; казалось, всѣ отрасли искусства соединились, чтобы сдѣлать эту залу достойною короля Франціи. Я прошла много комнатъ, даже спальню короля; наконецъ, камеръ-лакей рас-

крылъ передо мною дверь въ кабинетъ его величества, и я предстала предъ королемъ.

Людовикъ XVIII сидѣлъ за письменнымъ столомъ, въ голубой одеждѣ съ эполетами, въ бархатныхъ сапогахъ или гэтрахъ, накинувъ на плечи плащъ. Лицо его показалось мнѣ менѣе оживленнымъ, или лучше сказать, менѣе краснымъ, чѣмъ обыкновенно.

Послѣ трехъ обычныхъ реверансовъ, король жестомъ пригласилъ меня сѣсть въ кресло, стоявшее подлѣ стола. Невѣстка моя особенно старалась мнѣ внушить, чтобъ я выждала, когда король заговоритъ со мною, потому что наши государи—сказала она—боятся всегда, что къ нимъ не достаточно почтительны; и такъ, я ждала хотя самаго обыкновеннаго привѣтствія изъ королевскихъ устъ... Людовикъ XVIII молчалъ, я также. Онъ устремилъ на меня свои большіе голубые глаза; одну минуту мнѣ показалась, будто улыбка проскользнула по его темному и безжизненному лицу; но это было одно мгновеніе, и лицо его приняло тоже выраженіе. Точно будто я сидѣла противъ его тканаго гобеленовскаго портрета, недавно видѣннаго мною на послѣдней выставкѣ. Наконецъ, чтобы выйдти изъ этого положенія, становившагося смѣшнымъ, и боясь разразиться неприличнымъ смѣхомъ, я притворилась растроганною, но была совершенно покойна, и сказала:

— Ваше величество, извините мнѣ мое смущеніе; оно произошло отъ того, что я нахожусь въ присутствіи моего государя.

Я сказала это въ качествѣ жены француза и хотѣла прибавить: «и притомъ такого, какъ Людовикъ XVIII», но, замѣтя, что лицо его не проясняется, я удержалась отъ

комплимента. Онъ продолжалъ смотрѣть на меня, не проронивъ ни единаго слова; она какъ бы окаменѣлъ,—не была же я головой Медузы.... Наконецъ, я сказала твердымъ голосомъ, что пріѣхала просить его высочайшей милости графу Шуазель-Гуфье. Людовикъ XVIII жестомъ показалъ на прошеніе, которое я держала въ рукахъ. Я хотѣла снять перчатку, но онъ удержалъ меня, грубо сказавъ: «Нѣтъ, нѣтъ»! затѣмъ взялъ прошеніе, прочелъ его съ начала до конца и медленно проговорилъ:

— Я посмотрю, графиня.

Опять молчаніе. Я прервала его противъ всякаго этикета:

— Ваше величество, прикажете мнѣ удалиться?

Людовикъ XVIII наклонилъ голову и издалъ что-то въ родѣ ворчанья, которое я не могла понять; я встала, откланиваясь, сдѣлала три реверанса и вылетѣла легче птицы; право мнѣ казалось, что я вылетѣла на крыльяхъ, довольная окончаніемъ ауедіенціи, какъ будто король сказалъ мнѣ не «я посмотрю», а «все будетъ сдѣлано по вашему желанію»—Боже мой! подумала я, садясь въ карету: зачѣмъ я не могу передать всѣ подробности аудіенціи у Людовика XVIII императору Александру. Какъ бы отъ души посмѣялся этотъ милый сѣверный варваръ или скиѳскій царь, какъ дерзко позволялъ себѣ г-нъ Биньонъ называть русскаго императора въ своихъ пустыхъ политическихъ сочиненіяхъ.

Мнѣ представился тогда случай заступиться за Александра — противъ нападокъ только что вышедшаго сочиненія, въ которомъ говорилось объ императорѣ весьма неосторожно и несправедливо. Это была злая поэма, назван-

ная: Мои воспоминанія или французскіе плѣнные. Авторъ ея увѣрялъ, что императоръ Александръ преслѣдовалъ французскихъ плѣнныхъ въ 1812 г., и даже поляковъ, дававшихъ имъ у себя пристанище. Вотъ что я напечатала въ Journal des Debats:

«Любопытство заставило меня пробѣжать старыя воспоминанія молодаго еще солдата. Какъ полька, я могу быть только довольною авторомъ за выраженное или чувство благодарности моимъ соотечественникамъ; но какъ свидѣтельница событій ужасной кампаніи 1812 года, я не могла читать безъ негодованія нелѣпыя и гнусныя клеветы пущенныя противъ государя, который изъ всѣхъ своихъ славныхъ названій, преимущественно дорожилъ названіемъ друга человѣчества, который въ то время часто съ опасностью для своей жизни, жизни драгоцѣнной для Европы, великодушно подавалъ помощь несчастнымъ жертвамъ тщеславія. Слѣдовательно, несправедливо, рѣшительно не справедливо, чтобъ поляки, гостепріимно принимавшіе у себя французскихъ плѣнныхъ, подвергались преслѣдованію.

«Я прошу васъ, милостивый государь, помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ эту замѣтку для удовлетворенія моего и правды.

XXVII.

Авторъ письменно проситъ у Александра милости быть воспріемникомъ ея ребенка.—Графъ Шуваловъ назначенъ замѣнить его величество. — Затрудненія французскаго духовенства.

Послѣ рожденія моего сына я обратилась къ императору, прося его быть воспріемникомъ моего ребенка и не назна-

чать вмѣсто себя въ этомъ священномъ дѣлѣ г. Поццо-ди Борго. Я была зла на него за его неуслужливость относительно меня и узнала о его неблагодарности къ Александру, который покровительствовалъ ему, уважалъ его, тогда какъ онъ интриговалъ чтобы получить министерскій постъ во французскомъ правительствѣ, говоря съ презрѣніемъ о русскихъ и увѣряя графа Шуазель-Гуфье, что не можетъ запомнить ихъ варварскія имена. Не знаю почему императоръ не назначилъ на первый постъ въ мірѣ одного изъ вельможъ своей имперіи...

Александръ по свойственной ему мягкости, всегда уступалъ моей докучливости, согласился на мою просьбу и назначилъ вмѣсто себя воспріемникомъ моего сына графа Шувалова, бывшаго тогда въ Парижѣ. Я забыла сказать, что по случаю крестинъ онъ прислалъ мнѣ чудесный бриллiантовый фермуаръ, оцѣненный въ 6,000 фр. Это было лишнее.

Но что мы не предвидѣли, это сопротивленіе духовенства, не допустившаго, чтобы крестнымъ отцомъ ребенка было лицо, принадлежавшее къ православной церкви. Всякія попытки устранить это сопротивленіе были безполезны, и графъ Шуваловъ просилъ насъ считать его участіе въ этомъ дѣлѣ невозможнымъ.

Едва успѣлъ родиться мой сынъ, какъ кормилица его, француженка, сказала мнѣ:

— Сударыня, а вы не подумали еще о кошелькѣ для вашего маленькаго?

— Что такое, о какомъ кошелькѣ?

— Да какъ же, сударыня, семейство ваше богатое, и

такое большое, что складчина была бы хорошая для ребенка; у насъ обычай такой во Франціи.

— Но я ему слѣдовать не хочу! вскричала я, и долго этому не вѣрила, но три года спустя, находясь въ деревнѣ у друзей, услышала, какъ дочь ихъ, восьми или десятилѣтняя дѣвочка, спрашивала у моего сына:

— Сколько у тебя отложено денегъ? У меня пятьдесятъ франковъ въ кошелькѣ.

Мой бѣдный сынъ не имѣлъ еще понятія ни о кошелькѣ, ни о деньгахъ. Вотъ какъ необдуманно поселяютъ въ сердцѣ ребенка порокъ скупости.

Въ это время великое событіе занимало всѣ умы и, казалось, должно было привести къ какому-нибудь измѣненію въ Европѣ, быть можетъ, возвратить старыя времена крестовыхъ походовъ и возродить духъ рыцарства.

Не трудно догадаться, что я говорю о возстаніи грековъ, о ихъ геройскихъ усиліяхъ, привлекшихъ сочувствіе не одной религіи, но всѣхъ любителей чудеснаго, — всего, что возбуждаетъ и воспламеняетъ воображеніе прелестью воспоминаній, связанныхъ съ этою землей, нѣкогда славною во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ ждали, что русскій императоръ, какъ главный защитникъ православной церкви, объявитъ себя покровителемъ своихъ единовѣрцевъ, что онъ не устоитъ противъ желанія помочь грекамъ, изгнать турокъ изъ Европы и сдѣлаться властелиномъ такой прекрасной страны. Признаюсь, и я сердечно желала ему этой новой славы. Но политика европейскихъ государей взглянула иначе на это событіе. Въ усиліяхъ грековъ сбросить съ себя постыдное иго, тяготѣвшее надъ ними, видѣли только гибельный духъ революціи, сорокъ лѣтъ

уже подкапывающейся подъ престолы и низвергающей державы, основанныя закономъ и Божественною волей. Греки были оставлены, и Александръ долженъ былъ отказаться отъ славы, на которую надѣялся, чтобы поддержать миръ въ Европѣ. У Франціи были свои причины безпокойства. Испанія, ея сосѣдка и союзница,наканунѣ кровавой и разрушительной революціи, привлекала вниманіе всей Европы и особенно французскаго правительства.

XXVIII.

Поѣздка автора въ Варшаву.—Великій князь визируетъ паспортъ.—Пріѣздъ автора въ Вильну.—Визитъ Александра.—Озабоченность императора по поводу дѣйствій палаты депутатовъ.—Онъ хочетъ объявить войну Испаніи.—Дѣла оставленной Греціи.—Балъ въ городской думѣ.—Великій князь Николай.—Его государственная осанка.

Весною 1822 года я должна была по семейнымъ дѣламъ ѣхать въ Вильну. Какъ курьеръ скакала я день и ночь, и двѣ недѣли спустя, была уже въ Вильнѣ, а въ то время шоссе шло только до Лейпцига; очень усталая, я хотѣла добраться до Варшавы, удобной станціи для моего отдохновенія—у моей доброй матери. Подъѣзжаю къ заставѣ въ восемь часовъ вечера, показываю совершенно правильный паспортъ, но къ удивленію моему, вижу, что таможенные чиновники передаютъ его изъ рукъ въ руки, въ какомъ-то замѣшательствѣ. Наконецъ, мнѣ сказали, что по новому приказу великій князь самъ визируетъ французскіе и нѣмецкіе паспорты, для чего мнѣ нужно ѣхать въ Бельведеръ, лѣтнюю резиденцію великаго князя, не далеко отъ Варшавы; это заставило меня сдѣлать еще милю въ сто-

рону отъ мѣста моего назначенія. Меня очень раздражало это стѣсненіе, и я понять его не могла, но должна была покориться. Почталіонъ мой, не умѣя разговаривать съ моимъ человѣкомъ—французомъ, началъ сообщать мнѣ, что онъ уже не разъ возилъ пріѣзжихъ въ Бельведеръ, особенно дамъ, которыхъ оттуда посылали къ коменданту и тамъ ихъ раздѣвали и осматривали... Я подумала, что онъ просто болтаетъ, и мнѣ, конечно, достаточно будетъ показать мой паспортъ. У заставы мнѣ дали стражу, чтобы сопровождать меня до Бельведера.

Карета остановилась у рѣшетки, и меня попросили выйти. Думая, что я иду къ великому князю, я извинилась, что на мнѣ дорожное платье; но мнѣ сказали, что его высочество въ театрѣ, и ввели меня въ такъ называемую по русски канцелярію великаго князя, большую комнату, стѣны которой были голы и выбѣлены известкой, мебель состояла изъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, и кожаннаго чернаго дивана и стульевъ. Офицеръ, говорившій по французски, объяснилъ мнѣ, что тутъ я должна дожидаться его высочества.

— Но послушайте, сказала я офицеру, въ надеждѣ, что меня освободятъ изъ этого заключенія,—вѣдь я не иностранка, его величество и его высочество лично знаютъ меня, я принадлежу къ большому двору и т. д.

Напрасно я говорила и выставляла всѣ мои права; офицеръ пожалъ плечами и поспѣшно вышелъ, оставивъ меня въ этой дурно освѣщенной комнатѣ подъ стражей двухъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ, прямо, почти неподвижно; чтобы пробыть три часа въ такомъ положеніи, они возбуждали себя, нюхая табакъ. Моя горничная тщетно ждала

меня въ каретѣ. Мой бѣдный человѣкъ шагалъ по корридору съ тою самою маленькою собачкой, которой императоръ подставилъ стулъ. Я напрягала всѣ усилія, стараясь объяснить себѣ, почему со мною поступили такъ произвольно и необыкновенно! Что я такое сдѣлала! Совѣсть моя, конечно, ни въ чемъ меня не упрекала; я изнемогала отъ усталости физической и нравственной, и съ утра ничего не ѣла. Я порывалась взять со стола перо и въ ѣдкомъ письмѣ излить свой гнѣвъ. Какъ бы доволенъ былъ его высочество моею импровизаціей!

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ я услыхала шумъ отъ въѣхавшихъ во дворъ каретъ, и почти сейчасъ же человѣкъ принесъ шинель великаго князя и отдалъ мнѣ мой паспортъ безъ всякаго извиненія, учтивости и памяти обо мнѣ. А! подумала я, какъ мало тутъ сходства съ государемъ!

Оскорбленная такимъ поступкомъ, я громко и внятно сказала въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и адъютантовъ, бывшихъ на дворѣ:

— Не буду я графиня Шуазель, если я не передамъ всего этого императору.

Пріѣхавъ къ матери, когда она ложилась спать, я долго стучала, чтобы мнѣ отворили; никто не ждалъ меня въ такое время, и тутъ я наконецъ узнала причину этого страннаго преслѣдованія.

Разнесся слухъ, что генералъ Бертонъ, послѣ своего неудавшагося заговора, бѣжалъ изъ Франціи, переодѣтый женщиной, и долженъ былъ укрыться въ Польшѣ, чтобъ возмутить поляковъ.

Великій князь былъ въ тревогѣ. Изъ излишней осторо-

жности и усердія, которыя лучше было бы примѣнять въ болѣе важныхъ обстоятельствахъ, а не безпокоить ими мирныхъ путешественниковъ, онъ сталъ исполнять обязанности коменданта.

Надо замѣтить, что во Франціи и забыли ужъ о Бертонѣ. Моя мать сказала мнѣ:

— Какъ мнѣ досадно, что я не предупредила тебя запиской, которую могли бы тебѣ передать у заставы.

Она заставила меня выпить двѣ чашки флеръ д'оранжа, чтобъ успокоить нервы; я охотнѣе съѣла бы что нибудь болѣе существеннаго, но въ такой поздній часъ трудно было достать что-нибудь въ неблагоустроенномъ городѣ.

Всѣ, кому я разсказывала мое приключеніе или, лучше сказать, мою непріятность, убѣждали меня не говорить о томъ императору. Уморительно было видѣть мины господъ военныхъ, съ перваго же слова убѣгавшихъ отъ меня, но я хотѣла непремѣнно избавить другихъ отъ выпавшаго на мою долю безпокойства.

Когда я пріѣхала въ Вильну, тамъ ждали императора; онъ долженъ былъ сдѣлать смотръ нѣсколькимъ полкамъ. Узнавъ, что я въ Вильнѣ и пожелавъ меня видѣть, онъ тотчасъ же милостиво посѣтилъ меня. Въ прихожей онъ спросилъ по французски у моего человѣка, дома ли я. Ужъ не знаю, почему онъ угадалъ его національность. Старый Наполеоновскій воинъ отвѣчалъ:

— Да, сударь.

И когда я сдѣлала ему замѣчаніе, Франсуа сказалъ мнѣ:

— Я не обязанъ знать, что это русскій императоръ.

А онъ видѣлъ Александра въ Эрфуртѣ, когда подавалъ какую-то депешу Наполеону.

Александръ много разспрашивалъ меня о моемъ сынѣ, и пенялъ зачѣмъ я не привезла его. Я сказала, что боялась подвергнуть, его такому дальнему путешествію (ему было только шесть мѣсяцевъ), но что, видя государя, я крайне сожалѣю, что не могу повергнуть сына моего къ его стопамъ. Императоръ, видя, какъ я была тронута, сказалъ съ выраженіемъ искренняго чувства:

— О, я понимаю, какъ трудно вамъ было оставить его.

Государь удостоилъ вспомнить о графѣ Шуазелѣ; я отвѣчала, что обязанный участвовать въ засѣданіяхъ палаты пэровъ, онъ не могъ сопутствовать мнѣ.—Я боюсь, ваше величество, прибавила я, не удивляетесь ли вы, что я путешествую одна, но мое единственное желаніе и стремленіе заслужить и сохранить уваженіе вашего величества, которымъ я пользовалась...

Александръ старался увѣрить меня, что ни время, ни отсутствіе, ни отдаленность, не измѣнятъ чувствъ его ко мнѣ.

Поговоривъ о томъ, о другомъ, я сказала, смѣясь:

— Повѣрите ли, ваше величество, за кого меня приняли въ Варшавѣ. За генерала Бертона?

Императоръ очень удивился. Я передала ему, какъ это случилось, не пропустивъ ни одной подробности, до выраженія лицъ бѣдныхъ чиновниковъ. Слушая меня, императоръ нахмурился:

— Кто-же могъ думать, что Бертонъ пустился въ Варшаву; это было бы для него менѣе всего удобно. Я надѣюсь, что братъ мой тутъ ни при чемъ.

Вмѣсто отвѣта я молчала.

— Видѣлъ онъ васъ?

— Государь, я видѣла только шинель его высочества на рукѣ человѣка, подавшаго мнѣ паспортъ.

Тогда Александръ встряхнулъ своею ангельской головой, и стараясь придать себѣ угрожающій видъ, проговорилъ какъ бы про себя:

— Я узнаю, въ чемъ дѣло, и поговорю съ братомъ объ этомъ.

На слѣдующій день, на балу, который данъ былъ по случаю прибытія государя предводителемъ дворянства г. Карпемъ, и гдѣ я исполняла обязанность хозяйки дома, по сдержанности великаго князя, подошедшаго ко мнѣ и сказавшаго своимъ хриплымъ голосомъ: «Смѣю?», я тотчасъ замѣтила, что ему было уже сдѣлано братское замѣчаніе.

Чтобъ выйдти изъ неловкаго положенія, стоило только сказать одно слово извиненія; чтобъ облегчить великаго князя, я заговорила о смотрѣ императорской гвардіи. Почувствовавъ себя на этой почвѣ, онъ заговорилъ довольно охотно; если ему не доставало любезности, то въ умѣ нельзя было ему отказать.

Но возвращусь къ визиту императора. Его величество заговорилъ со мною о моемъ ребенкѣ и о неудавшемся его крещеніи. Я ужасно боялась заговорить о томъ первая.

— Если дѣло идетъ о религіи, сказалъ Александръ, я не считаю себя обиженнымъ и очень признателенъ, что вы подумали обо мнѣ. Англійскій король получилъ точно такой отказъ во Франціи.

Я показала государю портретъ моего шестимѣсячнаго сына,—онъ нашелъ его очень милымъ,—и повторила, что лучшій день въ моей жизни будетъ тотъ, когда я повергну къ стопамъ государя моего мужа и сына. Онъ спросилъ

меня, отчего я не ѣду въ Петербургъ, на что я отвѣчала, что это одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній, одинъ изъ воздушныхъ замковъ, которые я строю.

— Зачѣмъ воздушный? съ живостью сказалъ онъ:—что мудренаго сдѣлать это путешествіе вамъ, путешествующей на почтовыхъ. Все равно, что изъ Вилькомира съѣздить въ Товяны...

— Не совсѣмъ, государь; но я постараюсь пріѣхать на будущее лѣто.

Онъ остался доволенъ.

— Мы не можемъ похвастать, чтобъ Петербургъ былъ также хорошъ и богатъ, какъ Парижъ,—эта громадная столица; но постараемся принять васъ наилучшимъ образомъ.

Александръ воображалъ, что видитъ меня въ томъ же помѣщеніи, гдѣ видѣлъ меня въ былое время.

— Съ какимъ удовольствіемъ я снова вижу васъ въ той же комнатѣ! вотъ диванъ, на которомъ вы сидѣли, тотъ же круглый столъ и т. д.

Я не рѣшилась вывести его изъ заблужденія. Потомъ онъ перешелъ къ болѣе важнымъ вопросамъ и заговорилъ со мною о политикѣ; смиренно признаюсь впрочемъ, что считаю смѣшною привычку женщинъ—исключая геніальныхъ г-жу Сталь или Жоржъ-Сандъ, вмѣшиваться въ споръ о великихъ интересахъ Европы.

Александръ, какъ мнѣ казалось, сильно занятъ былъ преніями въ палатѣ депутатовъ и опаснымъ талантомъ ораторовъ демагогической партіи. На каждаго оратора лѣвой стороны, котораго онъ называлъ, я называла роялиста, говоря, что онъ не уступитъ тому ни въ краснорѣчіи, ни

въ талантѣ. Потомъ онъ обратился къ возможности войны съ Испаніей.

— Я готовъ идти туда затушить очагъ революціи; но какъ и гдѣ пройти въ эту Испанію? Пропуститъ ли меня Франція, а между тѣмъ не опасно ли допустить ее одну вести войну столь важную и—онъ долженъ былъ прибавить—не популярную.

Не посвященная въ тайны французскаго правительства, я не могла отвѣчать на вопросы высокой дипломатической важности, не могла отвѣтить ему какъ г-нъ Шатобріанъ въ Веронѣ:—Государь, я думаю, что Франція должна подняться сама собою на ту степень, съ которой ее низвелъ Вѣнскій трактатъ. Когда она возстановитъ свое достоинство, она сдѣлается союзницей вашего величества болѣе полезною и болѣе почетною.

Повидимому, Александръ доволенъ былъ перемѣной министерства.

Я не могла не удивляться внутренно, сколько участія и заботы, даже страха, выражалъ императоръ относительно различныхъ европейскихъ державъ, исключая Германіи, въ которой онъ былъ увѣренъ, и не замѣчалъ курившагося у ногъ его волкана въ его собственной имперіи. При отъѣздѣ его изъ Варшавы мать моя и я расплакались, увидѣвъ его въ дорожной каретѣ, и тутъ мать моя сказала:

— Съума мы сошли, чтобъ плакать. Онъ такъ молодъ, такъ крѣпокъ такъ хорошъ, Богъ сохранитъ намъ этого ангела.

Послѣ серьезнаго разговора о дѣлахъ европейскихъ, государь весело заговорилъ о любви короля къ г-жѣ де-Кела. Онъ спрашивалъ меня о ней, но я не знала ея и не могла удовлетворить его любопытству; но онъ не переста-

валъ удивляться, изумляться и забавно вслухъ игриво разсуждалъ о томъ, какъ это король Людовикъ XVIII въ шестьдесятъ семь лѣтъ имѣетъ еще фаворитку?

— Государь, сказала я, смѣясь, онъ любитъ ее платонически.

— Я и этого не допускаю. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ, королю шестьдесятъ семь, но я отъ всего этого отказался.

Онъ говорилъ правду. Я замѣтила, что въ рѣчи его преобладалъ дружескій тонъ и истинная благосклонность, но не прежняя любезность, скажу даже кокетство. Не было болѣе безпрерывнаго цѣлованія рукъ, нѣжныхъ взглядовъ, плѣнительныхъ улыбокъ. Прощаясь, онъ самъ увѣрялъ меня, что въ расположеніи его ко мнѣ не было ни малѣйшаго разсчета и что дружбу ко мнѣ онъ питаетъ чистую и безкорыстную. Не всякая женщина осталась бы довольна этимъ признаніемъ еще молодаго и красиваго государя, но мнѣ оно было очень пріятно.

Я не удержалась и упомянула о дѣлахъ Греціи, которою въ Парижѣ были заняты болѣе чѣмъ Испаніей.

— Государь, сказала я, мы полагали, что вы уже въ Константинополѣ.

— Да, сказалъ Александръ, демагоги были бы довольны, еслибъ я измѣнилъ моимъ правиламъ; но ни что не заставитъ меня преступить ихъ потому что я не хочу нарушить общій миръ. Кромѣ того, желаніе мое быть полезнымъ Греціи было бы для нея только гибельно. Первый шагъ вступленія моей арміи на турецкую территорію повлекъ бы за собою полное разрушеніе Пелопонеза, гдѣ греческое населеніе очень разсѣяно, и слѣдовательно, подвергается

опасности турецкихъ нападеній. — Я могу помогать имъ только мирными путями.

Политика императора Николая была иная. Какъ жалко, что этотъ государь подчинился вліянію Пруссіи и уже у стѣнъ Константинополя, изъ безполезной умѣренности, отказался покорить себѣ Турцію и Грецію, о чемъ мечтала Екатерина II, и оттѣснить Блистательную Порту въ Азію, гдѣ турки и должны быть, между тѣмъ, какъ въ Европѣ они стоятъ только временнымъ лагеремъ. Какая изъ державъ могла противиться тогда этой побѣдѣ? Не Англія. Когда въ верхней палатѣ спорили о возможности занятія Константинополя русскими, одинъ изъ ораторовъ сказалъ:

— Я не знаю, какъ бы мы могли этому помѣшать.

Франція слишкомъ была занята своими внутренними дѣлами. Пруссія молчала бы, по своимъ отношеніямъ къ Россіи. Что касается Австріи, надо было бросить кусокъ австрійскому Церберу, и Меттернихъ не препятствовалъ бы дѣйствіямъ императора Николая. Вотъ каково слѣдствіе полумѣръ! Въ 1854 года Николай захотѣлъ снова начать дѣло 1829 года, но было уже поздно! Всѣ европейскія державы вооружились противъ него или молча противились ему, что и поразило его.

Надо думать, что еслибы царствованіе императора Николая и Наполеона I были современны, оба они дѣйствовали бы заодно въ великихъ предпріятіяхъ. Французская армія вступила бы въ Русскую имперію въ 1812 г. не враждебно, а по доброму соглашенію союзницы стремилась бы проникнуть въ Индію, чтобъ задержать тамъ британскаго льва въ его берлогѣ.

Александръ спросилъ меня, какъ я нашла его солдатъ.

— Гиганты, и люди, и лошади, отвѣчала я.

Прощаясь, императоръ повторилъ о своей неизмѣнной дружбѣ и просилъ сохранить къ нему расположеніе.

На улицѣ стояла страшная толпа, и кучеръ государя съ трудомъ могъ проѣхать. Я же чувствовала себя разбитою отъ продолжительнаго разговора, еще не отдохнувъ послѣ путешествія, и бросилась на постель. Александръ Дюма познакомилъ читателей съ этими постелями сѣвера.

Зять мой, заѣхавъ ко мнѣ, нашелъ меня въ лихорадкѣ, и, не сказавъ мнѣ ни слова, поѣхалъ за моимъ главнымъ докторомъ Либошинцомъ, и тотъ пустилъ мнѣ кровь. Это меня облегчило, и на другой день я была уже на балу. Я была въ бѣломъ платьѣ, съ черною повязкой на рукѣ. Нѣкоторыя по простотѣ своей думали, что я вывезла эту моду изъ Парижа, и восхищались ею. Императоръ зналъ уже о кровопусканьи, и когда я съ женою сенатора Огинскаго встрѣтила его величество при входѣ, онъ съ большимъ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьи.

Такъ какъ императоръ затруднялся, съ которого изъ насъ начать танцовать, то я не замѣтно указала ему на г-жу Огинскую, и пока онъ нерѣшительно подходилъ къ ней, я отодвигалась; всѣ находившіеся въ залѣ замѣтили мою уловку и видимое замѣшательство государя. Въ это время музыка заиграла полькій, и императоръ рѣшился взять руку г-жи Огинской, подлѣ него стоявшей...

Императоръ былъ еще ослѣпительно хорошъ, ему не давали и тридцати лѣтъ. Увы! только три года жизни оставалось ему. Судьба! Онъ затмѣвалъ своихъ братьевъ, хотя великій князь Николай былъ очень хорошъ собою, высокаго

роста, обладалъ болѣе царственною осанкой нежели императоръ *).

Съ мѣсяцъ уже онъ находился въ Вильнѣ. Я часто встрѣчала его на улицѣ верхомъ, и онъ кланялся со мною, не зная меня, а можетъ быть и зналъ кто я..... Его римское лицо, нѣсколько длинное, было зеленовато-блѣдное, но съ годами онъ сталъ еще красивѣе, и полнота округлила его прекрасныя черты—правильныя и очень рѣзкія; но онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Онъ казался мнѣ не преклоннымъ, и я съ ужасомъ подумала о будущемъ. На этомъ балу онъ любезно представился мнѣ самъ, и когда я сказала, что его величество уже предупредилъ меня, великій князь прибавилъ, что считалъ это своимъ долгомъ и жалѣетъ, что не могъ раньше познакомиться со мною. Какъ и императоръ Александръ, онъ отличался утонченною вѣжливостью, такъ поражавшую послѣ неподвижности французскихъ принцевъ, думавшихъ, что они осыпали васъ милостями, если «сказали здравствуйте» или «какъ ваше здоровье»? Мнѣ оченьпріятно было разговаривать съ великимъ княземъ, который отличался красотою и благородствомъ рѣчи и манеръ. Мы говорили о Вильнѣ въ 1812 году, и на мое замѣчаніе, что грустно о томъ вспоминать, великій князь сказалъ:

— Но много есть и пріятныхъ воспоминаній.

Это былъ лестный намекъ на меня, Варшаву, которая показалась ему прелестнымъ мѣстопребываніемъ, на мое путешествіе и т. д.

---

*) Къ портрету его шли стихи:

Qui que tu sois voici ton maître
Il l' est, le fut, ou il doit l' être!

Императоръ простился со мною на балу; на слѣдующее утро, въ восемь часовъ, онъ уѣхалъ въ Верону на конгрессъ, и я немедленно оставила Вильну.

XXIX.

Болѣзнь императора.—Путешествіе автора въ Петербургъ.—Описаніе этой столицы и ея окрестностей.—Печаль Александра.—Смерть Софіи Нарышкиной.—Біографія молодой княжны.—Авторъ встрѣчается съ Александромъ въ Царскомъ Селѣ.—Императоръ предлагаетъ автору помѣщеніе во дворцѣ.—Посѣщеніе Александра.—Уединенная жизнь Александра и Елизаветы.—Авторъ представляется императрицѣ Елизаветѣ.—Ея умъ и любезность.—Представленіе и обѣдъ въ Павловскомъ, у императрицы-матери.—Библіотека.—Прогулка.—Розенъ.

Императоръ Александръ, всегда пользовавшійся прекраснымъ здоровьемъ, опасно захворалъ зимою 1824 года. Семейныя скорби, непріятности, преувеличенныя его чувствительностью, и простуда способствовала развитію сильнаго недуга, повергшаго въ уныніе всѣхъ членовъ царской семьи и всѣхъ подданныхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ императоръ сталъ часто уѣзжать, даже зимой, въ Царское Село, любимое его мѣстопребываніе; туда вызывалъ онъ министровъ и велъ жизнь весьма уединенную, безъ всякихъ развлеченій, дѣлая только долгія прогулки въ паркѣ, имѣющемъ двѣ или три мили въ окружности.

Однажды (это было именно во время бракосочетанія великаго князя Михаила Павловича) государь гулялъ пѣшкомъ одинъ и долѣе обыкновеннаго и, возвратясь во дворецъ, почувствовалъ сильный ознобъ; онъ велѣлъ подать обѣдъ къ себѣ въ комнату, но не могъ ѣсть, и вскорѣ съ

ужасающей быстротой образовалась у него на ногѣ рожа, при лихорадочномъ и безсознательномъ состояніи. Тотчасъ перевезли императора въ Петербургъ въ закрытыхъ саняхъ, гдѣ собравшіеся доктора, боясь гангрены, рѣшили отнять ему ногу. Но употребленныя ими средства привели болѣзнь къ желаемому результату, вслѣдствіе чего рѣшено было ограничиться открытіемъ фонтанели, и, благодаря превосходному здоровью, императоръ скоро выздоровѣлъ. Въ первый разъ какъ онъ выѣхалъ на улицу, народъ кланялся ему въ ноги, трогательно выражая тѣмъ свою радость и благодаря Бога за сохраненіе ихъ отца.

Въ тотъ же годъ мнѣ удалось исполнить давнишнее мое намѣреніе съѣздить въ Петербургъ и засвидѣтельствовать императору мое уваженіе въ прелестной столицѣ, гдѣ онъ родился и царствовалъ. Мы пріѣхали въ первыхъ числахъ іюля, когда нѣтъ ночи въ сѣверныхъ странахъ. Отъ послѣдней станціи, т. е. отъ Стрѣльны, лѣтней резиденціи великаго князя Константина, на протяженіи трехъ французскихъ миль, шоссе идетъ между двухъ рядовъ дачъ или прелестныхъ лѣтнихъ помѣщеній съ чудеснымъ видомъ на море, а съ другой стороны, на каналы или рукава Невы. Дачи отдѣлены одна отъ другой и отъ большой дороги садами, гдѣ преобладаетъ бѣло-ствольная береза, и ея блѣдноватая зелень выдѣляется не темной зелени сѣверныхъ сосенъ и елей. Вазы съ цвѣтами, красиво разбросанныя или сгрупированныя на лужайкахъ, еще болѣе оживляютъ смѣющійся образъ весны, которая дарила жителей сѣвера одною только улыбкой, по весьма умному замѣчанію одной моей знакомой.

Всѣ зданія различны по архитектурѣ и вкусу. Тутъ сре-

ди густой зелени виднѣется греческій храмъ съ своимъ красивымъ перистилемъ и величественными ступенями; далѣе китайскій павильонъ съ своими пагодами и звонкими колокольчиками; въ другомъ мѣстѣ стоитъ швейцарскій домикъ, подъ скромною наружностью скрывающій богатство и роскошь. Наконецъ высокій бельведеръ, красиво возвышающійся надъ окружающими его деревьями, составляетъ живописный контрастъ съ готическимъ замкомъ и его зубчатыми башнями. Вездѣ огромныя теплицы укрываютъ отъ жестокой, холодной и сырой атмосферы плоды, которые небо даруетъ въ благодатномъ климатѣ,а прихотливые русскіе вельможи разводятъ ихъ, не смотря на страшную дороговизну. Тысяча разнообразныхъ и замысловатыхъ предметовъ приковываютъ глаза удивленнаго и восхищеннаго путешественника. Окрестности Парижа, за исключеніемъ королевскихъ резиденцій, не имѣютъ того великолѣпія, какъ окрестности Петербурга, гдѣ между тѣмъ все создано искусствомъ. Эти прелестныя строенія, созданныя по прихоти богатства, воздвигнуты на неблагодарной почвѣ, которая нѣкогда была обширнымъ болотомъ.

Величественная и правильная красота Петербурга также поразила меня: улицы, широкія и безконечныя, обсажены деревьями, и по обѣимъ сторонамъ ихъ тянется тротуаръ изъ плитняка. Во многихъ мѣстахъ видны каналы, окаймленные гранитными набережными, соединенными красивыми желѣзными мостами. Дома хотя не такъ великолѣпны какъ парижскіе,но отличаются красивыми окнами въ одно цѣльное стекло и свѣжестью своего убранства. Въ Петербургѣ множество замѣчательныхъ зданій.

Все высшее общество выѣхало на дачи; небольшое чи-

сло оставшихся въ городѣ большею частью носили народный костюмъ, что придавало столицѣ какъ бы азіатскій характеръ и не гармонировало съ красивыми и чисто европейскими постройками. По длиннымъ улицамъ и безконечнымъ набережнымъ мало попадалось экипажей, было лишь нѣсколько англійскихъ каретъ, но съ русскою упряжью и четверкой длинногривыхъ коней, необыкновенной рыси; бородатые кучера и маленькіе кричащіе форейторы правили ими. На широкихъ и красивыхъ тротуарахъ почти не было пѣшеходовъ.

Вечеромъ этотъ красивый и пустынный городъ, при полусвѣтѣ, не похожемъ ни на дневной, ни на лунный, и дающемъ всѣмъ предметамъ какое-то волшебное освѣщеніе, казался мнѣ настоящею панорамой.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы остановились на нѣсколько дней въ гостинницѣ «Англія», на Адмиралтейской площади, противъ Зимняго дворца, резиденціи его величества. Этотъ дворецъ построенъ въ старинномъ французскомъ стилѣ; Адмиралтейство—превосходное зданіе, построенное Александромъ; если Петръ Великій основалъ Петербургъ, Александръ украсилъ его. Онъ понималъ архитектуру, любилъ постройки и много строилъ. Бульваръ, обсаженный въ нѣсколько рядовъ липовыми деревьями, тянется вдоль Адмиралтейства отъ Зимняго дворца по площади, гдѣ бываютъ смотры стотысячной пѣхоты, и вплоть до Невы. Рѣка эта окаймлена набережною изъ розоваго гранита, величественна въ гладь и ужасна въ волненіи; ея сапфировыя волны большую часть года покрыты судами, на которыхъ развѣваются разноцвѣтные флаги всѣхъ народовъ; тамъ и

сямъ быстро мелькаютъ хорошенькія яхты. Нева составляетъ красоту Петербурга, его славу, богатство и ужасъ.

Императоръ Александръ отсутствовалъ, когда я пріѣхала въ Петербургъ. По возвращеніи изъ поѣздки въ военныя поселенія, которыми онъ остался весьма доволенъ, государь уѣхалъ на маневры за нѣсколько верстъ отъ столицы, и неизвѣстно было, когда онъ возвратится въ Царское Село.

Прежде всего я поклонилась памятнику геніальнаго основателя Петербурга,—о которомъ столько было говорено въ различныхъ описаніяхъ, что я избавлю читателя отъ повторенія. Потомъ я отправилась посмотрѣть прекрасныя зданія на Англійской набережной, Академію, Биржу, обширное зданіе, гдѣ можно видѣть всевозможные продукты четырехъ частей свѣта. Я осмотрѣла также чудесную церковь Казанской Божіей Матери; наружный видъ ея величественъ и благороденъ, а внутри множество золота и серебра ослѣпляетъ взоры; думаешь, что проникъ въ храмъ солнца, нѣкогда существовавшій въ Лимѣ.

Гостиный дворъ—родъ восточнаго базара; тутъ видишь богатѣйшія лавки серебряниковъ и ювелировъ и лавочки самыхъ бѣдныхъ ремесленниковъ.

Я никогда не видывала такого множества фруктовъ даже въ Парижѣ, какъ въ петербургскомъ ягодномъ ряду; тутъ были всевозможные фрукты, между прочимъ огромные ананасы по ста франковъ каждый. Въ Петербургѣ только два публичныхъ мѣста для гулянья: Лѣтній садъ—замѣчателенъ по своей превосходной золоченой рѣшеткѣ; онъ засаженъ по старинному, грабинникомъ и косыми рядами скучныхъ и темныхъ деревьевъ; кое-гдѣ виднѣются посредственныя мраморныя статуи. Затѣмъ Екатерингофскій

паркъ, въ ста шагахъ отъ города, куда народъ стекается массами въ воскресные и праздничные дни. Экипажи особъ высшихъ классовъ кружатся въ аллеяхъ этого парка; тутъ же празднуется первое мая или начало весны въ Петербургѣ. Въ толпѣ, собиравшейся у игръ, кабачковъ и русскихъ горъ, меня поражалъ контрастъ: мужики и богатые купцы, одѣтые въ русское платье, такъ идущее ихъ высокому росту, съ длинными бородами, придающими имъ положительный и патріархальный видъ, важно прогуливались въ сопровожденіи женъ и дочерей, одѣтыхъ по европейской модѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго вкуса въ ихъ убранствѣ, это какая-то безобразная смѣсь всякихъ парижскихъ нарядовъ, все одно на другое надѣтое далеко не по модѣ и не граціозно. Вообразите себѣ подъ шляпой, убранной цвѣтами, татарское лицо съ плоскимъ носомъ, желтаго цвѣта, а подъ прекраснымъ вышитымъ платьемъ скверную ногу, дурно обутую. Подлѣ этихъ каррикатуръ, этой пародіи французскаго изящества, стояли другія женщины, кормилицы русскихъ господскихъ домовъ, одѣтыя въ прелестный нарядъ, придающій красоту самому некрасивому лицу: кокошникъ, высокій головной уборъ съ золотомъ и усыпанный каменьями какъ бы придаетъ росту; шелковый кафтанъ, красиво обрисовывающій формы, и богатая шуба, наброшенная на плечи, защищаетъ отъ малѣйшаго холода, въ этомъ климатѣ измѣнчивомъ даже въ лучшее время года. Все въ этомъ нарядѣ благородно, богато и изящно.

Сама того не зная, я выбрала грустную минуту для пріѣзда въ Петербургъ: въ то время только что скончалась шестнадцатилѣтняя дочь М. А. Нарышкиной Софья, любимица Александра. Она страдала простудой въ груди, схвативъ

ее во время экскурсій по швейцарскимъ ледникамъ. Доктора рѣшили отправить ее въ болѣе мягкій климатъ. Но мать, вѣрившая въ нелѣпыя предсказанія парижскихъ магнетизеровъ, хотѣла непремѣнно выдать ее за мужъ, такъ что это юное созданіе, уже нося смерть въ груди, сдѣлалась невѣстой молодаго графа Шувалова, которому поручено было магнетизировать ее; она тихо угасала въ его рукахъ, жертвой глупаго суевѣрія своей матери, которая, видя ее скончавшеюся, упорствовала думать, что она спитъ. Великолѣпное приданое въ 400,000 фр., заказанное въ Парижѣ, прибыло въ минуту ея смерти, и наряды, назначавшіеся для удовольствій, для радости, для счастья, замѣнились погребальнымъ покровомъ. Вся петербургская аристократія провожала гробъ Софіи. Поэты бросали на него цвѣты печальной элегіи.

Императоръ неожиданно узналъ о смерти С. Нарышкиной во время парада. Онъ страшно поблѣднѣлъ, но выдержалъ себя, не прервавъ команды, и сказалъ эти ужасныя слова:

— Вотъ наказанье за всѣ мои заблуженія.

Съ этой минуты онъ ни чѣмъ не выказывалъ своего глубокаго горя. Только разъ по возвращеніи изъ поѣздки въ военныя поселенія, графиня Ожаровская, жена генералъ-адъютанта его величества, спросила: принесла-ли ему пользу его поѣздка? Александръ отвѣчалъ:

— Да, графиня, физически я здоровъ; но нравственно я все еще страдаю, тѣмъ болѣе, что никому не могу излить мое горе.

Сказавъ это, онъ прослезился и поспѣшно ушелъ. Боже мой, какъ бы я заплакала на мѣстѣ Ожаровской, и какъ я

завидовала ей! Уваженіе,какой-то ложный стыдъ, моя природная застѣнчивость не позволили мнѣ заговорить съ Александромъ объ этомъ печальномъ предметѣ во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Быть можетъ, онъ думалъ, что я не сочувствовала его горю и даже не успѣла понять его. И теперь я страдаю отъ одной этой мысли! Но кто могъ думать, чтобъ Елизавета, этотъ ангелъ, плакала вмѣстѣ съ своимъ супругомъ! Она также любила Софію. Слезы Елизаветы, какъ небесная роса, должны были оживить цвѣтъ поздняго примиренія супруговъ. Но увы! дни ихъ были сочтены! Уже ангелъ смерти парилъ надъ ними,еще не успѣвшими состариться, чтобъ отдѣлить ихъ отъ земли, недостойной ихъ, и перенести въ вѣчномъ союзѣ въ небо, истинное ихъ обиталище. Какъ я сожалѣю, что потеряла біографическую замѣтку француженки-воспитательницы Софіи, заключавшую въ себѣ любопытныя подробности о прелестномъ характерѣ этого бѣднаго ангела, но такъ какъ въ ней также было много восторженныхъ изліяній на счетъ самой М. А. Нарышкиной, заслуживавшей ихъ только своею красотой, то я и не позаботилась присоединить ее къ моимъ воспоминаніямъ, уже готовымъ тогда выйти изъ печати.

Г-жа Вяткина, у которой я видѣла портретъ Софіи, дала мнѣ также, по добротѣ свой, маленькую прядку ее волосъ, чтобы положить въ кольцо; волоса эти были даны Александромъ ей и многимъ другимъ дамамъ передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ.

— Онъ былъ такъ добръ, и такъ грустенъ! сказала она.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы остановились въ гостинницѣ Англія или Демутъ, но такъ какъ мы привезли съ

собою повара, то мужъ мой предпочелъ нанять готовое и довольно хорошее помѣщеніе въ одномъ изъ домовъ на проспектѣ.

Мы поѣхали на острова,—такъ называются дачи, разсыпанныя между Невой и Черною рѣчкой, по среди березовыхъ, липовыхъ и сосновыхъ рощъ, единственной растительности короткаго петербургскаго лѣта; цвѣты служатъ тутъ только временнымъ убранствомъ. Сынъ графа Шуазель-Гуфье, женатый на княжнѣ Голицыной, прелестной и красивой особѣ, отличавшейся какъ умомъ, такъ и любезностью, нанялъ тамъ дачу на лѣто, продолжающееся три мѣсяца, при чемъ оно считается хорошимъ даже въ томъ случаѣ, если хоть двѣ недѣли бываетъ прекрасная погода. Въ августѣ, когда цвѣтетъ липа, спѣшатъ уже возвратиться въ городъ и сезонъ кончается.

Императоръ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, дѣлая смотры полкамъ, стоявшимъ въ лагерѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Я не знала, какому святому молиться, чтобы дойти до него и напомнить о крещеніи моего сына, а также передать ему о дѣлахъ, касавшихся состоянія моего мужа, да и мое состояніе страшно потерпѣло вслѣдствіе того, что я поручилась кредиторамъ за моего мужа. Нужно было сдѣлать заемъ въ государственномъ банкѣ, но банкъ давалъ на душу (такъ выражались тогда въ Россіи) только 150 фр., и чтобъ получить больше, надо было имѣть особое соизволеніе его величества.

Проѣздомъ чрезъ Варшаву императоръ былъ у моей матери, которая сказала ему, въ какомъ положеніи я находилась; онъ обѣщалъ ей свое содѣйствіе, выразивъ участіе

ко всему, касавшемуся меня, и желаніе быть мнѣ полезнымъ.

Мнѣ совѣтовали ѣхать въ Царское Село и выждать встрѣчи съ императоромъ. Я поѣхала туда съ моимъ сыномъ и горничной и остановилась во французскомъ ресторанѣ, въ одной маленькой комнаткѣ безъ всякаго убранства и безъ постели. Хозяинъ очень удивился, что я не была довольна моимъ помѣщеніемъ, и сказалъ мнѣ насмѣшливо, что французскій посланникъ, пріѣзжая въ Царское Село, всегда останавливался въ этой комнатѣ.

Одѣвшись, я велѣла проводить себя къ китайскимъ домикамъ, гдѣ жили адъютанты его величества, съ ихъ семействами, каждый въ особомъ домикѣ, съ конюшнями, погребомъ и садомъ; домики эти выходили на площадку, на которой стояла ротонда и въ ней давались концерты и балы для офицеровъ и ихъ дамъ.

Этотъ городокъ въ китайскомъ вкусѣ съ изображеніемъ мандариновъ и пр. терялся въ огромномъ паркѣ, занимавшемъ двѣ или три мили пространства; тысяча рабочихъ убирали его какъ небольшой садикъ, постоянно заметали малѣйшіе слѣды пѣшеходовъ и экипажей по большой дорогѣ и по аллеямъ, подстригали ножницами траву, подбирали попавшіе въ воду листья и т. п.

Я прошла мимо дворца: это огромное зданіе въ старинномъ французскомъ вкусѣ, обремененное скульптурой, позолотой и куполами; увидѣвъ его, одинъ изъ посланниковъ при дворѣ Елизаветы сказалъ:

— Гдѣ-же футляръ отъ этой игрушки?

Дворецъ показался мнѣ пустыннымъ; я видѣла только солдатъ, стоявшихъ во дворѣ на караулѣ. Эта импе-

раторская пустыня навела меня на грустныя размышленія. Нѣтъ, думалось мнѣ подъ впечатлѣніемъ преждевременныхъ мыслей, императоръ Александръ въ Петербургѣ не тотъ уже государь, котораго я видѣла въ Товянахъ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ! А съ какою радостью, съ какимъ усердіемъ принимала я его всегда, когда онъ удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь совсѣмъ не то! Быть можетъ, стакана воды мнѣ не дадутъ въ этомъ негостепріимномъ дворцѣ. Счастливъ тотъ, кто не имѣетъ о чемъ просить! Нѣсколько минутъ спустя, я обманулась въ моихъ несправедливыхъ догадкахъ.

Я пошла къ моимъ старымъ знакомымъ, графу и графинѣ Ожаровскимъ. Отъ нихъ я узнала, что государь выѣхалъ, и они совѣтовали мнѣ искать встрѣчи съ нимъ во время его прогулки въ паркѣ, для чего придется пожалуй пройдти цѣлую милю. Какъ это было пріятно! Ожаровскіе предложили проводить меня до гостинницы; это было уже подъ вечеръ. Вдругъ, на уединенномъ перекресткѣ аллеи, мы увидѣли военнаго, въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ. Маленькій Ожаровскій, племянникъ генерала, закричалъ:

— Это государь!

Дѣйствительно, это былъ онъ; онъ шелъ къ намъ, узналъ меня и сказалъ:

— Давно ли вы здѣсь? Мнѣ конечно доложили о пріѣздѣ въ Петербургъ графа Шуазель-Гуфье, но о васъ не упоминали. Потомъ онъ прибавилъ:

— Гдѣ вы живете?

— Во французской гостинницѣ.

— Позвольте предложить вамъ мое гостепріимство.

Послѣ этого онъ оставилъ насъ, чтобы отдать нужныя приказанія.

Г-жа Ожаровская сказала мнѣ:

— Ваша счастливая звѣзда привела сюда государя, потому что такъ поздно онъ никогда не гуляетъ.

Она проводила меня до гостинницы, гдѣ я нашла моего маленькаго уже спящимъ на полу, на сѣнѣ. Я также улеглась, увѣренная, что только завтра узнаю о гостепріимномъ намѣреніи государя. Но случилось иначе: въ полночь пришелъ камеръ-лакей, чтобъ перевезти меня во дворецъ, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ, по распоряженію волшебника, присутствовавшаго при приготовленіи комнатъ. Можно ли быть болѣе любезнымъ? Но я не могла уже выйдти изъ дому, и на другой день въ 7 часовъ тотъ же человѣкъ пріѣхалъ за мною и за моимъ ребенкомъ и проводилъ меня въ Александровскій дворецъ, гдѣ жилъ великій князь Николай, теперь находившійся съ великою княгинею въ лагерѣ. Въ пустынномъ дворцѣ,гдѣ я была совершенно одна, какимъ-то волшебствомъ поданъ былъ завтракъ, состоявшій изъ чая, кофе, шоколада и фруктовъ! Человѣкъ уходя спросилъ меня: хорошо ли мнѣ, и нѣтъ ли какихъ приказаній. Для прислуги мнѣ назначили трехъ или четырехъ лакеевъ, еженедѣльно мѣнявшихся; они говорили только по русски, я немного понимала ихъ, но они вѣжливо выслушивали мой изломанный полу-русскій, полу-польскій языкъ.

Александръ заботился о благосостояніи малѣйшаго изъ своихъ слугъ. Встрѣтя какъ то въ Царскосельскомъ паркѣ баронессу Розенъ, мужъ которой проживалъ въ этомъ городѣ, онъ сказалъ ей:

— Я такъ доволенъ, что вскорѣ вашъ и мой домъ будутъ въ союзѣ.

Горничная г-жи Розенъ выходила замужъ за пастуха дворцоваго стада.

Послѣ завтрака я сошла въ паркъ и встрѣтилась съ Ожаровскими, шедшими ко мнѣ. Они передали мнѣ, что только что видѣли императора, говорившаго имъ о крестинахъ; что онъ вполнѣ готовъ, и отъ меня зависитъ только назначить день; онъ освѣдомился, почему я не переѣхала наканунѣ въ мое новое помѣщеніе. Разговаривая, мы подошли къ новой постройкѣ, возводимой по желанію императора: это было готическое зданіе съ высокою башней, гдѣ предполагали устроить помѣщеніе для юнаго великаго князя Александра; тутъ увидѣли мы государя, шедшаго къ намъ. Императоръ весьма милостиво сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, мнѣ удобнѣе въ новомъ помѣщеніи, нежели во французской гостинницѣ. Я представила ему моего сына, котораго онъ уже замѣтилъ и очень забавлялся выдумкой моего ребенка называть его величество большимъ солдатомъ. Ему не было еще и трехъ лѣтъ. Возвратясь къ себѣ, я написала мужу, чтобъ онъ ѣхалъ какъ можно скорѣе раздѣлить со мною ту волшебную обстановку, которою я была окружена. Я отправила къ нему наемную карету, которую мы держали для поѣздокъ въ Петербургъ; для катанья же и визитовъ мы пользовались изъ придворныхъ конюшенъ парой прекрасныхъ лошадей и дрожками. Есть литографія этого экипажа.

Императоръ прислалъ своего камердинера извѣстить меня о своемъ посѣщеніи къ 12 часамъ. Не смотря на проливной дождь, его величество пріѣхалъ въ назначенный часъ.

Въ продолженіе часа шелъ самый пріятный для меня разговоръ. Александръ первый спросилъ меня о состояніи моихъ дѣлъ, о чемъ я не смѣла начать говорить, и сказалъ: —Слѣдовательно, вашъ мужъ ничего не имѣетъ, а вы немного. И затѣмъ онъ велѣлъ подать ему записку объ этомъ дѣлѣ.

Потомъ зашелъ разговоръ о политикѣ. Государь упомянулъ о Виллелѣ, котораго онъ не терпѣлъ, равно какъ и Каннинга, и сожалѣлъ о Шатобріанѣ, съ которымъ познакомился въ Веронѣ, о чемъ Шатобріанъ писалъ въ своемъ описаніи конгресса. «Мы тотчасъ понравились другъ другу, какъ только свидѣлись на четверть часа». Впрочемъ онъ разумѣлъ сочувствіе душъ.

Императоръ спросилъ, довольно ли помѣщенія для моего мужа, и не хочу ли я переѣхать въ одинъ изъ китайскихъ домиковъ. Онъ предложилъ мнѣ пріютъ и въ Петергофѣ, куда дворъ переѣзжалъ къ Петрову дню. Прощаясь онъ возобновилъ увѣренія въ своемъ расположеніи и участіи ко мнѣ и просилъ не считать этого в з д о р о м ъ.

Мужъ мой пріѣхалъ вечеромъ; ему подали ужинъ; я смѣясь спросила его, хорошъ ли новый поваръ, и упрекнула его за его самодовольный видъ посреди всего окружающаго: какъ будто въ порядкѣ вещей было, чтобы мы совершенно незаслуженно пользовались гостепріимствомъ величайшаго въ мірѣ монарха. Намъ давали ежедневно три изысканныхъ блюда, кромѣ чая два раза въ день, завтракъ, обѣдъ, ужинъ съ дессертомъ мороженое, цѣлый запасъ винъ и т. д. Мы довольствовались ѣсть два раза въ день, а остальное отдавалось слугамъ, и они аккуратно все это истребляли.

Императоръ обѣдалъ одинъ; онъ былъ еще на діетѣ и питался исключительно фруктами, вслѣдствіе рожи, благодаря которой ему чуть было не ампутировали ногу. Императрица въ свою очередь также кушала одна; это была совершенно монашеская жизнь. Фрейлина ея, дѣвица Валуева, обѣдала также отдѣльно. Въ сопровожденіи ея императрица выѣзжала верхомъ или выходила пѣшкомъ, но лишь въ нѣкоторыя части парка и лишь въ такіе часы, когда нельзя было встрѣтить государя; это дѣлалось, чтобы не стѣснять его.

Дворъ этотъ былъ совершенно безлюдный и причудливый. Министры съѣзжались одинъ разъ въ недѣлю и, покончивъ съ дѣлами, тотчасъ уѣзжали. Государь ложился въ десять часовъ. Военная музыка играла подъ окнами его въ продолженіе часа пьесы меланхолическаго рода и затѣмъ зорю. Я слушала эту музыку изъ оконъ моихъ комнатъ.

Ожаровскіе показывали мнѣ Царское Село, замѣчательныя фабрики, Виндзорскую башню, театръ, прекрасную яхту, стоявшую на якорѣ, тріумфальную арку, посвященную государемъ своимъ старымъ товарищамъ по оружію, и множество фруктовыхъ и цвѣточныхъ теплицъ.

Императоръ присылалъ мнѣ, какъ и многихъ другихъ дамамъ, ежедневно превосходные ананасы, стоившіе въ Петербургѣ по сту фр. каждый. Я видѣла также жилище ламъ, кенгуру и пр. и ферму, выстроенную по образцу голландскихъ, и гдѣ всѣ комнаты были выложены изразцами. Тутъ были лучшіе образцы тирольскихъ коровъ, украинскихъ, холмогорскихъ на высокихъ ногахъ, швейцарскихъ, быкъ по названію Вильгельмъ-Тель, злой какъ рыжій оселъ,

съ спутанными ногами; онъ мычаньемъ своимъ обращалъ меня въ бѣгство. Были тутъ также мериносы лучшей породы. Императоръ воображалъ себя фермеромъ, мы видѣли его счетную книгу, превосходно переплетенную, куда онъ вписывалъ продукты своихъ стадъ.—Онъ гордился одеждой своею, изъ шерсти собственныхъ его овецъ. Мы осмотрѣли также дворецъ. Я видѣла рабочій кабинетъ государя, чрезвычайно темный отъ густой сирени росшей передъ окнами. Усталый отъ блеска и шума, Александръ искалъ тѣни и тишины; простая мебель, письменный столъ съ пучками перьевъ, и вѣчно горѣвшею свѣчей, у которой человѣкъ запечатывалъ его письма, и проч. Во дворцѣ есть янтарная комната, всѣ стѣны которой покрыты янтарными пластинками; комната изъ лапись-лазури, еще комната замѣчательная по своему паркету, съ инкрустаціей изъ перламутра и разноцвѣтнаго дерева; мнѣ хотѣлась взять хоть одну дощечку отсюда чтобъ сдѣлать изъ нея рабочій ящикъ. Въ спальнѣ стояла простая походная кровать, съ сафьяннымъ мѣшкомъ, набитымъ сѣномъ, вмѣсто подушки, и т. д.

Надо сознаться, что мой туалетъ былъ не блестящъ для Петербурга и не сдѣлалъ бы чести парижскимъ модамъ. Все же я привезла нѣсколько хорошихъ платьевъ, между прочимъ одно тюлевое съ нашитыми васильками, прекрасное бѣлое блондовое платье, шитое золотомъ и серебромъ, и нѣсколько кусковъ матеріи, а также шляпы и цвѣты. Въ самый день нашего переѣзда въ приготовленное помѣщеніе, когда я была въ залѣ, а женщины мои распаковывали сундуки и ящики,—горничная моя, прехитрая варшавянка, очень скоро офранцузившаяся, вбѣгаетъ ко мнѣ разстроенная, воздѣвая руки къ небу и крича:

— Ахъ! сударыня какое несчастіе!

Я думала, что ребенокъ упалъ изъ окна... и чуть не лишилась чувствъ, но Констанція все также трагически прибавила:

— Всѣ ваши чудесныя платья погибли.

Я вздохнула свободно. Слава Богу! вымолвила я наконецъ.—Пожалуйте, посмотрите!

Я пошла и увидѣла страшную кутерьму! Констанція, желая сохранить всю свѣжесть моихъ платьевъ, уложила ихъ въ большой сундукъ, стоявшій на верху кареты и не закрыла ихъ клеенкой, и его вспрыснуло дождемъ, которымъ небу угодно было орошать насъ во все время нашего путешествія.

Все было испорчено: платье съ васильками слиняло и оставило слѣды на блондовомъ, розовыя и лиловыя матеріи приняли всевозможные оттѣнки; женщина, болѣе меня придающая значенія всѣмъ этимъ пустякамъ, заплакала бы, но я подъ впечатлѣніемъ ужаса, овладѣвшаго мною, могла только благодарить Бога! Мнѣ стоило большихъ денегъ пополнить все испорченное, потому что въ Петербургѣ этого рода вещи очень дороги. Я устроилась какъ могла и съ тѣхъ поръ научилась обходиться въ путешествіи безъ дѣвушки, отъ чего и вещи мои не теряются и не портятся.

Меня представили императрицѣ Елизаветѣ; она показалась мнѣ такою, какою была, ангеломъ доброты и кротости. Голосъ ея былъ не земной; не трудно было замѣтить, что небо, пославъ ее на землю, не замедлитъ взять ее обратно. Что касается ея красоты, то, сказать правду, въ сорокъ пять лѣтъ и слѣдовъ ея не было видно. Большіе голубые глаза казались усталыми отъ множества пролитыхъ слезъ. Сѣ-

личества. Мужчины были не иначе какъ въ полной формѣи напудрены. На государыни было лиловое гроденаплевое платье маленькая шляпа, украшенная превосходнымъ султаномъ изъ перьевъ цапли съ лиловымъ котикомъ, чудесный жемчугъ, браслеты и подвѣски къ серьгамъ изъ брилліантовъ. Мнѣ сообщили довольно замѣчательную особенность, что императрица письменно увѣдомляла свою дочь, герцогиню Саксенъ-Веймарнскую, о своихъ туалетахъ, чтобы та въ извѣстные дни одѣвалась одинаково со своею августѣйшею матерью.

Императрица прямо подошла ко мнѣ, обняла меня и также какъ и императрица Елизавета, начала съ героической исторіи съ шифромъ. Это же слышала я впослѣдствіи, и отъ третьяго поколѣнія царскаго дома.

Императрица-мать говорила о моемъ сынѣ, о его будущемъ крещеніи, о томъ, что у меня должны еще быть дѣти. Она любитъ, когда ихъ много, сказала мнѣ княгиня Ливенъ, говорившая императрицѣ:

— Это хорошо вашему величеству, вамъ нечего заботиться, какъ ихъ пристроить.

Перешли въ столовую; я сидѣла третья отъ ея величества; садясь за столъ, она спросила меня:

— Какого вы мнѣнія, графиня, о нашемъ климатѣ?

Я отвѣчала, что день мнѣ кажется чудеснымъ, а десертъ, стоявшій на столѣ изъ всевозможныхъ плодовъ, въ воображеніи переносилъ меня на югъ. Я удивилась, когда во время обѣда подали ситный хлѣбъ, масло и простоквашу. По старинному, за обѣдомъ служилъ скороходъ, но я думаю, что онъ носилъ только платье скорохода, по-

тому что былъ слишкомъ толстъ и жиренъ. Посуда была вся серебряная.

Послѣ обѣда императрица подъ руку со своею дорогою княгиней перешла въ другую комнату и позвала моего мужа и меня, чтобы полюбоваться прелестными видами Павловскаго парка и каскадомъ, падавшимъ съ искусственныхъ скалъ, на которыхъ возвышалась развалина; вода сбѣгая исчезала въ небольшомъ озеркѣ, окаймленномъ зеленымъ лугомъ, который тамъ и сямъ засаженъ красивыми рощами; между ними оставленъ былъ видъ на церковь, деревни и т. п. Государыня сказала моему мужу:

— Вашъ отецъ любилъ эту залу и этотъ видъ во время императора Павла.

Она произнесла это имя со вздохомъ. Достойная жена, достойная мать, она обладала всѣми добродѣтелями женщины и государыни. Я замѣтила конфекту, пріютившуюся къ отдѣлкѣ ея платья, и подала ее императрицѣ, которая сказала мнѣ, что еслибъ мой сынъ тутъ былъ, она отдала бы ее ему съ большимъ удовольствіемъ. Я должна была попросить ее, но по застѣнчивости не сдѣлала этого.

Ея величество привела насъ въ только-что устроенную библіотеку въ видѣ галлереи и весьма милостиво сказала мнѣ, что два послѣдніе мои романа были уже тутъ, и что она ждетъ третьяго, который былъ уже конченъ; императрица Елизавета спросила меня, что я пишу теперь:

— «Nain politique», отвѣчала я.

Она одобрила планъ его. «Живописное путешествіе по Греціи» было также въ библіотекѣ. Ея величество показала намъ превосходную коллекцію раскрашенныхъ англійскихъ гравюръ и вюртембергскія литографіи, которыя

были лучше всякихъ другихъ. Она часто и ласково повторяла, что желаетъ, чтобы мы увезли съ собою въ Парижъ пріятное воспоминаніе о Павловскѣ. Болѣе часа она стояла на ногахъ, переворачивая сама листы эстамповъ. Право, не было государыни, принимавшей у себя съ большею милостію и любезностью. На минуту мы вышли въ садъ, гдѣ ея величество срѣзала англійскими ножницами, только что для того полученными, розы потемнѣвшія и озябшія отъ сѣверныхъ зефировъ, и подала ихъ намъ своею красивою рукою.

Прощаясь, императрица поцаловала меня два раза; я воспользовалась минутой и просила у ней позволенія полюбоваться памятниками ея благотворительности. Она была довольна, что ея заведенія увидитъ такой хорошій судья, какъ она сказала, и обѣщала сдѣлать нужныя распоряженія.

XXX.

Записка императора.—Крестины у автора въ Петербургѣ.—Политическій разговоръ.—Окрестности Петербурга.—Красота этого города.—Католическая церковь.—Отъѣздъ великой княгини Александры Ѳеодоровны.—Авторъ осматриваетъ Кронштадтъ.—Петергофъ.—Петровъ день.—Фонтаны, иллюминація.—Великій князь Михаилъ.

Между тѣмъ сына моего окрестили въ Петербургѣ, въ квартирѣ, которую я оставила за собою. Императоръ извѣстилъ меня о томъ запиской:

«Я медлилъ вамъ отвѣчать, желая заодно назначить время, когда буду у васъ для церемоніи крещенія. Если не бу-

детъ съ вашей стороны возраженій, я думаю быть у васъ завтра въ 2½ часа.

«Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи.

«Суббота (21) 9 августа 1824 г.».

Церемонія прошла благополучно; императоръ увѣрялъ меня, что ему это не ново (я думаю); я боялась, чтобы ребенокъ не поднялъ крика; но императоръ не переставалъ любоваться его благоразуміемъ. Все убранство алтаря и зажженныя днемъ свѣчи внушали ребенку страхъ. Дѣвушка моя держала его на рукахъ и въ то же время восхищалась ногой императора, которую я до сихъ поръ не замѣтила. Церемонія длилась долѣе обыкновеннаго, потому что аббатъ Локманнъ, священникъ католической церкви, счелъ за нужное сказать маленькую рѣчь, довольно безполезную, по моему мнѣнію; обращаясь къ отцу и матери и воспріемнику, онъ совѣтовалъ имъ воспитать ребенка въ мудрыхъ правилахъ, чтобъ сохранить даръ святаго крещенія. Императоръ наблюдалъ за малюткой, серьезно слушавшимъ и ничего не понимавшимъ. Въ критическую минуту, когда ему полили голову водой, императоръ съ истинно отеческою добротой отеръ своимъ платкомъ прелестные бѣленькіе волоски своего крестника.

Послѣ церемоніи государь перешелъ въ залу и, замѣтивъ, что мой мужъ удалился, милостиво сказалъ, что ему не слѣдуетъ уходить изъ своего дома, и хотѣлъ отыскать его. Я позвала графа и государь просилъ его сѣсть.

Разговоръ начался о современной политикѣ и о перемѣнѣ министерства во Франціи, что онъ приписывалъ силѣ и вліянію г-жи дю-Кела. Государь говорилъ о предстоявшемъ ему путешествіи на Уралъ, гдѣ онъ еще не бывалъ. Я за-

мѣтила, что его величеству нужно употребить цѣлый годъ, чтобы объѣхать свои владѣнія, и пожелала ему покорить Китай, чтобъ округлить имперію; впрочемъ это заставило бы его уклониться слишкомъ въ сторону отъ прямаго пути въ Грецію.

— Ахъ! Россія и такъ ужъ слишкомъ кругла; ваша мысль не совсѣмъ основательна. Моя имперія такъ велика, что ею трудно хорошо управлять,—цѣлый годъ вы ждете письмо изъ Камчатки.

Мы снова получили приглашеніе въ Царское Село. Однажды я обѣдала у графини Ожаровской, въ ея прелестномъ домѣ на Англійской набережной. Изъ оконъ открывался превосходный видъ на Неву, и синія волны ея казалось протекали у самаго дома. Нева шире Рейна, вся покрыта кораблями всевозможныхъ странъ свѣта, спѣшащихъ выгрузить въ Петербургѣ богатство колоніальныхъ продуктовъ; по ея сапфировымъ волнамъ снуютъ барки по всѣмъ направленіямъ; по обоимъ берегамъ тянутся дома и различныя зданія, какъ напримѣръ, Биржа, Академія и дворцы Англійской набережной; Нева очень красива въ тихую погоду при лунномъ освѣщеніи. Я не могла привыкнуть къ русскимъ экипажамъ, къ бородатому кучеру, азіату, сидящему на козлахъ чисто европейской кареты, и маленькому кричащему форрейтору. Петербургъ, не смотря на свою красоту и правильныя постройки, кажется восточнымъ городомъ. По дорогѣ отъ Стрѣльны до самой столицы непрерывно тянутся прелестныя дачи всѣхъ стилей архитектуры— греческія, турецкія, арабскія, средне-вѣковыя, готическія, наконецъ, китайскія и швейцарскія, подъ сѣнью бѣлоствolой березы, блѣдная и кудреватая зелень которой такъ гар-

монируетъ съ темною зеленью елей и сосенъ; вдали пейзажа блеститъ Финскій заливъ.

Я поѣхала къ обѣдни въ Мальтійскую капеллу, гдѣ служили польскіе священники; іезуиты были изгнаны императоромъ Александромъ, уступившемъ нетерпимости русскаго духовенства; впослѣдствіи ему пришлось горькія сожалѣнія свои по этому поводу раздѣлить съ добродѣтельнымъ княземъ Гогенлоэ, еще позже плакавшемъ и молившимся о своемъ царственномъ другѣ при извѣстіи о его неожиданной кончинѣ.

Пропаганда іезуитовъ была уже слишкомъ усердная. Первый, кого они обратили, былъ сынъ министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына. Можно судить, какой огонь и пламя онъ извергалъ!

Ловкіе отцы работали также не безъ успѣха надъ умомъ императрицы-матери, и подъ удобнымъ предлогомъ излѣчить ее отъ болѣзни глазъ, одинъ изъ нихъ, искусный окулистъ, старался сообщить ей свѣдѣнія, относящіяся къ зрѣнію внѣ предѣловъ своего умѣнья. Имы сильно надѣялись на успѣхъ, говорилъ одинъ изъ сосланныхъ отцовъ моему мужу.

Молясь въ этой капеллѣ, исключительно посѣщаемой поляками, я не могла не примѣнить къ нимъ текстъ псалма: на вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Возвратясь въ Царское Село, мы послѣдовали вмѣстѣ съ дворомъ въ Петергофъ, и помѣщены были въ павильонѣ, гдѣ давались посольскіе балы; но такъ какъ въ этомъ году не было баловъ, то мы жили въ роскошномъ уединеніи, довольно далеко отъ дворца. Какъ всегда, фонтаны привлекли страшное стеченіе публики, и въ самомъ

дѣлѣ фонтаны эти удивительные, и разнообразны. Петергофъ имѣетъ своеобразную красоту. Дворецъ нехорошъ, а сады по образцу версальскихъ величественны.

Великая княгиня Александра отправлялась изъ Ораніенбаума въ Штетинъ на великолѣпномъ кораблѣ, отдѣланномъ по приказанію императора съ изящною роскошью. Ожаровскіе свезли насъ посмотрѣть этотъ 84-хъ пушечный корабль; на немъ, кромѣ морской команды, было тысяча человѣкъ гвардіи, все морское снабженіе, множество барановъ, телятъ, коровъ; безпокоились, что при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ коровы потеряютъ молоко, и ледъ растаетъ. Помѣщеніе великой княгини состояло изъ семи каютъ обитыхъ зеленымъ шелкомъ; маленькая молельня, фортепіано, ванна,—ничто не было забыто. Я выразила мой восторгъ императору.

— Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ удовлетворить желанію моей невѣстки, но не могу предохранить ее отъ морской болѣзни, сказалъ онъ.

Погода и вѣтеръ такъ были ужасны, что великая княгиня провела въ плаваніи двѣ недѣли и должна была выйти на берегъ до Штетина, чтобъ ѣхать въ Берлинъ.

Послѣ божественной литургіи въ придворной церкви при удивительно стройномъ пѣніи придворныхъ пѣвчихъ послѣдовало цѣлованіе руки императрицы-матери. Я была представлена двумъ великимъ княгинямъ.

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна, немного блѣдная лицомъ, была высокаго стройнаго сложенія и казалась Калипсой посреди нимфъ. Великая княгиня Елена Павловна, дочь принца Павла Виртембергскаго, заставила меня подождать: она была въ интересномъ положеніи, но все-та-

ки была свѣжа какъ роза. Всѣмъ извѣстно, какъ она умна и образованна. Братъ ея, котораго я имѣла случай видѣть нынѣшній годъ въ Вильнѣ, походитъ на свою августѣйшую сестру во всѣхъ отношеніяхъ, лицомъ (но не свѣжестью розы) и любезностью ума.

Въ Петергофѣ я осмотрѣла любимый домъ Петра Великаго, его спальню, шлафрокъ, ночной колпакъ, и башмаки Екатерины, доказавшіе мнѣ по своему размѣру, что она хорошо и прочно стояла на своемъ мѣстѣ.

Мы присутствовали при отъѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ, отправившихся въ Ораніенбаумъ въ каретѣ.

XXXI.

Встрѣча автора съ Александромъ въ паркѣ.—Императоръ говоритъ съ ней о поданномъ ею прошеніи.—Прощальные визиты.—Императоръ уѣзжетъ въ Сибирь.—Подарокъ по случаю крестинъ.—Авторъ встрѣчаетъ императрицу Елизавету въ паркѣ.

Дворъ возвратился въ Царское Село,—и мы вмѣстѣ съ нимъ. Императоръ вскорѣ собирался уѣзжать; мои дѣла не подвигались впередъ. Однажды рано поутру я пошла въ паркъ, чтобъ набросать въ альбомъ нѣкоторые его виды на память о прекрасныхъ мѣстахъ, гдѣ я пользовалась милостивымъ царственнымъ вниманіемъ, и только что усѣлась противъ новой развалины, какъ императоръ взошелъ на платформу башни и, посмотрѣвъ въ лорнетъ, узналъ меня. Собравъ наскоро мои наброски, я удалилась, чтобъ не показать вида, что поджидаю появленія его величества, но не успѣла я сдѣлать и ста шаговъ, какъ императоръ догналъ меня на поворотѣ аллеи, шедшей черезъ весь паркъ.

— Какъ вы скоро идете, сказалъ мнѣ государь, и сталъ жаловаться на усталость отъ множества дѣлъ передъ отъѣздомъ.

— Каждый годъ я путешествую въ это время, и всякій разъ такъ спѣшатъ покончить со мною всѣ дѣла, какъ будто не увидятъ меня болѣе.

Увы! то была послѣдняя поѣздка государя.

— Ваше дѣло кончено, прибавилъ онъ.

На мою другую просьбу о назначеніи моего пасынка Эдуарда Шуазеля-Гуфье флигель-адъютантомъ его величества онъ отвѣчалъ:

«Я долженъ вамъ сказать, какъ особѣ, которую люблю и уважаю, что не могу этого исполнить, такъ какъ молодой человѣкъ не былъ на дѣйствительной службѣ. Представьте себя на моемъ мѣстѣ, могу ли я лишить этого права отличившихся военныхъ, польскихъ полковниковъ, состоящихъ уже много лѣтъ на службѣ, и еще на какой! всегда на войнѣ, покрыты ранами и т. д. Для нихъ подобное назначеніе—награда».

Какая деликатная доброта въ отказѣ; упомянуть о полякахъ, хотя впрочемъ они никогда не служили ему. И я тоже просила его величество стать въ мое положеніе, сказавъ, что не могла отказать въ этой просьбѣ моему пасынку, не зная ея важнаго значенія и боясь прослыть злою мачихой; я умоляла государя простить мою докучливость.

— Вы не можете мнѣ надоѣсть, сказалъ государь.

Прощаясь, онъ выражалъ намѣреніе зайдти ко мнѣ въ часъ пополудни.

Государь показался мнѣ нѣсколько веселѣе, нежели въ предшествовавшіе дни. Тому не мало способствовала мысль

о скоромъ удаленіи изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ ощущалъ такую смертельную скуку(онъ все еще оплакивалъ кончину Софіи Нарышкиной;надъ ея могилой воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ въ Сергіевской пустыни) отъ министровъ и ихъ докладовъ.Къ моему великому удовольствію, о политикѣ мы не говорили ни слова. Говорили о литературѣ и искусствахъ.Государь утверждалъ, что я сдѣлалась извѣстна въ литературѣ по своимъ двумъ прелестнымъ романамъ (я думаю онъ не читалъ ихъ). Я разсказала ему мою ссору съ Constitutionale по поводу его; это его заняло, и онъ былъ доволенъ. Онъ спросилъ меня: пишу ли я здѣсь что-нибудь. Я отвѣчала, что пишу нѣчто въ родѣ дневника, но что вообще занята болѣе существенностью, чѣмъ отвлеченными предметами. Государь спросилъ, найдетъ ли меня здѣсь по возвращеніи, и просилъ располагать моимъ помѣщеніемъ; но эта жизнь паразитовъ, какъ ни была пріятна,не могла удовлетворить ни моего мужа, ни меня, да кромѣ того мой мужъ долженъ былъ ѣхать во Францію по своимъ служебнымъ дѣламъ. Во время нашего разговора маленькій крестникъ государя ежеминутно пріотворялъ дверь и просовывалъ въ нее свою хорошенькую свѣтлую головку. Императоръ увѣрялъ меня, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ его ухода, чтобъ остаться наединѣ съ своею maman. Я подвела ребенка къ государю, который милостиво поцѣловалъ его въ голову и поставилъ его на столъ, совѣтуя мнѣ въ воспитаніи не стѣснять его естественное развитіе: совѣтъ весьма мудрый, но кажется, я слишкомъ буквально слѣдовала ему. Когда я упомянула о пріемѣ,которымъ удостоили меня обѣ государыни, онъ сказалъ, что онѣ очень довольны были

познакомиться со мною, но впрочемъ давно уже знали меня и т. д. Я упомянула также о любви и императрицы-матери къ цвѣтамъ и прибавила, что она вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдуетъ и другими, болѣе важными питомниками. Императоръ понялъ мой намекъ и сказалъ, что учрежденія, созданныя его матерью, много способствовали къ улучшенію петербургскихъ нравовъ.

Прощаясь, онъ просилъ меня не забывать его, а также напомнить о немъ моей матери въ Варшавѣ; при этомъ я показала ему кольцо съ бирюзой, на которой вырѣзанъ былъ его портретъ, данное мнѣ матерью; онъ покраснѣлъ, узнавъ себя, и выразилъ надежду, что кольцо это будетъ мнѣ напоминать о немъ, спросилъ еще—найдетъ ли меня по возвращеніи и т. д. Не смотря на сопротивленіе съ его стороны, я проводила его на лѣстницу и сказала ему на прощаніе, что мужъ мой и я какъ издали,такъ и вблизи, желаемъ ему всякаго благополучія. При этомъ словѣ Александръ сдѣлалъ движеніе,полное разочарованія: не могу его забыть, такъ мнѣ было тяжело... Я видѣла его въ послѣдній разъ! Бѣдный, милый ангелъ, озабоченный счастіемъ другихъ, самъ онъ былъ несчастливъ. Онъ потерялъ все, что могло его утѣшать, украшать его старость.

Генералъ Уваровъ привезъ мнѣ отъ его величества подарокъ по случаю крестинъ—превосходный аграфъ, осыпанный брилліантами и рубинами,чудесной работы,ибо нигдѣ не отдѣлываютъ такъ хорошо брилліанты, какъ въ Петербургѣ. Я не хотѣла принять его, ссылаясь на забывчивость Александра. Генералъ въ свою очередь отказывался везти подарокъ назадъ. Мой мужъ пресѣкъ всякое затрудненіе: такъ какъ мы были безъ денегъ, то онъ предло-

жилъ возвратить эту вещь въ кабинетъ его величества, гдѣ ее приняли и выдали мнѣ за него деньгами съ малой потерей (500 фр. на 6.000 фр.).

На другой день рано утромъ императоръ уѣхалъ. Послѣ его отъѣзда мы пошли въ паркъ и встрѣтили императрицу Елизавету, гуляющую пѣшкомъ съ дѣвицей Валуевой. Я не сейчасъ узнала ее; я уже откланивалась ей предъ отъѣздомъ. Мой мужъ сказалъ: — «Императрица идетъ, отойдемъ въ сторону». Ея величество подошла къ намъ и удостоила сказать своимъ тихимъ голосомъ нѣсколько милостивыхъ словъ: она надѣялась, что наши дѣла и семейныя связи заставятъ насъ пріѣхать опять въ Петербургъ.

Въ началѣ сентября воздухъ былъ уже очень свѣжъ, а императрица была очень легко одѣта.

Объ отъѣздѣ императора она сказала:

— «Надонадѣяться, что путешествіе это принесетъ пользу императору. Сегодня хоть сносная погода, но вчера была ужасная»!

Непрерывно шелъ дождь. Увѣряли, что Елизавета была равнодушна къ своему супругу, но мнѣ показалось напротивъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ ею о немъ, даже та нѣжность, которая послышалась при этомъ въ ея голосѣ, убѣждали меня въ томъ. Наконецъ, смерть ея доказала ея постоянную любовь къ нему, такъ какъ она не пережила его, и одна ея надежда, одно желаніе было — соединиться съ ангеломъ, котораго она оплакивала.

Въ послѣдній разъ я сдѣлала прогулку въ паркѣ, уже унылымъ вслѣдствіе приближенія осени; деревья почти обнажились; я сорвала одинъ листокъ и сохранила его въ альбомѣ вмѣстѣ съ розой, данною мнѣ императрицей въ

Павловскомъ. Видъ этихъ прекрасныхъ мѣстъ, которыя я видѣла, быть можетъ, въ послѣдній разъ, замѣтное отсутствіе ихъ любезнаго хозяина, недавнее воспоминаніе о его постоянныхъ милостяхъ,наполнили сердце мое грустью, а глаза слезами, и я неудержимо заплакала... Или и благодарность можетъ перейти въ страсть? Да,когда она обращена въ теченіе двѣнадцати лѣтъ къ одному предмету, когда вызывается самыми трогательными доказательствами благоволенія, которое по словамъ этого ангела, ни время, ни отсутствіе не могутъ измѣнить! И какъ подумаешь, что это внимательное и доброе существо былъ могущественный государь, для котораго я ничего не значила,—могла ли я не питать къ нему, всею силою любящей души, нѣжное и чистое чувство признательности! И послѣ этого мнѣ скажутъ, что дружба не лучше любви!...

XXXII.

Авторъ осматриваетъ воспитательныя учрежденія въ Петербургѣ.—Императрица Марія обожаема всѣми воспитанницами. — Возвращеніе автора во Францію. — Письмо матери.—Послѣднее пребываніе Александра въ Варшавѣ.—Онъ заболѣлъ въ Таганрогѣ.—Авторъ узнаетъ изъ газетъ о непредвидѣнной кончинѣ его.—Сожалѣнія и скорбь всей Европы.—Письмо Елизаветы.—Ея смерть.—Память о дядѣ, сохраненная императоромъ Александромъ II.—Безпорядки въ Петербургѣ.—Княгиня Ловичъ.—Смерть ея вскорѣ за смертью великаго князя Константина.

Возвратясь въ Петербургъ, я спѣшила воспользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ императрицы матери осмотрѣть институты. Я поѣхала въ Екатерининскій институтъ съ моею падчерицей, супругою графа Эдуарда Шуазель-

Гуфье, у которой тамъ были родственницы. Мнѣ сдѣланъ былъ истинно царскій пріемъ, и мнѣ оставалось только вообразить себя важною особой. Я только удивлялась и чувствовала себя неловко. Хоть я и считала себя въ дѣтствѣ царицей луны, но до смерти ненавидѣла торжественныя представленія. Вотъ какъ съ годами мѣняется наша природа. Предупрежденная заранѣе приказаніемъ императрицы, г-жа Кремпине, начальница заведенія, встрѣтила меня въ назначенный день оффиціально со всѣмъ своимъ штабомъ, учителями въ полной формѣ, инспектрисами на своихъ мѣстахъ; воспитанницы были въ классахъ, ихъ спрашивали изъ древней и новой исторіи, изъ географіи, ариѳметики и хронологіи; онѣ отвѣчали на вопросы, стоя у большихъ аспидныхъ классныхъ досокъ. Мнѣ очень понравилась одна десятилѣтняя дѣвочка, отвѣчавшая изъ алгебры. Потомъ слѣдовали изящныя занятія, рукодѣлье; мнѣ показали чудесные ковры, вышитые молодыми воспитанницами и предназначенные для императрицы. Во время этой выставки дѣвицы прошли въ столовую, куда провели и меня; онѣ пропѣли молитву трогательнаго напѣва. Меня просили отвѣдать супъ, показавшійся мнѣ вкуснымъ и очень питательнымъ. Съ той и другой стороны было сказано множество любезностей при прощаніи и на выраженную мною благодарность.

Меня пригласили посѣтить общество благородныхъ дѣвицъ, гдѣ начальницей была баронесса Адлербергъ, статсъ-дама весьма почтенная и весьма уважаемая ея величествомъ императрицей-матерью. Это заведеніе, значительно больше Екатерининскаго, заключало въ себѣ тогда 460 воспитанницъ, какъ благородныхъ, такъ и не дворянска-

го сословія. Приказаніе принять меня было получено, но день посѣщенія не былъ назначенъ, и мое появленіе причинило въ заведеніи большую суматоху. Г-жа Адлербергъ, очень не молодая, была уже нѣсколько дней больна и поручила одной изъ инспектрисъ замѣнить ее и показать мнѣ классы, извиняясь предо мною самымъ вѣжливымъ образомъ и выражая мнѣ свое сожалѣніе, если видѣнное мною не будетъ соотвѣтствовать моимъ ожиданіямъ. Я отвѣчала выраженіемъ увѣренности, что общество не уступаетъ институту. Былъ обѣденный часъ; но дѣти были еще въ классахъ, не смотря на мою просьбу избавить ихъ отъ этого; по крайней мѣрѣ я избавилась отъ экзаменовъ, но за то сдѣлала длинную прогулку по всѣмъ заламъ и навощенному корридору, имѣвшему, конечно, тысячу шаговъ длины. Платья тѣ же что и въ Екатерининскомъ институтѣ, коричневыя, шерстяныя. Зданіе красивое и хорошо содержанное, съ прелестнымъ видомъ на Неву, Таврическій дворецъ и т. д. Когда я осматривала пальни, всѣ классы перешли въ столовую, и меня поразилъ видъ 460 юныхъ дѣвицъ, одинаково одѣтыхъ, и между которыми было нѣсколько очень хорошенькихъ, стоявшихъ вдоль длинныхъ столовъ, въ огромной залѣ со сводами. При моемъ появленіи всѣ разомъ поклонились и начали молитву. Садясь за столъ, онѣ подняли такой шумъ скамейками, что меня сочли нужнымъ просить не пугаться. Мы пошли вдоль столовъ. Каждый классъ сидитъ особо въ присутствіи своей классной дамы. По мѣрѣ моего приближенія дѣвицы вставали, но я просила ихъ не безпокоиться. Мнѣ подали на маленькомъ столикѣ весь обѣдъ: супъ, пирожки, мясо и зелень. Когда я уходила, всѣ разомъ встали, чтобъ поклониться мнѣ, и я въ свою очередь сдѣлала имъ глубокій реверансъ.

Я прошла къ г-жѣ Адлербергъ, чтобъ выразить ей мое восхищеніе всѣмъ видѣннымъ и попросить ее повергнуть къ стопамъ ея величества выраженіе моей почтительной благодарности. Г-жа Адлербергъ сказала мнѣ, что доложитъ о томъ государынѣ въ тотъ же день.

Всѣ эти юныя дѣвушки обожали императрицу; когда она пріѣзжала къ нимъ, —что было часто, —привозя корзины сластей и всякихъ лакомствъ, трудно было сдержать ихъ въ предѣлахъ должнаго уваженія. Они бросались на встрѣчу ея величеству, тѣснясь вокругъ нея, какъ дѣти вокругъ матери, и она дѣйствительно была имъ матерью, слѣдя заботливо за всѣмъ, что способствовало ихъ благополучію въ періодъ ихъ воспитанія и затѣмъ въ дальнѣйшей ихъ жизни.

Бѣдная императрица Елизавета стушевывалась при императрицѣ-матери, которая стояла во главѣ всѣхъ благотворительныхъ заведеній, и надо сознаться, своею величавою представительностью и истинно царственной осанкой, что впрочемъ не мѣшало ей быть доброю и ласковою, затмѣвала свою невѣстку. Елизавета должна была жить внутреннею и чисто духовною жизнью, занимаясь литературой, музыкой, и—думаю—размышленіемъ. По нѣскольку часовъ, говорятъ, проводила она, смотря на портретъ Александра и проливая слезы.

Мать моя писала мнѣ во Францію и сообщала о проѣздѣ императора Александра чрезъ Варшаву, которая тогда въ послѣдній разъ была осчастливлена присутствіемъ многолюбимаго монарха. «Никогда еще, писала моя мать: онъ не показалъ себя столь достойнымъ общей любви, столь благодушнымъ, столь довольнымъ всѣми отраслями управленія, успѣхами торговли и мануфактуръ, никогда не было

столько благодѣяній, щедротъ, орденовъ и т. д.». Увы! это была послѣдняя пѣсня лебедя. То, что императоръ навѣщалъ мою мать всякій разъ какъ бывалъ въ Варшавѣ, даже когда я отсутствовала, не доказываетъ ли изящества его природы? Мать моя была достойная особа, вполнѣ приличная и знатная, но не отличалась живостью и веселостью своей сестры княгини Радзивиллъ. Навѣщая ее, императоръ исполнялъ только долгъ вѣжливости; кромѣ того онъ зналъ, какъ она его любитъ, а онъ цѣнилъ безкорыстныя отношенія.

Когда разговоръ зашелъ обо мнѣ, о моемъ пребываніи въ Петербургѣ, моя мать дала прочитать его величеству нѣсколько строкъ изъ моего письма, гдѣ говорилось, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ пустили молву, будто государь спросилъ своего крестника: — «Не правда ли твой крестный отецъ красавецъ»? и будто бы сынъ мой отвѣчалъ: «И очень добръ».

Императоръ сказалъ:

— «Онъ правъ: я уже не красивъ болѣе».

Александръ первый возымѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ. Онъ уже запретилъ продажу крѣпостныхъ безъ земли въ Россіи; даровалъ свободу крестьянамъ въ Курляндіи. Этотъ всемогущій самодержецъ не хотѣлъ однако брать на себя иниціативу въ столь важномъ вопросѣ, и ограничился тѣмъ, что чрезъ посредство генералъ-губернатора, предложилъ дворянству великаго княжества Литовскаго освободить крестьянъ. Помню, какъ однажды мой отецъ возвратился изъ засѣданія знатныхъ лицъ весьма довольный изобрѣтенною этими господами увертkой, что они готовы послѣдовать примѣру своихъ старшихъ братьевъ русскихъ. Александръ, всегда стремившійся къ при-

мирительной системѣ, не хотѣлъ принуждать ни старшихъ, ни младшихъ, и дѣло не пошло; но онъ заблуждался. Надо было говорить и дѣйствовать рѣшительно и обратить свою власть для блага каждаго, что и совершилъ его царственный племянникъ. И вотъ мы до сихъ поръ несемъ на себѣ порожденное эгоизмомъ нашихъ отцовъ бремя тѣхъ условій, которыя постановило намъ правительство, тогда какъ послушная Курляндія мирно преуспѣваетъ. Какъ помѣщики, такъ и крестьяне, довольны своими взаимными отношеніями.

Здоровье императрицы Елизаветы, сильно разстроенное за послѣднее время, заставило ее предпринять гибельную поѣздку въ Таганрогъ. Трудно объяснить себѣ, почему доктора находили климатъ этого города, расположеннаго на берегу моря и открытаго въ продолженіе зимы для холодныхъ вѣтровъ, полезнымъ для слабой груди. Усиленно стараясь сохранить существованіе, дѣлавшееся ему болѣе дорогимъ по мѣрѣ своего угасанія, императоръ сопутствовалъ своей августѣйшей супругѣ въ Таганрогъ. И тамъ, на краю ихъ имперіи, ждала ихъ безжалостная смерть, чтобъ сразу поразить двѣ царственныя жертвы!

Успокоенный показавшимся ему минутнымъ улучшеніемъ здоровья императрицы, Александръ, всегда руководимый благороднымъ своимъ сердцемъ, служившимъ только на пользу подданныхъ, предпринялъ несчастную поѣздку по Азовскому морю. Онъ впалъ въ глубокую меланхолію, часто говорилъ о своемъ желаніи удалиться въ Таганрогъ, мѣстоположеніе котораго ему понравилось, не принималъ совѣтовъ своего доктора, англичанина Виллье, и жаловался только на сильно разстроенные нервы. Увы! онъ пораженъ былъ въ сердце, онъ умиралъ, чтобъ не наказать своихъ

мятежныхъ и неблагодарныхъ подданныхъ, узнавъ о ихъ страшныхъ намѣреніяхъ. Между тѣмъ какъ около него все пребывало какъ бы въ спокойствіи, не зная опасности, угрожавшей Россіи и ея государю, этотъ ангелъ, склонившійся подъ тяжестью ужасной тайны, въ послѣдней степени болѣзни, въ порывѣ страданія произнесъ только:

— О, чудовища, неблагодарные,а я желалъ имъ только счастья!

Слова эти пролили новый свѣтъ. Перебирая бумаги государя, открыли позорный заговоръ... Но было уже поздно, ударъ былъ нанесенъ, и измѣна заговорщиковъ и ихъ коварная неблагодарность послужили имъ лучше смертоноснаго кинжала!... Бѣшеные убійцы только обманулись! Онъ уже не существовалъ!... Славу, могущество, красоту, плѣнительность, любезность, ангельскую доброту, смерть, безжалостная смерть все поглотила, все уничтожила!...

Александръ разстался съ жизнью безъ сожалѣнія,—могъ ли онъ ее еще любить? Въ послѣднихъ словахъ его, сказанныхъ послѣ священнаго долга религіи, исполненнаго со всею покорностью, которая внушается истинною набожностью и чистою совѣстью, выразилось мирное состояніе его души въ послѣднія минуты жизни: «Какой чудесный день»! сказалъ государь, когда по его требованію отдернули занавѣсъ у оконъ его комнаты. Конечно, день, въ который онъ вкусилъ безграничную радость и безсмертную славу, былъ чудный день; но какъ онъ былъ ужасенъ для осужденныхъ пережить его, для несчастной Елизаветы, которая приняла послѣдній вздохъ, послѣдній взглядъ супруга, и только надѣялась послѣдовать за нимъ въ могилу, чтобъ соединиться на небѣ! «Ангелъ нашъ

на небѣ, писала она, а я еще прозябаю не землѣ; но я надѣюсь вскорѣ соединиться съ нимъ»...

Какое ужасное извѣстіе для царственной матери! Только ея глубоко-религіозная душа могла перенести такую потерю и такія страданія! Успокоенная на счетъ столь милой и драгоцѣнной жизни первымъ письмомъ императрицы Елизаветы, бѣдная мать исполнилась надеждой и радостью и пѣшкомъ отправилась въ церковь возблагодарить Всемогущаго, внявшаго наконецъ мольбѣ 50-милліоннаго населенія, молившаго Господа о сохраненіи имъ государя и отца. Жители Петербурга, опьяненные радостью при видѣ курьера, привезшаго счастливое извѣстіе, запечатлѣвъ въ сердцахъ своихъ каждое слово трогательнаго письма любимой императрицы, толпились въ церквахъ... Молебенъ еще не кончился, какъ великій князь Николай получилъ послѣднее печальное извѣстіе. Онъ вошелъ въ церковь, и всѣхъ поразила быстрая перемѣна въ его лицѣ, разстроенномъ печалью. Онъ не хотѣлъ и не могъ нанести сердцу матери столь страшный ударъ и помнилъ, что одна религія способна смягчить его. Всѣ замѣтили, что митрополитъ пошелъ на встрѣчу императрицѣ, неся въ дрожащихъ рукахъ распятіе, покрытое чернымъ флеромъ... По его медленной и торжественной поступи, по тому вѣчному знаменію страданія, которое было въ его рукахъ, несчастная мать догадалась, что выпало на ея долю, и подобно матери Господа нашего, безсильно упала передъ распятіемъ. Какая тяжелая сцена, какая картина для великаго художника! внутренность удивительнаго Казанскаго собора, блиставшая золотомъ и огнями; служитель церкви въ богатомъ облаченіи, всѣмъ существомъ своимъ выражавшій невыразимую и тихую скорбь; великая государыня и нѣж-

ная мать, по лицу которой только что промелькнула радость и смѣнилась печалью; великій князь Николай, пораженный гнетущимъ чувствомъ горя и безпокоящійся о любимой матери, группы присутствовавшихъ, выражавшихъ смѣсь сомнѣнія, надежды и страха; таинственный свѣтъ храма, смѣшавшійся съ свѣтомъ свѣчей; еще курившійся ладонъ передъ алтаремъ; эта смѣна радостной молитвы скорбною, — какой сюжетъ для новаго Рафаэля! сколько матеріала для великаго произведенія искусства.

Я была во Франціи, въ маленькомъ помѣстьи близъ Эпернэ, когда, подобно удару молніи безъ грозы, разнеслось печальное извѣстіе въ Европѣ о кончинѣ Александра, всеобщаго умиротворителя. Сидя одна въ рабочемъ кабинетѣ, я получила скорбное письмо отъ моей невѣстки. Прочитавъ его, я воскликнула: — «Не правда, не правда»! Какъ будто этотъ ангелъ не долженъ былъ умереть, но мой мужъ разстроенный вошелъ ко мнѣ, держа въ рукѣ Journal des Dêbats. Сомнѣнія больше не было! Не буду распространяться о глубокой скорби, наполнившей мою душу. Я утѣшалась только общею скорбью, къ которой присоединила и свою. Франція, столь много обязанная Александру, выражала свою благодарность, глубоко сожалѣя о немъ. Даже въ самыхъ низшихъ классахъ общества эта преждевременная смерть отзывалась печально. Одинъ бѣдный крестьянинъ въ Шампаньи сказалъ мнѣ: — «Увы, сударыня, онъ былъ также добръ, какъ и хорошъ». Другіе говорили: — «Онъ спасъ и защитилъ насъ». Какое похвальное слово изъ устъ тѣхъ, кого онъ шелъ побѣждать.

Австрійскій императоръ воскликнулъ съ непритворнымъ чувствомъ: — «Я потерялъ лучшаго друга». Слово, дѣлающее честь обоимъ монархамъ.

Моя мать не замедлила прислать мнѣ копію съ замѣчательнаго письма Елизаветы, опубликованнаго во всѣхъ журналахъ того времени: «Нашъ ангелъ на небесахъ»! а также кольцо, какія всѣ тогда носили, съ золотыми буквами на черной эмали: Notre ange est au ciel!

Елизавета писала императрицѣ-матери: «Матушка, не оставляйте меня, я совершенно одна въ этомъ скорбномъ мірѣ». Этотъ печальный вопль отозвался въ сердцѣ матери Александра. Не смотря на страшное потрясеніе, не обращая вниманья на свои ослабѣвшія силы, не страшась огромнаго пространства, которое ей нужно было проѣхать въ самое суровое время года, она поѣхала, и когда она прибыла, то желаніе и надежда Елизаветы уже исполнились: она соединилась въ небѣ съ ангеломъ, котораго оплакивала. Императрица застала еще не со всѣмъ остывшее тѣло своей невѣстки.

У меня есть также копія съ превосходной молитвы Александра, найденной послѣ его смерти въ карманѣ его мундира; но я считаю святотатствомъ помѣщать здѣсь это выраженіе святыхъ и грустныхъ порывовъ его небесной души. У доминиканскихъ монаховъ, которые имѣли іезуитовъ въ Петербургѣ, сохранился молитвенникъ, который подавали всегда Александру, когда государь пріѣзжалъ молиться къ нимъ въ церковь въ уединенные часы; въ этомъ молитвенникѣ сохранились закладки, которыми отличались выбранныя государемъ молитвы, всегда скорбныя.

Нельзя было свыкнуться съ смертію дорогаго государя. Много было говорено о томъ, много читала я описаній въ газетахъ и брошюрахъ того времени и, подымая глаза, искала Александра въ небѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ быть по словамъ его августѣйшей вдовы: «Нашъ ангелъ

въ небесахъ а еще такъ молодъ, полонъ силъ и жизни»!... Конечно, Провидѣніе отняло его у народовъ, чтобы остановить то ужасное посягательство, которое ожидало этого ангела, какъ агнца, идущаго на закланіе.

Императрица-мать не многимъ пережила своего сына и невѣстку; какъ извѣстно, она скончалась отъ апоплексическаго удара. Въ то время я только что кончила писать воспоминанія объ Александрѣ. Велѣвъ сдѣлать съ нихъ превосходную копію въ богатомъ переплетѣ, я намѣревалась поднести ее ея величеству императрицѣ-матери, но вдругъ узнала о кончинѣ ея. Она понесла къ престолу всевышняго отчетъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ, отчетъ о жизни добродѣтельной матери, супруги, государыни! Еслибъ я отличалась искательствомъ, то могла представить свой трудъ императору Николаю и, конечно, была бы имъ щедро вознаграждена; но вмѣсто того я подарила его моей матери, отдавъ ей то, что было назначено общей матери!

Съ кончиной императора Александра я прекращаю мои записки. Я не имѣла намѣренія писать исторію, а хотѣла только изобразить то, что видѣла и знала о милостяхъ обожаемаго монарха.

Такъ изчезли въ короткое время одинъ за другимъ два исключительныя существа, которыя родятся вѣками, существа, сначала соединенныя узами взаимнаго уваженія, дружбы, а разъединенные политическими событіями,—существа, которыхъ г-жа Крюднеръ называла чернымъ и бѣлымъ ангеломъ; я же назову Наполеона блестящимъ геніемъ, а Александра — образцомъ ангельской доброты.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
..... " ..... 193 г.

Въ Главной Конторѣ сборника ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ можно получать **поступившіе въ отдѣльную продажу** мемуары **А. Коцебу:**

Достопамятный годъ моей жизни.

Цѣна за 2 части, 1 р. 50 к. с.

Лица, выписывающіе означенныя изданія изъ Главной Конторы сборника «Древняя и Новая Россія» (Спб., Невскій просп., рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи В. И. Граціанскаго) за пересылку книгъ ничего не платятъ.

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ

Древняя и Новая Россія

издается въ 1879 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1875, 1876, 1877 и 1878).

Подписная цѣна за **двѣнадцать книжекъ** въ годъ, со **всѣми художественными и литературными приложеніями**, **12 р. с.**, съ доставкою на домъ **12 р. 50 к. с.**, съ пересылкою **13 р. 50 к. с.**, за границу **14 р. с.**

Разсрочка въ платежѣ допускается по соглашенію съ редакціею.

Въ главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «**Древняя и Новая Россія**» за 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. Каждый годъ состоитъ изъ **трехъ большихъ томовъ** (до 150 печатныхъ листовъ) съ **60—70 портретами и рисунками.**

Цѣна каждаго года безъ пересылки **двѣнадцать руб. сер.**, съ пересылкою **тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.** Всѣ четыре года вмѣстѣ уступаются за **сорокъ руб. сер.** безъ пересылки; за пересылку же слѣдуетъ прилагать деньги за **одинъ** пудъ, по разстоянію.